

Дарья Усвятова
КАЗАЧИЙ СПАС

Книга первая

Справная Жизнь

[1] Предисловие

Здравствуй, Читатель!

Книга, которую ты держишь сейчас в руках — абсолютно новая. Не потому, что обложка ее еще сияет гляncем, и кое-где (возможно) даже не разрезаны листы, и не потому, что на полках эзотерической литературы появилось новое имя.

Она нова, потому что содержит в себе НОВОЕ знание, которое никогда еще не было описано в книгах. Я, Дарья Усвятова, заявляю об этом со всей ответственностью.

В чем же ее новизна?

Прежде, чем ответить на этот вопрос, я спрошу вас сама — почему вы взяли ее в руки? Скорее всего, вас привлекло название — «Казачий Спас». Кое-кто, возможно, читал публикации на эту тему, кому-то просто само сочетание слов показалось родным и понятным.

Так что же такое Казачий Спас и почему я решила написать о нем?

* * *

В мае 2001 года, проводя в одной из донских станиц археологические исследования, я познакомилась с необычной женщиной. Домна Федоровна Калитвина — потомственная казачка, хранительница древней духовной традиции, которую в среде казаков называют Казачьим Спасом.

Это название было мне знакомо и раньше, но до момента встречи с Домной Федоровной я имела весьма поверхностное представление о том, что такое Казачий Спас. Для меня это понятие было связано, прежде всего, с легендами о мифических богатырях-казаках, которые, подобно героям волшебных былин, не только обладали огромной физической силой, но и владели навыками волхования, благодаря чему становились неуязвимыми. Слышанные мною старинные предания о казаках-характерниках (так называли тех, кто владел Казачьим Спасом) полны чудес, похожих на волшебство. Будто жили некогда казаки-галдовники (колдуны), коих ни пуля не брала, ни шашка не рубила. Умели они заговаривать пули, напускать в поля туман, оборачиваться любым зверем, разговаривать на всех человеческих языках, навевать на врагов морок и выведывать любые секреты. Еще понимали они свойства трав и минералов, а также знали слова особой молитвы, что смертельно недужного человека к жизни вернуть способна.

Много сказок сложено про характерников... Но мало кто знал, что под покровом волшебства скрывалось тайное и мощное Знание о Казачьем Спасе. Легенды и байки складывались, с одной стороны, людьми, которые становились свидетелями проявлений чудесных сил, но, не понимая сути, объясняли увиденное колдовством. С другой стороны, те, кто владел Спасом, не спешили развенчивать мифы о чуде: знание хранилось в строгой тайне, и лишь немногие могли удостоиться посвящения в истинный Спас. Знание о Казачьем Спасе передавалось из поколения в поколение по семейным линиям, и только в очень редких случаях в тайну посвящался посторонний человек.

Легенды о Спасе веками ходили из уст в уста и дожили до наших дней. Чудеса, происходящие в них, покажутся современному человеку лишь плодом воображения наших суеверных предков. Но — сказка ложь, да в ней намек...

Познакомившись с Домной Федоровной Калитвиной и ее семьей (каждый из членов которой тоже является хранителем знания о Спасе) я узнала, что Казачий Спас — это не волшебная сила, а передаваемая из поколения в поколение мудрость людей особого рода — казаков. Много веков назад пришли они в Дикое поле и выжили в нем, борясь со стихией и приручая природу, побеждая врагов и приобретая кунаков. Накопленный за столетия опыт выживания сложился в целостную систему знаний о мире и о человеке. Знания эти хранились в семье Калитвиных в течение более чем двухсот лет.

И вот, по какой-то случайности, по прихоти судьбы Казачий Спас попал в руки человека, на первый взгляд, постороннего. Впрочем, встреча со Знанием на грани жизни и смерти — явление не редкое. Именно в пограничных состояниях часто приходят озарения свыше. Мне суждено было соприкоснуться с этим Знанием, но, встав на Путь Спаса, я не стала ни ведуньей, ни целительницей. Я все тот же простой человек, и для меня большая честь (но и огромный труд!) нести эти знания в мир. И сама я никогда не решилась бы написать книгу о Спасе, если бы за мной не стояла моя духовная наставница и многие поколения хранителей Знания.

Возможно, кто-то другой сделал бы это лучше меня, но Спас доверил эту миссию мне. Конечно, я — археолог с узкой специализацией — в этой теме только гость. Но, как сказала бы Домна Федоровна, «гость недолго гостит, да много разумеет». В том, что рассказывала и во что посвящала меня Домна Федоровна, я видела не материал для научной карьеры, и не интересную тему для книги, а свод тысячелетней мудрости, зреющей в казачьей среде из поколения в поколение.

Я поняла, что удивительные возможности, которые дарит людям это знание, поистине безграничны. Люди, овладевшие приемами Спаса, могут предсказывать события будущего, предчувствовать беду и предвидеть радость. Человека, идущего путем Спаса, знание исцелит от болезни и избавит от душевной скорби, оно поможет ему сохранить молодость и продлить жизненную активность до преклонных лет.

Мне довелось близко познакомиться с Казачьим Спасом, войти в эту тайную традицию и встать на Путь Спаса. Многое из того, о чем говорилось в легендах, оказалось правдой! Но реальность намного сложнее легенды. Чудесные состояния сознания, прекрасные видения, невероятные события — все это лишь сопутствующие эффекты, пышные цветы при дороге. Суть же самого Спаса гораздо глубже. Тайные знания, составляющие Казачий Спас, опираются на особое представление о Мире, человеке и его возможностях. Человек как вселенная и человек во Вселенной — две главные вещи, на которых сосредоточено внимание того, кто владеет Спасом. Познание законов Божьего мироустройства и соблюдение этих законов и есть Казачий Спас.

Вероятно, эта книга покажется многим несколько необычной. И действительно, она отличается от большинства популярных изданий по психологии, нетрадиционной медицине, магии и волшебству. Основное внимание в ней уделено тому, как ЛИЧНО я соприкоснулась со Спасом. Безусловно, я не могла обойти вниманием некоторые методики и практики Казачьего Спаса, но в первую очередь эта книга — описание моего Пути к Спасу.

Перед тем, как сесть за работу, я долго размышляла, в какой форме принести людям знание о Спасе. И пришла к выводу, что ни подробное описание духовных и физических практик, ни набор сухих рецептов, ни сборник молитв и заговоров не дадут и сотой доли понимания того, что же такое Спас.

Пожалуй, главное в этой книге то, что она является результатом личного соприкосновения с тайной, соприкосновения со Знанием. Это ПЕРЕЖИТОЕ знание, и именно личный опыт автора делает ее не похожей на многие сборники перепечатанных из разных источников рецептов и методик.

«Казачий Спас» — книга, написанная под влиянием особого «ведения» свыше. Собственно, я здесь являюсь лишь посредником между читателем и Знанием, стрелкой компаса, указывающей направление к Пути. Задача, которую я ставила перед собой — передать живое дыхание Казачьего Спаса.

Пока шла работа над книгой, издатель постоянно задавал мне вопрос — что даст она читателю? Я отвечу на него так.

Ни для кого не секрет, что жителям современной России — вне зависимости от того, богат человек или беден, молод или стар — свойственно ощущение одиночества, потерянности в этой жизни и бессмысленности происходящего. Все мы словно бегаем по кругу, вырваться из которого можно, лишь умерев. Спас открыл мне глаза на многие вещи, и в первую очередь на то, что такое ощущение — ложно.

Мы живем в трудное время и в трудной стране. Трудности эти связаны с масштабностью России, ее бесконечными расстояниями и бесконечным разнообразием природы, форм жизни, национальностей и культур. Нам все время кажется, что мы идем к развалу страны, неизбежно катимся в пропасть... Кажется, что не осталось в нашей жизни ничего, что могло бы объединить людей, объединить страну. Оттого все чаще и чаще звучат нотки отчаяния — и в дружеских разговорах, и в средствах массовой информации. Но достаточно взять в руки любой — даже школьный — учебник истории, чтобы понять: Россия оказывалась на грани гибели не один раз. В этом смысле наше время отнюдь не является каким-то особым, исключительным.

[цитата]

И ты, и я — мы все имели честь

Мир посетить в его минуты роковые...

(Максимилиан Волошин)

[конец цитаты]

И, как видно из той же истории, всякий раз, на самом краю пропасти, в нашей стране находилась сила, которая спланивала людей, двигала нацию вперед, и Россия, в конце концов, далеко опережала другие страны. Сила эта рождалась не в столицах, появлялась она на окраинах — там, где люди, находясь в состоянии ежедневной борьбы за выживание, познавали Закон Жизни. И это не случайно: ведь именно на опасные окраины, туда, где границы Руси-матушки постоянно осаждались ордами желающих поживиться за счет богатого соседа, стекались пассионарии со всех концов России. Именно там сосредоточивались лучшие физические, интеллектуальные и духовные силы единой российской Нации, включающей в себя множество национальностей и этнических групп. Казачьи окраины России не раз спасали страну от падения, расширяли границы и присоединяли к ней новые земли — от Черного моря до Дальнего Востока.

В казачьей среде зрели до поры зерна духовного знания, тесно связанного с мистическим православием, и знание это звалось Казачьим Спасом. Зерна эти принесли казакам святые старцы, которым душно было в удобных кельях богатых монастырей, принадлежащих официальной Церкви. Много монахов-мистиков ушло на Дон во времена раскола. Селились они близ казачьих станиц и передавали свои знания тем из казаков, кто по состоянию души был готов для восприятия Тайны. Тщательно оберегаемая, Тайна эта

жила в казачьей среде много веков — жила для того, чтобы в нужный момент выйти к Миру и показать путь тем, кто утратил свет Надежды. Этот момент настал.

С благословения хранительницы Знания Домны Федоровны Калитвиной я написала книгу о Казацьем Спасе. В первой части «Справная Жизнь. Без нужды и болезней» я рассказываю историю своего знакомства с целительницей и мои первые шаги на пути Спаса. Во второй книге описан второй этап обучения, он был почти полностью посвящен своду знаний, который в Казацьем Спасе именуется «Справный дом». Это система обустройства и ведения дома, гармонично вписанного в пространство Вселенной: дома — помощника, дома — хранителя, дома — родового гнезда. А третья часть посвящена тому, что составляет самую суть Казацьего Спаса — я говорю о владении Словом. Именно Слово одухотворяет традицию Спаса, вдыхает в нее жизнь, дает ей силу и необычайную мощь воздействия. Слову творящему, Слову в ипостаси Логоса — воплощенного Господа и посвящена та часть моей книги, которая называется «Спаси и защити! Молитвы, заговоры, слова благие и черные».

Многие мои современники ищут в подобных изданиях четких практических рекомендаций. Есть такие советы и в моей книге, но их количество вряд ли устроит «коллекционеров» рецептов на все случаи жизни. Лично я отношусь к многочисленным публикациям подобных рецептов с большим сомнением. Знания в области медицины, магии и тонких энергий — народная мудрость, которая не может быть доступна всем по той простой причине, что передаваться они должны устно, от учителя к ученику. Именно поэтому для своей книги я подбирала техники, которые были бы действенны и без передачи их силы от человека человеку. Тот, кому суждено овладеть по-настоящему мистическими знаниями, рано или поздно столкнется с ними. А тот, кто не готов к постижению Тайны, не приблизится к ней и на миллиметр, пусть даже он перечитает все на свете книги по магии.

Можно искать медяки на дороге, глотая пыль. А можно находить богатые клады при помощи одного только Слова... Но, поверьте — смысл настоящего Знания не в пыли и не в роскоши. Оно как дорога, по окраинам которой рассыпаны и медь, и золото. Тот, кто будет смотреть на золото, не увидит Пути. А вставший на Путь уйдет от болезней и отчаяния к радости и гармонии.

Я просто уверена, что Казацкий Спас — именно то Знание, соприкосновение с которым позволит современному человеку понять, что он в этой Жизни не случайный прохожий, а совершенное воплощение Вселенской Радости и Божественного Промысла. Тот, кто сумеет уловить дыхание Спаса, поймет, что нет в жизни бессмыслицы и тупиковых ситуаций, а есть ваш личный Путь, который вписан в Путь Великой Вселенной. Лишь сделав первый шаг на этом Пути, вы поймете — вам помогают все силы Вселенной. Так считает моя наставница, и в этом уверена я сама.

Самое важное, что надо понять: Казацкий Спас — это нечто большее, чем собрание рецептов и практик. Спасом наполнена эта книга, и даже простое чтение немудреного моего повествования даст вам пищу для размышления. Воздействие книги, как и любых подобных произведений, не прямое. Читать ее нужно не умом, а душой, воспринимая и впитывая образы, через которые в сознание входят вибрации Знания.

Что же касается практических рекомендаций, то в книге вы встретите их немало. Именно на них я сосредоточила дневниковые записи. Они содержат рекомендации, которые можно выполнять, живя не только в сельской местности, но и в городе. Много практических советов найдете вы и во второй книге о Спасе под названием «Справный дом» — в ней идет речь о казацьем фэн-шуйе, или правилах домоустройства согласно Казацьему Спасу.

Но прежде чем переходить к частностям, нужно освоить общие принципы.

В книге вы найдете изображение иконы Спаса Нерукотворного — явленного Образа Казачьего Спаса. Этот образ — еще один ключ к тайному знанию, и созерцание его поможет вам соприкоснуться с Духом, наполняющим знание о Спасе.

Каждый, кто почувствует в себе силы следовать Пути Казачьего Спаса и встанет на этот путь, очень скоро увидит, как жизнь его стремительно меняется в лучшую сторону. Материальное положение, состояние здоровья, личная жизнь — все стороны существования придут в норму, и вы получите от жизни то, что необходимо именно вам. Но не ищите в Спасе панацею от всех болезней и ключ к удовлетворению амбиций. Спас дает только то, что может пригодиться человеку на Пути, он же и позаботится, чтобы вы на этом Пути не знали ни болезней, ни нужды.

Что касается практик, то вы можете заниматься ими выборочно, либо всеми сразу. Главное — регулярность и постоянство усилий. Эффект от упражнений будет замечен сразу, но только длительное ежедневное повторение позволит вам накопить необходимую силу.

Для лучшего вхождения в Казачий Спас, я рекомендую вам делать в процессе чтения паузы и не читать дальше, пока вы не попробуете ту или иную технику. Читая постепенно, вы будете понемногу открывать сознание для наиболее полного постижения Спаса.

Не ориентируйтесь на чужой опыт — в том числе и на описанный в этой книге опыт автора. У вас свой собственный Путь, пройдите его самостоятельно. Помните — Казачий Спас дает каждому то, что нужно именно ему и никому другому.

[цитата]

Некий монах, собирая целебные травы, вдруг услышал ангельский глас, повелевающий стать лицом на Восток, поклонить колени и сотворить молитву. Повиновавшись, инок сподобился Божественного Откровения, которое велено было ему принести в Мир. Долго думал монах, как лучше всего это сделать, и наконец начертил Слово Откровения на шелковом свитке и отнес на перекресток восьми дорог. Сам же силой Слова Божия сделался невидим, стал рядом и начал наблюдать. Первой по дороге прошла мать с младенцем; увидев гладкий шелк, она взяла его, чтобы сшить из него нарядную пелену для дитяти. Монах огорчился, но вернулся обратно и изготовил новый свиток, после чего вновь отнес его на перепутье. Вторым свиток подобрал торговец, который разрезал Откровение на лоскуты и продал их в качестве носовых платков на ближайшей ярмарке. Третьим проходил полководец с полком, и взял он свиток, и насадил его на древко, так что получилось знамя. Много раз монах чертил на шелке Откровение, и всякий раз люди приспособливали его к своим нуждам, не удосуживаясь прочитать Божье Слово. На закате вновь услышал монах Глас Неба, вопрошающий, исполнил ли он волю Божью. «Увы, Господи, я не смог исполнить твое веление» — промолвил инок и рассказал, что произошло в тот день на дороге. «Ты все правильно сделал — ответил Глас. — Ты передал Знание людям, и не твоя забота, какая из птиц Божьих совет из него лучшее гнездо».

[конец цитаты]

[1] Глава 1

[1] Проклятие Батыева кургана

В степи Среднего Дона весна приходит рано. С мартом зеленеет, в апреле распускается, в мае бурно цветет и на пике расцвета умирает вместе с троючкими дождями, после которых начинается иссушливое степное лето. Жара за пятьдесят, на десятки километров вокруг все бежево и пыльно. Солнце палит. Ни тенечка, ни ветерочка; пространный духота смешивается с дымным запахом, исходящим от чернеющих пятен сгоревшей кое-где травы. Но именно это жестокое время — период археологических раскопок всех мастей.

Донскую степь копают уже сто лет. Студенты и ученые, черные археологи и вездесущие местные мальчишки, кто-то ищет что-то определенное, кто-то копает наугад. Античные, скифские, славянские древности привлекают приезжих, а среди местных из поколения в поколение ходят легенды о Батыевых кладах. Междуречье Маныча и Егорлыка перекопано вдоль и поперек. Почти в каждом дворе вы найдете или медный сосуд эпохи бронзы, или греческое украшение из янтаря, или керамическую бляшку из могильника катакомбной культуры.

Раскопки для археолога — дело далеко не первое. Прежде чем снарядить экспедицию, надо съездить на разведку и узнать, какое направление в той или иной местности наиболее перспективно. Расспросы населения, описание артефактов, составление отчетов — с этой работой справиться можно в одиночку. Вот так и получилось, что в мае 2001 года я попала в одну из станиц на западном Маныче. Командировка планировалась для двоих, но в Институте, как всегда, не хватило денег, таким образом, на Средний Дон я отправилась одна.

Мне предстояло работать в живописном местечке на берегу Маныча-Егорлыка. Станицу окружали айвовые и яблоневые сады, обширные виноградники (которые как раз цвели), за селом в обрывистой красе густо синела река. Раскинувшаяся вокруг степь расцветала живыми и свежими красками; единственная дорога, ведущая в райцентр, терялась в траве высотой в человеческий рост.

Артефактов у станичников нашлось немного: народ здесь живет работающий, раскопки и прочие «бесполезные» занятия воспринимаются как игры для ребятишек. Описание найденных вещей заняло два дня и уложилось в три страницы текста. Для отчета негусто, зато все оставшееся время можно было со спокойной совестью наслаждаться красотой здешних мест и еще по-весеннему нежным южным теплом, особенно приятным после промозглого северного мая. Скучать не давали станичные мальчишки — узнав, что я занимаюсь археологией, они начали таскать мне всевозможные «находки» — проржавевшие штыки, гильзы, рукоятки, — отголоски последних войн. В общем, ничего интересного для того, кто ищет следы бронзового века. Видя, что все эти «железки» не представляют для меня ровно никакой ценности, мальчишки расстраивались, однако не сдавались и упорно продолжали приносить мне «древности».

И вот однажды утром соседские пацанята вошли во двор с торжествующим видом. Поздоровавшись подчеркнуто официально (не тетя Даша, как обычно, а по имени-отчеству), они вручили мне увесистый осколок большого керамического горшка. Увидев его, я ахнула: то был фрагмент одного из знаменитых «елочников» маньчской культуры — сосуда, украшенного елочным орнаментом. Значит, где-то здесь находятся погребения бронзового века! Быстро собралась, и вместе с мальчишками мы отправились в степь. Местом ценной находки оказался невысокий курган километрах в пяти от станицы. Он был уже наполовину разрыт, причем довольно варварским способом — воронкой, а не траншеями. Вероятно, здесь побывали

черные следопыты, хотя и довольно давно — яма успела зарастить амброзией. Спустившись, я пожалела, что не взяла с собой хотя бы кисти: прямо в траве повсюду валялись кусочки керамики. Они были слишком мелкими, чтобы представлять интерес для охотников за ценностями, которые можно продать. Но мне эти кусочки ясно говорили: здесь находится древнее и весьма большое погребение. Очень осторожно я начала руками раскапывать сырую комковатую землю. Мне попала кость какого-то крупного животного, видимо, коня, а может, и верблюда. Наскоро набросав в блокнот основные данные, я решила пока оставить все как есть, а назавтра придти с инструментами и записать параметры в подробностях.

Обратно шли в самый разгар послеполуденной жары. От земли поднимался тяжелый пар, степные ароматы душили знойной горечью. Я посетовала, что не взяла с собой воды, и пацаны предложили свернуть к источнику неподалеку от тропинки. Кое-как обмыв руки от курганной пыли (какая там гигиена, если шагать еще час, а в горле Сахара!), я напилась ключевой воды — солоноватой, как и везде на Маныче.

Всю оставшуюся часть дня мною владело сладостное предвкушение: кто знает, какие находки скрывает старый курган? К вечеру над станицей нависла темная туча, и я испугалась, что пойдет дождь — назавтра раскопки превратятся в яму жидкой грязи. Но гром погромел где-то вдаль, и наутро снова сияло солнце. Однако идти к кургану мне все равно не пришлось: было воскресенье Троицы, престольный праздник в станичном храме. День святой и очень почитаемый донскими казаками — любые работы в такой праздник запрещены и даже наказуемы. Моя хозяйка с утра ушла в церковь на праздничную службу. Я тоже хотела пойти вместе с ней: послушать местный церковный хор, посмотреть на красоту казачек и стать казаков, оценить пестроту и богатство нарядов — на Дону, как встарь, в церковь надевают все лучшее и новое. Но с самого утра меня одолела ломота и какая-то сонливость, разболелась голова, и мне пришлось остаться дома. Не позавтракав, я провалялась в постели до прихода хозяйки.

Мария Сергеевна пришла не одна, а со своими двумя уже взрослыми дочками. Женщины заглянули ко мне, отметили мой нездоровый вид, покачали головами и отправились готовить праздничный обед: к вечеру намечались гости. Настряпали вкусностей, вынесли во двор столы.

Едва спала жара, пришли соседи — большая, говорливая, нарядная компания. Однако ни щедрое угощение, ни разлившиеся над станицей старинные песни меня не радовали: было ощущение, что я подхватила грипп. Посидев с гостями совсем немного, я ушла в хату. Скоро небо потемнело, но не от сумерек, а от новой тучи — еще чернее и огромней вчерашней. Грянул гром, и люди во дворе засуетились, срочно убирая столы.

Дождь пришел только ночью вместе с отчаянной грозой и лютым ветром, воющим в вершинах пирамидальных тополей трубами Судного дня. До утра меня тошнило и лихорадило, а к рассвету подступил то ли кошмар, то ли галлюцинация: из глинистой земли древнего могильника вставали всадники на черных конях; пощечины мокрого ветра гасли на монголоидных медных лицах... вороные бока лошадей в сполохах молний сверкали голографическим радужным блеском...

Утром пришла в себя, но подняться сил не было. Тело горело, сердце железным набатом колотилось прямо в голове, внутренности выворачивало наружу. Возле меня стояли Марья Сергеевна и соседка, тетя Дуся.

— Очнулась, доча? Уж думали, помрешь. На-ка вот, попей, — хозяйка подняла стоявшее на полу детское ведерко.

Желтоватая мутная вода пахла отвратительно.

— Что это? — спросила я.

— Навоз кониный, с теплой водой, — буднично ответила Марья Сергеевна. — С перепоею первое дело.

Меня замутило еще больше. Еле ворочая языком, я объяснила, что вчера вообще не пила алкоголь.

В комнату вошел муж соседки, скользнул взглядом мимо меня и что-то негромко и быстро сказал на ухо Марье Сергеевне. Я расслышала что-то вроде: «проклятый курган», «не своей смертью умрет»... От его слов лицо хозяйки как-то странно перекопилось, как будто она узнала нечто ужасное.

Соседкин муж продолжал:

— «Скорая» не поедет — дорогу размыло. Машина не пройдет. Разве на брычке только везти.

— На брычке? Тридцать один километр? — с ударением на «о» в последнем слове выдохнула тетя Дуся.

— Тогда — на коника и к Калитвихе. Тут до хутора через поле две версты всего. Иначе помреть Манькина гостья, — мужчина посмотрел на меня словно коновал на хромую кобылу. — Вишь, зеленая какая — щас отойдет. Ну, вы собирайтесь, а я пойду запрягать.

Меня одели и завернули в огромный кусок темно-синего непрозрачного полиэтилена с чем-то вроде капюшона наверху. «Словно труп» — подумалось мне.

На улице было сумрачно, влажно и холодно. Миллиардами тяжелых плетей с неба хлестко падал дождь. Во дворе под навесом уже стоял конь вороной масти (точь-в-точь как в моем кошмаре). Дядька Петро, одетый в такой же, как у меня, синий полиэтиленовый плащ, затягивал подседельные ремни. Меня усадили боком впереди седла; жесткая лука сразу же больно впилась в бедро. Мир вздрогнул, вокруг закружились дома и сады, черный конь-корабль поплыл по степи в зелено-сером море; сливающиеся нити дождя и трав текли вниз по спирали и, наконец, сгнули в темноту...

[1] Глава 2

[1] **Исцеление Спасом**

Я проснулась, вдыхая теплый воздух, пропитанный смолистым древесным запахом; в нем слышалась мятногорькая нота какой-то духовитой травы. Открыв глаза, обнаружила, что нахожусь в небольшой квадратной комнате без потолка. Вверху были видны деревянные перекрытия, плотно пригнанные друг к другу крест-накрест. Оттуда свешивалась толстая цепь, на которой висела не то старинная лампа, не то фонарь, что-то наподобие стеклянной реторты в оплетке из ковanej меди.

"Очень даже стильно, — пришло мне на ум. — Интересно, он на самом деле светит или только для красоты?". Вдруг до меня дошло, что я себя чувствую прямо-таки чудесно. Я вскочила с кровати, оделась и стала осматривать комнату. Угол у входа занимала округлая голландская печь, выложенная продолговатыми узорными плитками молочного цвета. На медной заслонке красовалась щегольская рукоять в форме собачьей головы. Стены, отделанные широкими панелями, две резные этажерки (одна с книгами, другая с какими-то пузырьками и коробочками), лавка, стол, половицы — все было из некрашеного, покрытого лаком светлого дерева. Желто-солнечное мягкое сияние, исходящее от всех этих вещей, придавало комнатке особый уют. В углу справа от окна висела икона Божией Матери; перед ней в красном стаканчике теплилась лампадка. За окном шумел сад, и по-утреннему пели петухи. Из-за двери слышались чьи-то голоса. Я потянула медную ручку, дверь мягко поддалась на меня и неслышно отворилась. Я очутилась в просторном помещении, которое, по-видимому, служило одновременно и кухней, и гостиной: в одном конце его находилась газовая плита, соединенная с мойкой, а в другом стоял угловой диванчик и покрытый цветастой

клеенкой стол; за ним вполоборота ко мне сидела Мария Сергеевна. Справа от моей двери, из стены полукругом выступал камин, выложенный таким же молочным кафелем. Я догадалась, что это своеобразная система центрального отопления всего дома. Четверть круга в моей комнате, половина в кухне-гостиной; значит, в доме есть ещё одна комната, в которую уходит оставшаяся часть печи.

У плиты спиной ко мне стояла высокая худощавая женщина. Ровные плечи, прямая гибкая спина, длинная шея — стать шолоховской Аксины. Тяжелые, смоляного цвета волосы убраны в черную кружевную шлычку. Звездными туманностями в них сияли редкие полосы проседи.

— ... я и думала, Домнушка, — Мария Сергеевна была так увлечена разговором, что не замечала меня. — Упиалась девка на Троицу. Городская, хилая, а первач у Вовки Атаманца — разведи стакан хоть на литр, хоть на два — гореть будет. А потом, как уже до тебя собрались, прибежали ребятишки, сказали — на курган ходила, где позапрошлый год приезжали батыевы схроны искать. А как двое померли, так и не стали ездить: проклятое место! Говорять, те схроны только на татарскую кровь отзовутся, и то не на всякую, а чтоб батыева рода.

— А ребятишки что там рылись, батыева, что ль, рода? — не оборачиваясь, спросила высокая женщина у плиты.

— Да как ребятишки-то в курган не слазили! Знают, архаровцы: полезешь — кладовик утянет!

— Но ты ведь, доня, поди не клады ходила искать?

Я вздрогнула, поняв, что высокая сейчас обращается ко мне.

— Нет... погребения... бронзовый век... — вслух, а про себя подумала: «я же стою давно тут и бесшумно совсем... Вон Мария Сергеевна и краем глаза не увидела, а эта спиной... На затылке у нее глаза, что ли?»

— У человека глаз на затылке нету, — отвечая на мои мысли, произнесла, оборачиваясь, высокая женщина. — Я тебя слышала, как ты встала. Ты так — скоком-то — не подымайся. Слаба еще, даром что отошла.

— Ой, Дашутка! А я тебя и не видала, как ты взошла! — Мария Сергеевна кинулась ко мне и крепко обняла. — Ну слава Богу, живая! У меня вчера весь день душа не на месте — как ты, что... Вот с утра и собралась. А то уж слух по станице: заморила Манька столичную гостью.

— Брехня не лежит у плетня, — женщина подошла к нам. — Ну, Дарья Батьковна, здорово ночевала?

Ловким привычным жестом она взяла мое лицо обеими руками, оттянула нижние веки, внимательно взглянула куда-то вглубь меня, удовлетворенно кивнула и опустила руки. Я рассматривала ее во все глаза и старалась прикинуть, сколько ей лет. Смуглое, слегка скуластое лицо почти без морщин, только одна, глубокая, пролегла между густых, красиво выгнутых, чернявых бровей. Длинный прямой нос, небольшой рот с резко очерченной линией губ темно-червонного цвета. Издалека скажешь — моя ровесница, однако вблизи понятно: далеко за тридцать. Зрелая кожа безупречно чиста и натянута, но на ней и следа не осталось юной свежести. В подкружья глаз упали глубокие тени. Васильковые глаза, казавшиеся черными из-за необыкновенно большого зрачка и жирной четкой линии вокруг радужки, тронуты восточной поволокой. Взгляд спокойный, мудрый, с огоньком легкой иронии.

— Что? — спохватилась я, чувствуя неудобство от такого пристального разглядывания.

— Здорово, говорю, ночевала? Это, по-нашему, как «здравствуй», — она улыбнулась.

— Ой, здравствуйте... извините... я вас не знаю... как зовут.

— Звать меня Домна Федоровна Калитвина. Меня в станице Калитвиха называют — слыхала?

— Слыхала. Вы... колдунья?...

— Колдуй баба, колдуй дед... — она рассмеялась. — Колдуны да волшебники только для детей или дураков существуют. А я душе помогаю и тело лечу. Ну, и разум, у кого он есть, конечно. — Выразительный, не без лукавинки, взгляд она бросила в сторону Марьи Сергеевны.

— Вы врач? — во мне шевельнулось городское недоверие.

— И не просто врач, а со степенью. Общая практика, сидела на приеме, и завполиклиникой была потом. Да я на пенсии уже лет пять, — заметив мое изумление, она рассмеялась. — Ничего, в разум войдешь — и ты в шестьдесят молодая будешь.

— А... почему... вас колдуньей называют? И что тетя Маня про проклятие говорила? Что было со мной? Это правда?

— Ну, загуторила... Видать, совсем поправилась. Проклятие твое «кишечная палочка» зовется. Землю в могиле рыла? Руки не мыла? Воду пила? — Домна Федоровна меня словно отчитывала. — Еще легко отделалась! Подхватила бы столбняк — уже б хоронили. А слух, что ведьмачу я — от того, что не все...

На плите басовито зашипел чайник и тут же принялся надрывно свистеть.

— Ладно, садитесь уже. На пустой живот и слова пустые.

Загадочная врачевательница отошла в угол и стала доставать тарелки и чашки.

Я с наслаждением кусала теплую некрутую мамалыгу и пила слабый травяной чай, блаженно ощущая, как льется внутрь животворное тепло. Только сейчас я почувствовала, как ослабела. Ели молча и обстоятельно — в здешних краях не принято за едой «гуторить». Пользуясь паузой, я разглядывала кухню-гостиную. Печь-камин, выступающая из стены белым кораблем, разделяет пространство на две половины. Кухонный угол обложен красно-коричневым кафелем. В тон ему выкрашены широкий стол-тумба рядом с газовой плитой и настенные деревянные шкафчики; дверцы разрисованы букетами роз и васильков. «Гостевая» часть, как и моя комната, отделана деревом. Кроме гостевого угла, где темнеет квадрат иконы, все стены увешаны шкафчиками и полочками, на которых стоит множество склянок, колбочек, баночек, стаканчиков и коробочек. Несмотря на пестроту и разнообразие, в этом множестве угадывался определенный порядок. Два окошка занавешены белым невестиним тюлем; над ними свесились пучки сухой бурой травы с неожиданно яркими точками голубых и пурпурных цветов. Уютно, покойно, свежо и... как-то очень правильно. Все под рукой и ничего лишнего, все красиво, но целесообразно. Каждая вещичка словно говорила: я здесь стою по праву, у меня свое назначение и своя работа. В расстановке мебели, в местоположении двух окон, в стене, куда вписан камин и три двери (две — внутрь дома, а третья наискось в коридор, из-за чего комната сначала показалась мне пятиугольной), в пространстве, пустом внизу и густо населенном в верхней части, чувствовался строгий и в то же время свободно-текучий порядок. Было видно, что обстановка не сковывала и не подчиняла себе, а сама будто подстраивалась под жизнь хозяев... Впрочем, я не была уверена, что Домна Федоровна живет здесь не одна. Слишком уж в доме у нее все было как-то индивидуально.

Я посмотрела на нее и на правой руке, сжимавшей чашку, заметила широкое золотое кольцо. Она улыбнулась:

— Ну что, подъела маленько? Ты уж прости, разносолов теперь не предложу. Денька три еще на кашке поживи, пока живот не поправится. Я тебе с собой травок положу, будешь вместо чая заваривать. Только много не клади — горсть на чайник, и лей как заварку.

Я поблагодарила хозяйку, но мне не терпелось узнать, почему ее, дипломированного доктора, всю жизнь отработавшего в обычной поликлинике, станичники называют колдуньей, ведьмой, ведуницей, и вообще, относятся хотя и уважительно, но настороженно и с опаской.

— Домна Федоровна, а почему вы... вас... — честно говоря, я не знала, как сформулировать вопрос (вообще-то меня смущало присутствие Марии Сергеевны, женщины хотя доброй и сердечной, но в данном случае совершенно лишней).

Она усмехнулась:

— Почему работала врачом, а слышу за ведьму? А что ты сама думаешь, ты ж глазастая.

— Ну... Во-первых, вы очень молодо выглядите. Если вам действительно шестьдесят и вы не делали с собой ничего... в смысле подтяжек, операций пластических, то... Я честно говоря, даже не думала что в таком возрасте можно быть такой красивой. Во-вторых, дом ваш. Он отличается от всех домов, которые я тут видела. Богато у вас, но не так, как здесь принято. Знаете, я только во всяких журналах по интерьеру видела такое. Но там как бы для красоты это, для стиля, а у вас — будто нужное все. Ну, и живете вы особняком, не в станице...

— Это правильно, у нас тут кто сам по себе, про того и толки. Но у тебя хоть и глаза-плошки, а видишь трюшки. Наукой занимаешься, а в суть не глядишь. Ты вот здесь у меня сутки всего. Привезли полумертвую — вчера утром! А сегодня уже и чаи гоняешь, и беседы беседуешь. Попади ты в больницу, ты как думаешь, сколько бы там провалялась?

— Ну... с неделю наверное.

— Самое малое! А то и три! У нас ведь больницы какие: привезут тебя, пока оформят, пока анализы, то да се... Спасибо если диагноз угадают, а если нет? Зараза одна, а лечат от другого. А еще и на месте чего нахватаешься, ты про внутрибольничную инфекцию знаешь, слыхала?

— Что значит, угадают диагноз?! Есть же симптомы, анализы, исследования. Медицина, кажется, наука точная.

— Наука-то точная, да люди неточные. От чего лечить привыкли, то и пишут. А то и вовсе, что в голову взбредет.

— А вы... как же вы узнали, что у меня именно кишечная палочка? Вы что, прямо здесь анализы делаете?

— Здесь не делаю, если надо, в город посылаю. Кроме анализов, столько всего еще есть. Организм — штука хрупкая, но о-чень подробная. При разных хворях и картина болезни разная. Как ты дышишь, как сердце стучит, какой цвет в глазах, чем кожа пахнет. Много всего! Если сразу заметишь, то будет человек и жив, и здоров — без всяких лекарств. А химия эта вся, таблетки-уколы — от них и здоровью вред, и на карман убыток.

— Значит, вы по приметам диагноз ставите?

— Вот именно, по приметам.

— А ... почему вы так уверены... что приметы правильные? Или этому в институте тоже учат?

— Врач сам учится — у природы в первую голову.

— А во вторую?

— Во вторую — у людей, которые тоже природа.

— У людей в смысле — пациентов?

— Нет, сперва у тех, кто сам лечить умеет. И в институтах такие попадают. А прежде всего человек у себя учится, и у предков своих. Я в седьмом поколении лекарь. У нас в роду все врачевать умели.

Дед мой в конном полку служил в первую германскую — так в его сотню никогда фельдшера не ездили. И раненых там было меньше всего, и ни тифом не болели, ни чем другим. За два года боев не помер никто! Знаешь ведь, какой лекарь самый лучший?

— Какой?...

— У которого пациенты не болеют. Да только мало таких... И не потому что медицинская наука штука трудная. Не труднее других! Просто невыгодно быть хорошим врачом: больные, какие ни есть — бедные, богатые — все денежку несут.

— Я с этим согласна, но как же может так быть, что у врача больные не болеют?

— А вот так, — в синих глазах знахарки мелькнула голубым светом молния. — Ты про Казачий Спас слыхала?

— Слыхала... вернее, читала. Но это же... — приходилось выбирать слова, чтобы не обидеть хозяйку. — Из области легенд, что ли.

— Давай, давай, продолжай! Не бойся — не обижусь. Какие сказки про Казачий Спас читала? Где? У кого?

— Ну... Казачий Спас это какое-то волшебное слово, или молитва? Кто его узнает, тот овладеет чудесным боевым искусством, наподобие того, каким владеют Шаолиньские монахи? И тот в огне гореть не будет и в воде не утонет, того ни пуля ни сабля не возьмет? Будут стрелять в него, а пуля сквозь пройдет и вреда не принесет, кинжалом ранят, а рана сама по себе тут же затянется? Как сейчас про суперменов кино снимают, так раньше про Казачий Спас легенды складывали... Я не очень сильна в этой области, это фольклор, а я археолог, народные предания для меня постольку поскольку. Да и, по-моему, научной литературы на эту тему нет. Разве в романах на казачью тему про это пишут, но и то непонятно — то ли правда оно, то ли так... вымысел полухудожественный.

— Кто говорит про это и пишет, сами не знают, о чем судят. Не посмотревши в святцы, да бух в колокол! Казачий Спас, доня, это справная жизнь, только и всего.

— Как понять — справная?

— Правильная, хорошая, счастливая. В человеке Богом так устроено, что он сам может справляться и с болезнью, и с бедностью, и с диким зверем, и с лихим человеком. Надо только понять это Божье устройство и наперекор творения не идти. А что там про волшебные слова и про боевые искусства пишут — так это действительно вымысел. И знаешь, кто про это вымышляет? Те, кто ни в жизни казачьей, ни в природе человеческой ничего не понимают.

— Да вроде пишут-то те, кто казачеством всерьез интересуется... Отчего же не понимают?

— Оттого что казаки — не духи бесплотные, такие же люди, как и все, из мяса да кровей. А пуля сквозь человека без вреда никак не пройдет. И рана кинжальная — если затянется, то не сразу, да и не всякая рана. Кто в сказки эти верил и на чудеса надеялся, первыми на тот свет отправлялись. Да к счастью мало таких было. Ежели каждый, на волшебство уповая, стал бы под пули лезть, то жили б тут не люди русские, а турок и черкес. Настоящий воин не тот, кто впереди на белом конике скачет, а тот, кто без битвы обойтись умеет. Искру туши до пожара, беду отводи до удара!

— Значит, Казачий Спас это вроде как умение избегать опасности?

— Это умение жить так, чтоб опасностей не было.

— Ну, без опасностей в нашей жизни вряд ли прожить можно. Если только под стеклянным колпаком.

— Эх, доня... Под стеклянным-то колпаком тебя враз опасности и накроют. Жизнь это воля! Простор человеку дан — поля и степи, города и дороги, реки и моря... Небеса высокие и дом родной. Это радость бытия, воздух жизни! Живи-твори, дыши полной грудью! Но Божий закон — закон творения — соблюдай. Тогда и силы в тебе будут, и здоровье крепкое, и ум ясный, и душа чистая.

— Значит, Казачий Спас — это закон мироустройства, соблюдая который, человек живет долго и счастливо? А можно ли этому научиться? Или это только для избранных?

— Научиться-то можно, а жить по нему — сложнее. Вот оттого и легенды, что всякий слышал, а не всякий сумел. Всему виной лень душевная... — хозяйка поднялась и стала убирать со стола. — Ну, сейчас пойдем, я тебе травки с собой соберу. Сегодня отдохни, а завтра можешь продолжать занятия свои археологические. Да вперед руки мой!

Мария Сергеевна, во время беседы сидевшая тихо, срочно засобиравшись домой. Мне же покидать удивительный дом никак не хотелось — слишком уж необычной была эта казачья знахарка, которой я была обязана своим скорым исцелением.

— Домна Федоровна... Я, если честно, работу свою уже сделала тут почти всю. Я ведь не копать приехала, так, на разведку только. У меня времени здесь — еще неделя. Можно я у вас поживу?

Хозяйка улыбнулась:

— Живи.

[проповедь]

Зов Пути

Кто не знает, как приходит беда — неожиданно, сразу, врываясь без стука? Это случилось с тобой? Мир твой пал в одночасье и словно хрустальный сосуд, разлетелся в осколки? И не склеить его, не вернуть... Нет пути, нет возврата, нет смысла; и ночует в душе только мрак безысходности...

Но в окно посмотри: Мир остальной так же цел, как вчера, и ходят там люди, и дети играют, и птицы поют. Значит, малый твой мир, умирая, Мир большой не разрушил, значит, далек Судный день? Пусть возврата к прошедшему нет, но впереди у тебя — целая вечность, пока существует Мир Божий.

Посмотри на себя, человек: как ты жалок, жалея себя, без конца вопрошая «за что?» Хочешь честный ответ? Обратись внутрь себя, и будь честен с собою, может, совесть твоя пробудится, и вместо жалоб покаяние ты к небесам вознесешь? И откроется небо тебе, и услышишь ты Зов, и увидишь ты Свет впереди, что осветит дорогу тебе, и Путь твой к духовной вершине. В этом светлом сиянии Любви Божества ты прозреешь, и окажется дно основанием, твердой землей, первой ступенью, от которой легко оттолкнешься и вверх устремишься. Так что встань и иди, даже если первый твой шаг на Пути будет болезненным и трудным. С каждым новым усилием — новую силу дает тебе Путь, два, три шага пройдешь — вдвое, втрое упрочится сила твоя; через сотню шагов станешь бодро шагать, через тысячу — Путь свой примешь в себя и в тебе воплотится он; тогда для человека другого (подобного тебе в твоём прошлом отчаянье) станешь ты Зовом Пути.

[конец проповеди]

[1]Глава 3

[1]Чудо-родник

Мягкий голос позвал из уютного сна:

— Дарья, вставай, доча! Вставай, *кромочка** моя!

[Примечание] *Кромочка — ласковое обращение, означает «близкий», «родной». (*Здесь и далее примечания автора.*)

Я открыла глаза. Передо мной в сумерках, разбавленных молоком зари, стояла Домна Федоровна:

— Здорово ночевала? Одевайся, пойдём.

— Слава Богу, — должный отклик на традиционное казачье приветствие стал для меня уже привычным. — А что так рано, Домна Федоровна? Дело какое-то есть?

— И дело, есть, и неча тебе дольше валяться. Ты же выпалась!

Это было правдой: сон улетел без остатка.

Я встала, оделась и уже направилась к рукомойнику во дворе (вообще-то в доме был водопровод, но мне нравилось умываться на улице: казалось, что колодезная вода, налитая с вечера и переночевавшая рядом с *вином***, свежее и пахнет по-особому — росой и виноградными листьями). Но Домна Федоровна остановила меня:

[Примечание] * Вино — виноградная лоза.

— Не мешкай. Пошли, там помоешься.

Я была заинтригована. Куда это мы собрались на рассвете, не позавтракав и не умывшись?

Мы молча вышли из дома и, пройдя через *баз**** (знахарка впереди, я чуть сзади), повернули к темнеющему саду. Ветви черешен, усыпанные тяжелыми крупными ягодами, почти лежали на земле. Вынырнув из садового сумрака, мы оказались за хуторской околицей. Перед нами раскинулся бесконечный луг, над которым далеко и низко висело рубиновое солнце. Мы шли по узенькой стежке, едва заметной среди цветов и трав. Было зябко, хотя в утреннем воздухе не чувствовалось никакого движения ветра; только цветки на высоких стеблях — белые, сиреневые, желтые — легко раскачивались от наших шагов. Сонно пели сверчки; вдруг показалось, что к их голосам присоседился еще один, утренний, звонкий, веселый, как валдайский колокольчик.

[Примечание]* Баз — внутренний двор.

Мы обогнули небольшой холмик в центре луга, и звон усилился: это журчал родник, вытекавший прямо из центра холма. Его исток находился в сердце рукотворного оклада из белых гладких камней. Такими же камешками, только помельче и поострее, кто-то аккуратно выложил проток: о ручейке заботились, как о святыне. Вода в роднике была настолько прозрачна, что казалась почти невидимой.

Домна Федоровна разулась и велела мне сделать то же самое. Затем она, перекрестившись, вошла в ручей, и, повернувшись спиной к истоку, тихо и строго произнесла:

— Вставай за мной и повторяй все, что я буду делать. Ни о чем не спрашивай.

Я ступила в ручей и... только серьезность целительницы удержала меня от вскрика: вода была не просто холодной, она была ледяной! Ручей покрывал стопу почти полностью, и мне казалось, что я стою, по меньшей мере, в жидком кислороде.

Знахарка медленным шагом двинулась вперед по протоку. До меня донеслись слова молитвы:

[цитата]

Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет царствие Твое! Да будет воля Твоя яко на небеси и на земле! Хлеб наш насущный даждь нам днесь и остави нам долги наша якоже и мы оставляем должником нашим! И не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго.

[конец цитаты]

Домна Федоровна шла вперед и безостановочно творила молитву. Ее ровный монотонный голос заполнил все мое сознание. Я сама не заметила, как начала повторять вместе с ней. Ледяной холод, ошпаривший ноги в самом начале, превратился в жестокий жар, который поднимался выше по ногам, к бедрам, животу, груди. Вот у меня уже запыхали руки, шея, голова. Горячие губы твердили молитву, ритм слов совпадал с бешеным стуком миллионов сердец, открывшихся вдруг в каждой клеточке тела. В такт им бились о ноги огненные волны ручья. Родник, молитва и я слились в единый пульс, и от этого резонанса сознание расширялось во все стороны Вселенной. Я потеряла границы себя, и чтобы не взорваться на месте, попыталась сконцентрироваться на затылке идущей впереди ведуньи. Чернота ее распущенных волос озарялась розовым сиянием лучей восходившего прямо за нашими спинами солнца. В какой-то момент Домна Федоровна сделала паузу, развернулась; я сделала то же самое, и мы двинулись обратно. Теперь уже я шла впереди. Утреннее солнце смотрело мне прямо в лицо, но глазам больно не было. Огонь, бушевавший во всем теле, соединился с солнечными лучами, постепенно жар стал утихать, и, наконец, в теле осталось только свежее и чистое тепло. Я не заметила, как мы дошли до истока. Молитва остановилась. Я услышала позади себя:

— Ибо Твое есть царствие и сила и слава, Отца, Сына и Святого Духа, всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Мы вышли из ручья. Тело наполняла невиданная сила, я чувствовала себя так, будто заново родилась. «Так вот что это такое — Казачий Спас!» — подумалось в восхищении. Где-то, у порога сознания, толпилось множество вопросов к удивительной знахарке, но я не пускала их внутрь: мне хотелось без конца наслаждаться блаженным состоянием всеилія и бескрайней любви ко всему сущему.

— А теперь вот можешь и умыться. Водичка здесь хорошая, живая.

Слова Домны Федоровны вернули меня на землю.

— Что это было? Это и есть Казачий Спас? Этот родник особенный, да? Как он действует? — вопросы вырывались сами по себе.

— Ну, зачастила... Ты умойся сначала, водички попей. Здесь кишечной палочки нет! Здесь вообще микробов нет — видишь, камушки чистые, не цветут? Вода целебная. Но не особенная. Таких родников здесь много, этот самый ближний.

Я умылась и напилась; вода уже не показалась мне такой невозможно холодной, как раньше.

Мы шли домой, как и прежде, молча, причем мне казалось, что я не иду, а почти лечу над самой землей. Прежде чем двинуться обратно, Домна Федоровна убрала волосы в шлычку и покрыла голову светлым платком. Меня она тоже заставила надеть косынку.

После завтрака, состоящего из вареных яиц и кукурузной каши, я, наконец, получила возможность удовлетворить свое любопытство.

— Казачий Спас, доня, из одного хождения по родникам да молитвы не состоит, — стоя у стола по иконами, знахарка толкла в деревянной ступке пряные семена. — Но силу Спаса ты уже почувствовала. Коли знать хочешь все про Казачий Спас — сама живи Спасом. Про родничок, как он действует, я тебе

сейчас расскажу... Практика эта древняя, людям давно известная. Спокон веку по воде ходили, кто ногами мается. Но никакого волшебства тут нет, хотя действие и сильное. Что такое наши ноги? Это опора человеческая. А на стопе весь организм, как на карте, нарисован. Про точечный массаж, акупунктуру знают все. Вот родничок — это то же самое, только лучше и безопаснее. Вода холодная и камешки острые стопу раздражают и приводят в действие все активные точки. А на стопе их больше тысячи! Там находятся точки мозга и эндокринной системы, сердца, почек, селезенки, солнечного сплетения. Есть точки желудка и кишечника, а также различных мышц. Даже половые железы — и у тех есть точка на стопе, в самой серединке пяты. (Кстати вот, помнишь историю с Ахиллесом? Легенда говорит, что пятка была у него слабым местом. А пятка ли? Древние-то ведь тоже акупунктуру знали. Вот и смекай, через какое место он смерть принял...). Словом, все жизненно важные органы на ступне отражены. Неудивительно, что сила после такого «массажа» во всем теле появилась! Босиком вообще ходить полезно. Детишки, которые летом босиком бегают, плоскостопием никогда не страдают. Девушки в старину по росе босиком ходили, чтобы краше быть, и ведь были краше! Это получше всякого салона красоты! А через водичку в землю-матушку усталость уходит, раздражительность, человек спокойнее становится. Мы ведь сейчас как живем: одежда синтетическая, в домах электроники полно, полы деревянные линолеум заменяет или покрытие ковровое. А вы в городе еще и на себе технику таскаете — телефон мобильный, плеер, у кого-то мини-компьютер. Получается, что кругом — электричество. Оно раздражает нервные окончания, от этого в мозгу сбиваются нейронные взаимодействия. Человек устает быстро, становится нервным, истеричным. А с водой ненужное электричество в землю уходит. Так что видишь, никакой мистики тут нет, только понимание законов природы. А еще вода текучая связана с человеческой кровью. Ручьи, родники, реки — это кровь земли. По текучей воде когда ходишь, кровообращение в организме усиливается, питание внутренним органам вовремя доставляется, клеточки обновляются, наливаются свежей силой. Важно еще, чтобы ритм воды, скорость ее течения совпадали со скоростью крови. Ну, это вычислить несложно — надо чтоб водичка только стопу покрывала, и чтоб было легко идти, то есть, не чувствуя сопротивления. Еще надо учитывать суточный солнечный цикл. Если взбодриться хочешь — делай ритуал на утренней заре, а если успокоиться — на вечерней. И еще, родничок должен течь с востока на запад, как солнышко идет. А молитву творишь для того, чтобы не только тело, но и ум твой, душа твоя обновлялись, чтобы не было мыслей других, кроме как единения с этим ритмом природным. Тогда земля, вода и солнце тебе силу свою дадут, а ты им — свою. А за то, что ты еще и молитвой все вокруг благословляешь, душа у тебя станет светлая и чистая, а ум — ясный и острый.

— Здорово... Одно только плохо — я в городе живу. Там родников нет, да и с солнцем тоже не подгадаешь: зимой оно всходит поздно, летом, в белые ночи, вообще не садится.

— А вот тут ошибаешься. И в городе можно ходить по воде. Ванна есть, душ есть? Открыла холодную воду, положила душ так, чтобы образовался ручеек, разулась и ходи с молитвой туда-обратно. С восходом тоже просто: нужно только делать это с утра, пока солнце в зенит не вошло. А сумерки у вас или светло уже — значения не имеет. Главное, чтобы вода текла с востока на запад. Вот с этим единственная сложность быть может — ваши-то, городские дома, не по уму строят, а тяп-ляп. Стороны света не соблюдают, планировку делают кривую, бестолковую. Отсюда и жизнь идет вкривь да вкось. Ну да ничего. Если с востока на запад струю направить никак не получается, тогда сделай, чтобы вода текла с юга на север, или с юго-востока на северо-запад. Но никогда — с севера и с запада. Эти направления — обратные. С них ходьбу начинают только в особых случаях. А молитву читать надо ровно сорок раз.

— Да как же просчитать сорок раз? Если высчитывать, то как раз и запутаешься...

— А ты себе сделай лестовку — шелковый шнурок, а на нем сорок узелков завяжи. Взятась за узелок — прочтала молитву один раз. Или купи себе четки с сорока бусинами. Потом, когда привыкнешь, будешь сама чувствовать, как сорок раз начитаешь.

— А камушки? Если их в ванну набросать, можно покрытие испортить...

— И тут проблема решается. Есть же коврики массажные — иппликатор Кузнецова, например. А еще лучше, циновку грубую постелила — и ходи.

Я записала порядок ритуала.

— Домна Федоровна, а все-таки, как это упражнение связано с Казачьим Спасом? Казачий Спас это что, система таких упражнений?

— Упражнение, Дарья, это когда ты бездумно руками-ногами туда-сюда мотаешь. А такое хождение по воде, скорее, ритуал оздоровительный. Ты ведь не только тело тренируешь, ты дух свой укрепляешь словом молитвенным. Что ж до системы... пожалуй, теперь уже можно и системой называть.

— Теперь?

— Ну, с тех пор как бабка Оксинья все ритуалы, с вещим словом связанные, по тетрадам расписала.

— А кто она была, бабка Оксинья? Бабушка ваша?

— Бабушка. Двоюродная. Деда моего сестра. Сила ей была Спасом дана особая — словом могла и кровь унять, и пожар потушить. А еще грамотейкой была, вроде тебя — тоже все на свете записать хотела. Книжная была женщина, и верующая шибко. Молитвами лечила и наговорами. От нее два сундука тетрадей осталось да книжек рукописных.

Где-то внутри меня засвербело: пробудился исследовательский зуд.

— Домна Федоровна, а можно ли взглянуть на эти тетрадки?

Знахарка посмотрела на меня испытующе:

— А тебе зачем?

Я стушевалась.

— Научиться хочу заговорам, молитвам...

— Доня, доня, не пытайся целого вола за одним разом съисть. Всеу свое время. И слову молитвенному да заговорному тоже. Сундуки Оксиньины я тебе покажу, мне не жалко. Вижу ведь: тебе, ученой, страсть как охота в старинных рукописях покопаться. Только по тетрадам одним научиться ты не научишься. Ты вот поживи тут, посмотри, как Спасом живут. Когда в мудрость житейскую — обыденную, бытовую — вникнешь, тогда и дух Спаса тебе открываться начнет. А станешь торопиться — будешь как те писаки: слышали звон, да не знают, где он.

Тем же вечером я попала в «святая святых» калитвинского дома — рабочий кабинет знахарки. Более всего он напомнил мне кабинет средневекового китайского ученого: такая же простота и строгость обстановки, ничего лишнего, отвлекающего от ученых занятий. Идеально ровные стены и высокий потолок выбелены голубоватой известью. У окна стоит широкий письменный стол, по обоим углам от него — этажерки, одна с тетрадами, другая с журналами медицинской тематики (многие на иностранных языках). В правом углу икона святого Пантелеимона, в православной традиции — целителя-чудотворца. Стены заняты под стеллажи с книгами, возле входа стоят два массивных дубовых сундука, окованных белой чеканной жстью. У камелька печки-голландки притулился круглый журнальный столик и небольшое плетеное креслице. В этот уютный уголок я и уселась изучать содержимое одного из сундуков, где, завернутые в

холст и переложенные от порчи табачным листом, хранятся старинные рукописные травники и лечебники. Первой в руки попала тетрадка в твердом переплете цвета малахита. На внутренней стороне обложки надпись: «Святцы хворобные, писаны Оксиньей Михайловой Калитвиной от батюшки Николая священника Свято-Троицкой церкви». Тетрадь исписана ровным, крупным, легко читаемым почерком; глаз быстро свыкся с обилием «ятей». Горьковатый запах желтых страниц, извивы молитвенного слова заворожили меня, увели в мир прошлого — мудрый и гармоничный, мир твердых основ и согласного с законами природы осмысленного бытия.

Кажется, в чудной тетрадке можно найти рецепт от всего на свете. Но, конечно же, в первую очередь я списала средства от тех болячек, которыми мучаюсь сама.

Вот рецепт от мигрени (во время приступов этой болезни мне, например, не помогают самые сильные обезболивающие). Со страниц старинной тетради бабушка Оксинья советует:

[цитата]

«Аще какая молодка гемикранией страдает, то ей следует повязывать голову платком овечьей шерсти, на который перед этим трижды наговорить:

Шли три святителя на Иорданскую гору. Господь Святой Христос спускается по шелковому столбу и идет до больного (имярек). Три святителя несут с собой воду, веник и рушник. Пришли и стали рабу Божью (имярек) пытать. Раба Божия болезнь рассказала, и начали они ее водою умывати, веником хлестати, рушником вытирати и всю болезнь выгоняти. Из мозга, из костей, из руды-кровей. Хай ее болезнь от нее выходит, идет на каменную гору и там корень пускает. Аминь»

От другой же хвори — если рука «разовьется» (спазмы руки, которые бывают обычно у людей, вынужденных много писать) — в зеленой тетрадке есть особая молитва. Ее читают в церкви или дома перед образом Божией Матери Троеручницы:

Пресвятая и Препоблагословенная Дево Богородице Марие! Припадаем и поклоняемся Ти пред святою иконою Твоею, воспоминая преславное чудо Твое исцелением усеченныя десницы преподобнаго Иоанна Дамаскина от иконы сея явленное, его же знамение доныне видимо есть на ней во образе третия руки, к изображению Твоему приложенныя. Молимся Ти и просим Тя, Всеблагую и Всещедрую рода нашего Заступницу: услыши нас, молящих Ти ся, и, якоже блаженнаго Иоанна, в скорби и болезни к Тебе возопившаго, услышала еси, так и нас не призри, скорбящих и болезнующих ранами страстей многоразличных и к Тебе от души сокрушенныя и смиренныя усердно прибегающих. Ты зриши, Госпоже Всемиловитая, немощи наша, озлобление наше, нужду, потребу нашу в Твоей помощи и заступлении, яко отсюду врагами окружени есмы и несть помогающаго, ниже заступающаго, аще не Ты умилишися о нас, Владычице. Ей, молим Ти ся, вонми гласу болезненному нашему и помози нам святоотеческую православную веру до конца дней наших непорочно сохранить, во всех заповедех Господних неуклонно ходити, покаяние истинное о гресех наших всегда Богу приносить и сподобитися мирныя христианския кончины и добраго ответа на Страшнем Суде Сына Твоего и Бога нашего, Егоже умоли за нас Матернею молитвою Твоею, да не осудит нас по беззаконием нашим, но да помилует нас по велицей и неизреченной милости Своей. О Всеблагая! Услыши нас и не лиши нас помощи Твоея державныя, да, Тобою спасение получивше, воспоем и прославим Тя на земли живых и рождагося от Тебе Искупителя нашего Господа Иисуса Христа, Емуже подобает слава и держава, честь и поклонение, купно со Отцем и Святым Духом всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[конец цитаты]

[дневник]

Дашин дневник, 7 июня

Благодаря заботам Домны Федоровны за эти три дня, что живу у нее, я полностью окрепла и чувствую себя превосходно. На курган я ходила вчера, но копать ничего не стала — знахарка строго-настрого запретила мне делать это. Отчет по кургану почти готов, осталось только найти способ переправить его в Институт: возможно, я задержусь здесь еще. Тем более что овладение практическими знаниями началось только сегодня — утренним ритуалом, который я про себя окрестила «Чудо-родник». Его лечебный эффект достигается посредством температурного водного массажа активных точек стопы. Уходит усталость, снимаются стрессовые и нервные состояния, нормализуются функции опорно-двигательного аппарата, кровеносной системы и внутренних органов. С помощью мысленной концентрации на молитве очищается и структурируется сознание, происходит сброс негативных эмоций.

"Чудо-родник":

Порядок выполнения:

На дно ванны постелить грубую циновку или массажный коврик. Душ с холодной водой расположить таким образом, чтобы струя воды была направлена с востока на запад или с юга на север. Встать по течению воды и совершать ходьбу взад-вперед, читая при этом «Отче наш». Упражнение заканчивается по сорокакратном прочтении молитвы словами «Ибо твое есть царствие и сила и слава, Отца, Сына и Святого Духа. Аминь».

Для стимуляции физической активности упражнение выполнять сразу после пробуждения на рассвете, в целях успокоения — на закате, за два часа до сна.

Всю стараюсь втянуться в ритм хуторской жизни, протекающей, по словам знахарки, согласно Спасу. Она говорит, что без этого мне не освоить знания, составляющие Казачий Спас. Приглядываясь к обитателям хутора, их образу жизни, их занятиям, я отдыхаю душой: время здесь как будто остановилось в золотом веке казачества, когда всему было свое время и место...

[конец дневника]

Тому назад не более века все побережье Дона было густо заселено. Прибрежные сады щедро плодоносили, в окрестных полях тяжелела пшеница, зрела кукуруза. В станицах, хуторах, на городских майданах кипела торговля, богатели ремесла; в донских «столицах» — Новочеркасске, Ростове и Таганроге — гремели парады, процветали искусства, благоденствовала пресса, читаемая грамотным населением всех сословий. Берега Дона и Донца, Маныча и Калитвы, Хопра и Цимлы пестрели рыболовными снастями и рыбачьими лодками; здесь же коптилась и вялилась рыба. По шляху целыми днями скрипели чумацкие обозы, неспешно брели караванцы в дорожных костюмах, ведя под уздцы ишаков и верблюдов, навьюченных самым разным товаром. Интенсивное, упорядоченное и размеренное движение жизни начиналось с восходом солнца, а к вечеру замирало.

Минул век, и Дон опустел: молодежь разъехалась в крупные города, где легче найти и пару, и заработок. Городская мелкая суэта быстро затягивает, комфорт расслабляет, день и ночь теряют свои границы: вставать и ложиться вместе с солнышком горожанину не надо, да и какое оно, солнце в городе, много ли вы его там видели?

А на калитвинском хуторе жизнь течет, как и столетия назад, ровно, спокойно и целенаправленно. За неделю в гостях у Домны Федоровны я успела втянуться в ритмичное течение хуторской жизни (надо сказать, жизнь на хуторе сильно отличается и от городского, и от станичного быта — уж очень необычные люди живут здесь). Утро начинается с молитвы: никакое дело не должно быть не благословленным. До обеда, если у знахарки нет срочных пациентов, мы вместе хлопочем по хозяйству, а после обеда приходят к Домне Федоровне люди со своими всевозможными недугами и проблемами. Обычно их немного: в ближайших окрестностях живут люди здоровые и благополучные ("у хорошего врача больные не болеют"); а издалека ворожея болящих не принимает, говорит, Спас ей на то силу не дал.

Вот и сегодня за весь день на хуторе только и было гостей, что мужчина, вывихнувший плечо на станичной стройке, да семейная пара привезла испуганного ребеночка лет пяти. Вчера мальчик увидел, как мать упала с лестницы, долго не вставала, думали — убилась. Набежали родственники, женщину подняли; у нее дело обошлось парой синяков, а ребяенок весь вечер и всю ночь захлебывался в отчаянном крике. К утру охрип, распух, выплакал все слезы, но продолжал вздрагивать, сипеть и сопливиться.

Ребеночка Домна Федоровна успокоила быстро: растопила воск в оловянной кружечке, усадила мальчика на порог, пошептала молитву, вылила воск в ковшик с водой... ребенок перестал всхлипывать, успокоился и тут же уснул. Воск из воды знахарка вынула и показала: вылилось, будто женщина лежит на земле, раскинув руки.

С вывихом же лекарке пришлось повозиться: травма недельной давности, сустав успел зарости и закрепиться в нездоровом положении. Чтобы вправить его на место, Домна Федоровна растопила в летней кухне *грубку** налила в цинковое корытце воды, набросала в него можжевельных колючек, поставила на огонь и долго парила плечо мужчины, склонившегося над кипятком в неудобной позе. Потом мяла, щипала, гладила, и — вправила сустав одним быстрым и точным движением.

[Примечание] *Грубка, или груба — на Дону — небольшая глиняная печь, поставленная на улице или в летней кухне.

Денег с посетителей знахарка не берет: не по-божески. Христос, говорит она, исцелял и мзды не брал, вот и нам не след. Можно взять гостинец — кринку сметаны или четверть подсолнечного масла, но никак не деньги и даже не вещи. Хозяйство крепкое и без того: у мужа пасека, у сына кузница. Женщина дом держит, а мужчина содержит — главное правило казачьего домоустройства. Всего детей у Калитвиных четверо. Младший живет на хуторе, два старших сына служат — один в Ростове, другой в Махачкале, оба подполковники. Дочь замужем в Краснодаре. Семеро внуков гостят на хуторе все лето, но не бездельничают, а учатся — старшие толкуются то у деда на пасеке, то у дядьки в кузне, младшие пасут «скотину» — кур и гусей да помогают бабушке собирать травы. Когда я неосторожно заметила — лето, мол, детишкам побегать хочется, поиграть, — Домна Федоровна отчитала меня: детям, как и взрослым, без дела шляться не надлежит, а что до игры — так они же и учатся, играючи. И действительно, мальчишкам как будто интереснее пропадать на пасеке да в кузне, чем болтаться день-деньской по степи со станичными ребятами. Впрочем, в особой строгости их никто не держит: внуки бегают и на речку купаться, и на болото раков ловить, и находят время поиграть в *айданчики** на дворе.

*[Примечание] *Айданчики — игра наподобие городков, вместо деревяшек в ней используются айданы — бараньи косточки.*

Вечера тоже проходят в занятиях, только другого рода. Домна Федоровна ведет строгий учет пациентов и всех записывает в толстую тетрадь журнального формата. Кто, откуда, что случилось, и какое лечение было проведено — строгий учет пациентов не блажь, а систематизация врачебного опыта, с глубоким анализом и последующими выводами, чтобы от раза к разу диагностировать точнее, лечить быстрее и эффективнее. Где-то в одной из тетрадок описан и мой случай...

Вскоре после заката все семейство ложится спать: ночь для любых дел — время не благословленное. Только я сижу над дневниками до полуночи: как и бабушка Оксинья, стараюсь все записать и разложить по полочкам.

Неделя в гостях у знахарки пронеслась как в чудесном сне, и к концу ее стало ясно, что уезжать отсюда в тот самый момент, когда только-только началось самое интересное, мне совсем не хочется. Предварительно спросив хозяйку, я решила вместе с отчетом отправить в Институт и заявление на отпуск; главное, чтобы в райцентре нашлось Интернет-кафе или нечто подобное...

[проповедь]

Свет не вечерний

Есть время восхода: новорожденное солнце стелет свои розовые лучи вдоль по земле, будто из всех сил старается зацепиться за каждую маленькую былинку, каждый стебелек, каждый листочек. Так постепенно касается оно всего, что живо на свете и заставляет пробуждаться деревья и травы, зверей и рыб, змей и пчел...

Рассвет этого дня — рассвет твоей жизни, начало нового Пути, дарованного тебе сегодня, назначенного тебе в этот день, в этот час! Он прекрасней вчерашнего станет, если радость рассвета сумеешь вобрать в сердце свое. Встань до зари и почувствуй, как солнце включает мышцы твои, клетки твои, как льется в тебя эта энергия жизни, прибавляя сил и здоровья без меры, без ограничения — только сумей вместить в себя его несказанную щедрость! Утро Божьего дня несет в себе свет не вечерний — мистерию начала, энергию прибавления в пробуждающийся мир Божий. Включи свои силы, пробуди свои клетки, продли жизнь свою и умножь дела рук твоих! Чтоб сбылось чаянное, начни день с рассвета и первым делом возблаговари Бога за то, что ты встал ото сна здоровым и полным сил для новых свершений! Молитвой благослови свою душу, свой дух, свое тело и тело Вселенной, малая часть которой есть ты! Тело свое разбуди, включи клетки его, разгони — медленную после сна — кровь свою! Пусть несет она энергию жизни к сердцу твоему — вместилицу любви Божественной! Пусть напитает она светом животворным мозг твой — обиталище Духа! Стань человеком зари, прими восход в сердце свое, и увидишь, как расширится до просторов звездных небосвод души твоей!

[конец проповеди]

[1] Глава 4

[1] Пульс пространства

Интернет-кафе в райцентре не оказалось, и мне пришлось ехать в Ростов. Отправив письмо с отчетом и заявлением на отпуск, к вечеру я вернулась в станицу. По дороге до хутора — четыре километра, напрямик через степь — не больше двух. Местные коротким путем не ходят: змей боятся. Но я всегда иду без опаски: Домна Федоровна дала мне красный шнурок, которым надо обвязать правую ногу, когда собираешься в поле; знахарка утверждает, что после этого ни одна змея близко не подползет. Правда это или нет — не знаю, но я пока что и в самом деле не видела в степи даже ужей. Подходя к дому, услышала мужские голоса — Алексей Петрович (муж знахарки) с кем-то громко и эмоционально что-то обсуждал, но вот что, я понять не могла. Пасечника я увидела, войдя во двор; он сидел на лавке перед домом с незнакомым мне стариком выдающегося роста (уж на что рослым мужчиной был Алексей Петрович, но его собеседник превышал его чуть ли не на две головы). Казаки были настолько поглощены разговором, что не сразу заметили меня. В иной ситуации я бы поздоровалась и прошла в дом, но нечто заставило меня в изумлении остановиться перед ними. А именно — язык, на котором они столь оживленно беседовали. Время от времени в нем проскальзывали русские слова, но понять ничего было нельзя, так как слова эти перемешивались с какой-то жуткой тарабарщиной. «Ты — вания-бадания!» — громоподобно бросал Алексею Петровичу высокий старец. «Сам син карт жуляр!» — жарко парировал пасечник.

Наконец мужчины увидели меня, тут же умолкли, привстали и вежливо поздоровались. Алексей Петрович сказал старику, кто я; тот взял мою руку в свою огромную, размером с баранью голову, ладонь и важно представился:

— Степан Терентьич Калитвин. Домнушки нашей самчон родной.

— Очень приятно... А самчон, — (я не была уверена, что расслышала правильно), — это, простите, кто?

— Это дядька, по-простому, — ответил за старика Алексей Петрович.

Я еще раз извинилась и спросила про странный язык. Казаки переглянулись; Степан Терентьич откашлялся и степенным, назидательным тоном произнес:

— Язык русский. А слова ты слыхала азиатские. Казаки-ить на Восток до самого Китаю хаживали. С народами разными якшались.

— Якшались, в смысле — воевали и торговали?

— Не без того, не без того, — усмехнулся Степан Терентьич. — Но не токма. Ишшо родичались вовсю.

На порожках дома показалась хозяйка:

— Буде гуторить вам. Вечерять пора!

После ужина (накрытого, как всегда, во дворе) Домна Федоровна достала из погребов графин, наполненный густой темно-коричневой жидкостью, поставила его на поднос вместе с двумя гранеными рюмками и тарелкой засахаренных фруктов и отнесла в хозяйский дом; туда же направились Алексей Петрович и Степан Терентьич. Ореховый ликер, объяснила хозяйка, любимый напиток дяди, но женщины не должны присутствовать в доме, когда казаки беседуют, а потому мы с ней выпьем «здоровье самчона» по рюмочке во дворе. Я понимающе кивнула, но через минуту из дома вышел знахаркин «самчон», по-азиатски

что-то негромко сказал хозяйке, та улыбнулась. Затем он легонько взял меня за локоток, заговорщицки подмигнул и повел в хозяйский дом. Мы вошли в залу; старик приобнял меня за плечи и развернул к стене:

— Гляди! — прогремел он над самым ухом.

На стене, словно подсвеченная изнутри отраженным лучом закатного солнца, висела старинная фотография. Снимок сразу же приковал меня к себе. На нем были двое: мужчина и женщина, он сидел в кресле, она стояла рядом, положив руку ему на плечо. Необычность пары сходу бросалась в глаза. Женщина — почти ребенок — была одета на редкость экзотично: в донской *парочке**, но из-под широкой юбки с оборками высовывались шаровары и загнутые остроносые башмаки.

*[Примечание]*Парочка — традиционный наряд казачки, состоит из приталенной кофты с баской и длинной расклеешенной юбки с оборкой внизу.*

Голову венчала не привычная для казачек шалька, обвязанная вокруг шеи с выпущенными на грудь концами, а бахромчатый платок, намотанный наподобие чалмы с закинутым назад свободным углом. Шея густо увешана монистами, в ушах тяжелые серьги-кольца. Юное лицо смугло и скуласто, взгляд огромных глаз дик и насторожен; над верхней губой едва различим темный пушок. Облик мужчины тоже поражал воображение. Бронза его лица вылеплена добротной и четкой; сдвинутые брови, коршунов нос, соколиные очи с взглядом быстрым и точным, как выстрел. Не новая уже папаха лихо заломлена на бок, газыри на светлой черкеске полны патронов, мощная рука опирается на шашку. Грудь украшена несколькими крестами, один из них — георгиевский, самая высокая и почетная награда в русской армии. Наряд укомплектован оружием до чрезмерности: кинжал, два пистолета на ремнях и еще один кривой нож торчит из голенища начищенного до блеска сапога. В общем, вид самый бравый и устрашающий. Странная пара заинтриговала меня до такой степени, что я подошла к стене вплотную, чтобы лучше разглядеть старинный снимок. Кем же эти двое приходятся друг другу? На вид мужчина, по меньшей мере, втрое старше своей спутницы, но вряд ли это может быть дочка: девочек-казачек так не одевают... Не успела я задать вопроса, как услышала голос знахарки:

— Прадед Михей и прабабка Маремьяна, или Мириам. Ей тут пятнадцать, ему — сорок восемь.

Я вздрогнула: Домна Федоровна вошла совсем бесшумно. Обернувшись, я увидела, что на столе появились еще две рюмки: по слову дяди хозяйка решила нарушить традицию. Однако меня в данный момент более всего интересовали люди на фотографии.

— Он взял ее в жены пятнадцати лет?

— Четырнадцати. Умыкнул на границе. Она турчанка была, из крымских. Прадед там воевал, а потом служил долго. Здесь, на Дону — одна семья, пока служил, дети выросли. Привез вторую жену — да-да, не удивляйся, было у казаков и по две, и по три жены.

— И что же, со второю он тоже венчался?

— Со второй не венчался, а вот детишек (от Мириам прадед Михей прижил их восемь душ) крестили. Все стали Калитвины. Сын их, дед Василий — отец отца моего.

— И мой родной дядька, — добавил Степан Терентьевич.

— А что это на вашем прадедуске... оружия не многовато ли? Или это для красоты, для снимка?

— Иронизируешь, а совершенно зря. Оружия на нем совсем не многовато, для пластуна в самый раз.

— Для пластуна?! Но пластуны ведь разведчики, зачем же им столько оружия?

— Эх, Дарья! Вот и еще одна сказочка: пластуны-разведчики. Да, они были и разведчики, и лазутчики, но и среди бойцов им равных не было: пластун и в разъезд, и в залог, и в засаду, и на оборону. А еще они были толмачами-полиглотами, психологами отменными, охотниками первоклассными. Прадедушка Михей был первейшим из первых пластуном. Вот кто Казачьим Спасом жил! А знаешь ли ты, что в крымской войне он с отрядом из двенадцати человек всего снял с русской крепости осаду трехтысячного войска!

— Да ну!

— Вот тебе и ну. За это прадед Михей Георгия и получил. Окружили они турков со всех сторон, расположились для битвы нужным порядком и ну обстреливать! Пластуны ведь промаха не знают: одна пуля — один басурман. Правая рука штуцер заряжает, левая из пистолета палит; скорость такая, что за минуту пластун пятерых приговорит. А попробуй убей пластуна — ни в жисть не попадешь! С землей сольются — не видать совершенно, с места на место что *журки** перебегают: только здесь был, и нет уже, пока турок сообразит, откель *выпал****, пластун уже с другого боку бьет.

[Примечание]

**Журки* — бегающие длинноногие птицы серого цвета, славятся своей способностью передвигаться по земле с невероятной быстротой.

** *Выпал* — выстрел. [конец примечания]

— Так что же, пластуны в казачьей армии были вроде как сегодня спецназ?

— Да какое там! Лучший сегодняшней спецназовец тогдашнему пластуноу в подметки не годится! Если их и можно с кем сравнивать, так разве что с японскими нинзя. Но и то, лишь на уровне умений. Нинзя ведь у них особый клан, вроде секты, для которой законы остального мира не писаны. А пластуны все до единого *характерники* были, то есть воины, Казачьим Спасом владеющие. А Спас против мира, против природы не идет. Он сам — часть природы. У характерников даже молитва-присказка такая была: «Небо-отец, земля-мать, Христос-Дух Святой, спаси и помилуй». На этом единстве природном мастерство характерника и построено. Отчего, ты думаешь, сказки про Казачий Спас пошли? Оттого что казак-характерник появлялся вдруг, ниоткуда, и так же незаметно исчезал. В шаге от него враг пройдет — и не заметит, даже если дело днем происходит и рядом ни кустика, ни деревца, ни другого укрытия...

— Ты, Домна, ты лучше расскажи как Михейко в разведку шастал, — раздался голос самчона, — оно ей нагляднее будет.

— Сам расскажи! — рассмеялась хозяйка, и жестом пригласила меня к столу.

Степан Терентьич — по праву старшинства — разлил ликер по рюмкам. Звонко чокнувшись, выпили первую; старик, словно только и ждавший этого момента, сразу перешел к делу:

— К примеру, стоит на реке — Тереке или Сунже, а может, на Кубани, — русское укрепление, сторожит переправу. А переправа — важнейшая часть дороги, по ней и оружие, и продовольствие для войск везут, и товары станичникам. По эту и ту сторону реки кругом чужие живут: черкесы, чеченцы, абадзехи... Ну, народ горный знаешь какой — абреки, что грабежом да войной существуют, прячутся по горам и ущельям, а в аулах люди мирные живут, к русским — на словах — лояльные. Однако же кто воюет и кто в мире живет — все они горцы, все родичи али кунаки. Абреки по ночам в аулы приходят, пищей запасаются, оружие покупают. Не пропускают и праздники — свадьбы, дни рождения. Это значит, что в ауле всегда

известно, где абреки скрываются, и что за планы у них. Да нередко и молодежь мирная в ночь с бойцами уходит, на русские станы набежничать. Знать, что в ауле творится, какие разговоры ходят, нет ли подготовки к грабежу, для русского населения — вопрос жизни и смерти. Потому в каждом стратегически важном объекте — укреплении, крепости, или станице, расположенной недалеко от дороги, — были свои характерники.

Служил на Кавказе (уже после крымской кампании) в одном из таких укреплений и прадед Михейко. Было это в самый разгар войны с Шамилем. И вот слух прошел по аулам: старый Аслан сына женит. Где свадьба — там гости, а гости в горах на свадьбу с пустыми руками не ездят. От каждого положены дары богатые: золото, ковры, упряжь конская, красивая одежда... Самым же ценным подарком для горца было и будет всегда оружие — кинжалы, шашки, а лучше ружья. А как их добыть проще всего? Известно как: отбить у русских обоз с оружием, благо в военное время такие обозы на горных дорогах каждый день встречаются. Но среди бела дня горцы нападать не станут — обозы сопровождает не менее сотни казаков, а с казаками в открытую стычку лишь отряды Шамиля вступать решались. Самое удобное напасть ночью, когда обоз расположится на ночлег в каком-нибудь придорожном стане. В укреплении, где служил прадед Михейко, такие обозы почитай каждую ночь останавливались. Значит, как пить дать попробуют горцы наворовать к свадьбе «подарков» — ружей, гранат, шашек. Что в дар не пригодится, продадут тому же Шамилю. Михейко взял пегого ишака, оделся горцем — воловьши чувяки шетиной наверх, трепаная, вся в заплатах, черкеска, мохнатая папаха, скрывающая лицо до самых усов. Бороду хной выкрасил, щеки топленным салом смазал, пылью дорожной «припудрился». Едет горной тропой на пегом ишаке — натуральный чеченец, по своим делам в соседний аул направляющийся. Доехал Михейко до аула Асланова, ишака у духана привязал, внутрь вошел, уселся в кривой горской позе на плетеный коврик. Тут же услужливый хозяин чаю поднес, какой путники с дороги всегда пьют. А чай у горцев готовится так: плитку зеленого чая (раньше чай был только зеленый, его плитками продавали) раскрошат, воды нальют, добавят молока козьего, соли, жареной муки и бараньего жира. Варят все это до загустения, потом горячим в пиалы разливают. Пить невкусно, зато питательно и силы восстанавливает. Михейко это питье прихлебывает, сам с хозяином на местном наречии разговор ведет: так, дескать, и так, слышал, у Аслана свадьба скоро, не надо ли кому кинжал серебряный, позолотой украшенный — от отца остался, а семья нынче бедствует — война, вот, решил выручить хоть мешок муки. Чеченцы слушают, усмеваются: знаем, как ты кинжал свой получил — русского офицера из тех неосторожных франтов, что на Кавказ из столиц за наградами едут, подкараулил и зарезал, кинжал и прочие ценности с тела снял, а теплый еще труп бросил в горную речку. Михейко руку за пазуху сунул, достал в тряпку завернутый кинжал, горцы глянули — так и есть: оружие никудышнее, сталь третьесортная, даром что ножны серебром с позолотой отделаны. Сразу видно, владел им не воин-мужчина, а любитель красотостей. Горец такой кинжал разве что на стенку для украшения повесит, им не то человека — курицу резать нельзя. Посмеялись, сторговались — полмешка муки кукурузной дали за него Михейку да торбу ишачью овсом засыпали. Запили сделку кислым вином, покупатель Михейку тут же и ночлег предложил. До сумерек прадед по аулу ходил, смотрел, выслушивал — так и есть, замышляют горцы набег, и серьезный: лошадей не кормят, то и дело водят купать, а потом гоняют под попонами через аул туда-обратно. Прямо на улицах мужчины ружья прочищают, ножи и сабли точат. Вечером новый кунак гостю за угощением выгодное дельце предложил: через одну ночь на следующую собираются мужчины в русский лагерь за оружием. Едет в Тифлис обоз богатый, послезавтра к вечеру станет на ночлег за переправой. Если идти с ними согласен, Михейка в долю возьмут, там добычи много будет! Ружья, шашки и кинжалы — не чета купленному позолоченному. Те кинжалы самому

Шамилю продать не стыдно будет! У Михейка глаза загорелись, головой покачал, языком поцокал, красную бороду пригладил, и — отказался: дома жена наследника ждет, вот-вот родит, с утра в обратный путь надо. Хозяин ухмыльнулся: а гость-то трусоват оказался, сразу видно — не боец, раз на пегом ишаке передвигается. Утром, едва начало сереть, Михейко ишака запряг и поспешил обратно в лагерь.

Самчон замолчал, откашлялся и разлил по второй.

— Любо! — гаркнул старик.

Выпив, продолжил:

— К условленной ночи казаки хорошо подготовились: залегли по берегу по двое-трое, в овражках засаду устроили, конные по обоим берегам в лесу придорожном укрылись. Ночь пришла, расплескала черные тени по низинам и логом, пустынно на дороге, молчит уснувшее укрепление. Но тишина с пустотой обманчивы: спрятаны в тени характерники, с ночью слившиеся, и не спит в лагере ни единая душа. Ружья заряжены, факелы готовы зажечься в любую секунду, однако ничто не выдаст напряженного ожидания: мирно и спокойно дышит ночная мгла. Вот сын в лесу заухал — значит, пробираются к переправе незваные гости. У реки застрекотала цикада, на том берегу отозвались лягушки, и в лагере знают: близок момент. Замолкла цикада: горцы стали переправляться. Смолкли и лягушки — переправились воры, сейчас будут в укреплении. Обоз стоит в самом центре, со всех сторон стерегут его часовые. Вот молоденький часовой задремал, опершись на винтовку. Тут же из темноты возникла быстрая тень, блеснула бритва пониже головы, и звонко лязгнуло железо о железо: часовой оказался не часовой, а соломенное чучело, на копье насаженное. Мигом вспыхнули факелы, стало в укреплении светло как днем. Заметались горцы, ринулись к реке, а тут уж их засада ждет. Только слышен отчаянный плеск: кому повезло до реки добраться, на ту сторону плывут. Но и на той стороне их дожидаются, из ниоткуда возникают казаки, вяжут грабителей. Тех же, что к дороге пробрались, конные из ружей подстрелили... Наутро пришли в русский лагерь с повинной старейшины. Пленных выкупили, мертвых с собою забрали. Собиралась в ауле свадьба, а вышли похороны...

Третью выпили не чокаясь — за прадеда Михея и всех ушедших родичей. Старик опять закашлялся. Глянул на меня ласково и строго, и — уже не мне, а хозяйке — сказал:

— Притомился я гуторить. Иди-ко, перину готовь.

Хозяйка встала, взглядом дав мне понять, что женщинам пора на выход.

Рассказ Степана Терентьича о легендарном предке взволновал меня до крайней степени. Спустя несколько дней как-то вечером я спросила знахарку:

— Если были в русской армии такие чудесные воины, как ваш прадедущка Михей, отчего же Кавказская война шла так долго?

— Сложный вопрос, доня. Воины-то были, да сколько их было-то? Тысяча, две, даже десять — *диви-ба (разве же)* это много? В основном же армия состояла из солдат — вчерашних крестьян, в рекрута забритых. Казак с детства воевать учится, а крестьянин землю веками пашет, плугом да серпом управляться только и умеет. И начальство армейское, думаешь, намного лучше нынешнего было? Такие же карьеристы да взяточники, как и сегодня. Толковых-то командиров было немало, но они воевали, по штабам да ставкам не отсиживались, в Петербург с каждой оказией не ездили и ко двору не примазывались, чинов себе не выпрашивали. Что до казаков, то ты тоже не думай, что все они Казачьим Спасом владели. Характерников настоящих, чье мастерство горцев обмануть могло, единицы были. Ты не думай, что чеченцы или черкесы воевать не умели. Еще как умели. От них наши казаки многие приемы скрытной войны переняли. Горец —

что дикий зверь: каждый звук услышит и верно истолкует. Брякнет ли сабля, всхрапнет ли лошадь — горец уже знает: казачий разъезд следует. Да и сигналы условные, уханье филина или пенье сверчка, настоящие от деланных с первых звуков отличали. Так что характерникам сливаться с окружающей средой надо было в буквальном смысле, стать неотъемлемой ее частью. Не прикидываться невидимым, а сделать так, чтобы сама природа тебя за своего приняла. Тогда и горец мимо пройдет, не заметив. Понятное дело, такие умения отрабатывались особо, а у кого было время скрытную сноровку тренировать? Конечно, только у тех, кто с детства к этому готовился, чьи отцы и деды мастерством владели, к кому по крови способности эти перешли. А тренировка была непростая, знаешь, как казаки учились телом владеть — до изнеможения! Каждой клеточкой, каждым миллиметром кожи надо было чувствовать пространство. Перво-наперво, развивали вестибулярный аппарат, чтобы в ритме с землей двигаться.

— Как это, в ритме с землей двигаться? Земля же неподвижная!

Домна Федоровна глянула на меня как-то странно:

— Ты что, девка, в средневековье живешь? Это земля-то неподвижная? Она же вертится! Это раз. Воздух в движенье постоянно находится, травы колышутся, ветви качаются. Во всем есть ритм, его только уловить надо, слиться с ним и малейшие изменения чувствовать и тут же перестраиваться. Вот тогда природа-матушка лицом повернется, и беды будут стороной обходить: опасность за версту почувется.

— А вы такие приемы-упражнения знаете?

— Знаю, конечно, мы целое детство на плотках да на бричках провели.

— ?

— Ты вот что, давай-ка спать ложись, да и я пойду, скоро полночь, а засыпать — ты помнишь — человек до полуночи должен. Завтра пораньше встанем, я тебе кое-что покажу.

Утром она подняла меня ни свет ни заря. Выйдя умываться во двор, я с удивлением обнаружила там Федора, сына тетушки Домны. Он приветливо осведомился, здорово ли я ночевала, и вышел за калитку. Туда же направились и мы с Домной Федоровной. Там, запряженная красавцем-конем, стояла деревянная телега; Федор сидел на месте возницы и ждал нас. Мы сели, парень зычно крикнул «Но-о!», и повозка тронулась. Отъехав недалеко в степь, мы остановились. Знахарка легко подтолкнула меня, я спрыгнула на землю. Сама же Домна Федоровна осталась на телеге, только разулась, встала во весь рост, завернула подол юбки, заткнула его за пояс и заговорщицки произнесла:

— Теперь смотри, что буду делать я, и примечай. Потом повторишь. Трогай! — крикнула она сыну.

Повозка тронулась. Сначала ехали медленно, потом Федор пустил коня легкой рысью, темп скачки постепенно нарастал, и вот уже телега понеслась по кочкам с бешеной скоростью. Шестидесятилетняя колдунья прямо стояла на абсолютно плоской поверхности несущейся повозки. Телега плясала и кидалась во все стороны, но Домна Федоровна стояла, не шелохнувшись, и смотрела далеко вперед. Женщина и повозка были единое целое... в какой-то момент знахарка грациозно подняла одну ногу, отвела ее назад, раскинула руки и... мне показалось, что я вижу перед собой не бабушку семерых внуков, а лихую и ловкую циркачку, балансирующую на спине огромной лошади, несущейся кругами по арене цирка. Зрелище было и завораживающим, и пугающим: вот, на следующей кочке она не удержится, соскользнет, и полетит навстречу земле...

Все, однако, кончилось благополучно. Возница замедлил скорость, телега проехала вокруг меня еще пару кругов, целительница легко спрыгнула на землю и стала рядом со мной:

— А теперь ты, Дарья, попробуй.

— Да вы что, Домна Федоровна!!! Я же грохнусь в первую секунду! Костей не соберете, проваляюсь у вас потом в гипсе все лето!

— Не трусь, девка! Никуда ты не грохнешься, а кое-что поймешь.

Я забралась на телегу, по велению знахарки разулась. Телега легонько двинулась. Опора стала уходить у меня из-под ног, я быстренько села и стала пытаться руками держаться прямо за пол.

— Стань! Спину прямо держи, вниз не смотри, смотри вперед по ходу! Ноги в коленях чуть присогни! Плечи расслабь, руки!

Я повиновалась. Действительно, так я уже смогла держаться. Телега ехала медленно, но мне все равно было трудно стоять

— Теперь слушай внимательно. Ты ногами держишься, это неправильно. Опора у тебя не в ногах должна быть. Солнечное сплетение знаешь где находится? Выше пупка, пониже груди, в середине! Туда центр тяжести перенеси! Во.. Теперь постарайся почувствовать качку. Уловила ритм? Перенеси его в центр тяжести! Пусть там как ходики тикают, в тон повозки! Такая легкая пульсация... Там и держи, только на этом и концентрируйся!

Как в трансе, я проделывала все, что говорила мне целительница. Действительно, где-то в районе солнечного сплетения появился словно пульсирующий комочек энергии. Ноги как будто росли именно из этого комка, более того — они не заканчивались стопами и кончиками пальцев. Дно тележки, ее корпус, ее колеса были продолжением моих ног, моего тела. Я абсолютно спокойно стояла и смотрела вперед. Что удивительно, когда мы ехали сидя, копчиком я чувствовала каждую кочку, а сейчас было ощущение, будто я парю над степью. Проносящиеся мимо цветы и травы говорили о том, что скорость довольно велика, но меня это не пугало. Наконец повозка сбросила темп и подъехала к знахарке, которая все это время внимательно наблюдала за мной.

Я слезла с телеги. Меня чуть покачивало, казалось, степь все еще продолжает вертеться вокруг.

— Молодец... У тебя талантливое тело и гибкая энергетика. Я в тебе не ошиблась, — Домна Федоровна приобняла меня за плечи. — Что теперь чувствуешь?

— Плывет все вокруг... Голова кружится.

— Это потому что опять сместила центр тяжести. Ну-ка, закрой глаза. Снова подними центр в солнечное сплетение. Чувствуешь, как меняется пульсация? Иди вперед.

Я пошла наугад с закрытыми глазами, и странное дело: я будто видела кочки и кусты, выбирала ровные, протоптанные места, обходила камни. Пульс в энергетическом комке стал спокойный, текучий, почти незаметный. Я остановилась и открыла глаза.

— Вот это класс! Мне кажется, я и так и по воде научусь ходить!

— По воде не научишься, законы физики не позволят, — знахарка рассмеялась. — Но теперь будешь чувствовать, как живет и дышит земля-матушка, да и все, что на ней живет, растет и движется. Если станешь за центром тяжести постоянно следить, то вскоре оно у тебя на автомате пойдет. Только умением своим не гордись: гордыня разум перекрывает, человек расти перестает. Тем более что это все Спаса маленькая часть. Учиться тебе еще и учиться...

[дневник]

Дашин дневник, 14 июня

От ритуала на рудничке мы перешли к следующей ступени обучения. Сегодня знахарка учила меня слушать пульсацию пространства. Ощущения изумительные — будто летишь на ковре-самолете. Заметила, что изменилась и походка, стала пружинной и легкой. Теперь, когда я хожу, мне кажется, что это не ноги меня несут, а сама земля, словно в колыбели качает. Теперь я, не глядя, могу по ступенькам ходить и по любой пересеченной местности — тело само чувствует любое изменение ландшафта!

Упражнение «Пульс пространства»

Встать прямо, слегка согнуть в коленях ноги, можно прикрыть глаза. Расслабиться. Сконцентрировать сознание в районе солнечного сплетения, представить себе, что ноги растут прямо оттуда. Можно представить себе комок пульсирующей энергии, уловить этот пульс и идти вперед согласно ему. Желательно находиться в этом состоянии все время. Особенно хороший эффект дает выполнение этой практики в метро или в другом транспорте, где нет устойчивости. Стоять, держась за поручень. Присогнуть ноги в коленях, почувствовать ритм поезда, перенести этот ритм в солнечное сплетение. Когда равновесие будет достигнуто, можно отпустить руку. Если выполнять «Пульс пространства» ежедневно в транспорте, результат достигается очень быстро.

Появляется «прочувствованность» окружающего пространства, ощущается любое постороннее движение, предвидятся все изменения среды — важное умение для городского жителя с бешеным ритмом жизни и постоянными стрессовыми ситуациями!

[конец дневника]

[Проповедь]

Дитя вселенной

Вот идет человек по дороге: есть — он, а есть — мир, и мир этот — един, он шелестит листвою и парит беркутом в высоте небес. Смотрит ввысь человек, и думает: отчего я другой, отчего все природе создано друг для друга, друг другом питается и поддерживается, друг в друга перетекает и превращается? Отчего одинок я даже в толпе подобных себе? Так думает он, идя по дороге, а беркут с высот небесных взирает на землю и не видит его — отдельного, но видит — Мир, с которым един и беркут, и человек.

Бог сперва создал мир, а потом уж слепил человека по образу Своему. Но где взял Бог плоть для него? — от земли. Где взял кровь? — от ручьев и морей. Где взял душу? — от природы огня. Где взял Дух для него? — от дыхания ветра. Определил Господь человеку быть подобным ему, но он соткал его из Мира, и Мир стал подобие Божие. Человек — сумма Божия Мира, и стук его сердца суть ритм вселенной, мерцание звезд и гудение солнц. Этот ритм заложил Господь в клетку — основу всего, семя плоти, из которой вырасти может дерево, а может и птица, а может и человечесь существо, подобное Господу. В клетке — ритм пространства, в человеке — миллиарды клеток, и миллиарды ритмов; в космическом резонансе совпадают они с пульсом праматеринского сердца, сердца Природы — Материи — Майи — Марии. И звучит этот ритм, как поэма Творению...

Встань, замри и прислушайся к сердцу своему: оно бьется в едином экстазе с пульсом Мира, в тоне с музыкой сфер Бытия!

[конец проповеди]

[1]Глава 5

[1]Знаки дороги

Утро понедельника не заладилось как-то сразу. Солнце упорно не желало вставать, небо от горизонта до горизонта сплошь затянули серые дыряво-перистые облака. Как всегда по утрам, мы с рассвета были в степи. Сегодня тренировка вестибулярного аппарата продолжилась: я училась держать энергетический баланс тела. Домна Федоровна ставила мне на макушку головы деревянную миску с водой, и в таком виде я должна была ходить, концентрируя энергию центра тяжести в районе солнечного сплетения. Однако, как я ни старалась, миска все время шлепалась оземь, вода расплескивалась, и скоро на мне не осталось сухого места. Знахарка хмурилась, объясняла секрет приема снова и снова, но результат был все время одним и тем же: миска ни в какую не хотела оставаться на моей голове, и с первым же шагом соскальзывала вниз. Наконец моя наставница нетерпеливо вздохнула, в который раз наполнила миску водой из ручья, поставила себе на голову, и, отрывисто бросив: «Смотри!», плавно шагнула вперед. Однако не успела она пройти и трех метров, как миска вдруг сдвинулась в сторону, съехала набок и упала, оставив мокрый след на рукаве целительницы. Домна Федоровна удивленно вскинула брови, подняла миску, повертела ее в руках:

— Вот это дела! Неужто старею?

— Не расстраивайтесь, Домна Федоровна! Наверное, посудина какая-то неправильная попалась...

— Всю жизнь была правильная, и вдруг стала неправильная? Нет, тут что-то другое. Ну, раз сегодня не ладится, пошли домой.

Калитвинский пес по кличке Автур (помесь кавказца с водолазом), обычно спокойный и тихий, бросился к нам из-за ворот с громким лаем. Едва хозяйка открыла калитку, он выбежал на дорогу, стал кататься из стороны в сторону и часто подтягивать. Мы направилась в дом, но тут прямо за спиной раздалось гулкое сухое стрекотанье, словно палили из детского автомата. Вздвогнув, я обернулась. На дубе, росшем прямо за воротами, сидела сорока невероятно яркой расцветки. Ее оперенье было не просто черно-белым, оно сочетало в себе резко контрастирующие оттенки ослепительно снежного с блестящим, будто лакированным, иссиня-черным. Домна Федоровна вернулась к калитке. Подняла голову и долгим пристальным взглядом смотрела на сороку; сорока, в свою очередь, глядела на целительницу и трещала так, словно пыталась сообщить какое-то важное известие. Казалось, женщина и птица прекрасно понимают друг друга; я встряхнула головой, отгоняя мысли о колдовстве, и пошла на кухню готовить чай. Чайник засвистел, я заварила напиток так, как учила меня Домна Федоровна, дала немного настояться и разлила по чашкам. Накрыла на стол, и в этот момент вошла знахарка. Не глядя на меня, она направилась к плите, достала с полки пару чашек, налила чаю; взяла и тут же уронила на пол две чайные ложки. Подошла к столу, взглянула на него, подняла глаза на меня и застыла с чашками в руках. Выражение ее лица, все утро

сосредоточенное и сердитое, резко изменилось. Глаза просияли, губы раздвинулись в улыбке, она задорно, звонко сказала:

— Завтракай живее, Дарья! Рассиживаться некогда: важные гости спешат!

Мы быстро расправились с завтраком и пошли в летнюю кухню. Знахарка поставила передо мной полмешка картошки и огромную, литров на пятьдесят, кастрюлю. Сама же растопила грубку, поставила на нее чан с водой и вышла из кухни. Минут через двадцать вернулась, я помогла ей снять с печи кипятки и вынести во двор. Здесь, прямо на траве, лежала крупная тушка только что обезглавленного гуся. Знахарка окунула его пару раз в горячую воду, села на скамеечку и стала быстро и ловко щипать пух и перья, сортируя их в разные кучки соответственно размеру. Дело спорилось быстро; хозяйка время от времени давала мне короткие указания, что надо делать. Я сходила на огород, нарвала зелени, мелко нашинковала два больших кочана капусты, нарезала соломкой не меньше килограмма моркови, протерла сквозь сито штук тридцать моченых бочковых помидоров.

В кухонных хлопотах мы провели весь день до самого вечера. Все это время в голове вертелись события странного утра, которые не терпелось поскорее разъяснить.

Но сесть и перевести дух мы смогли только после ужина. Я тут же воспользовалась моментом и спросила:

— Домна Федоровна! А вы мне не говорили вчера, что ждете гостей! И Федор молчал, и Алексей Петрович ни слова...

— А мы вчера и не знали, что будут гости, — абсолютно спокойно ответила она.

— Вам что, с утра кто-то позвонил?

— Никто мне не звонил... Да ты и сама это знаешь, мы же все утро вместе. Разве ты слышала звонок? Видела, чтобы я говорила по телефону?

— Тогда объясните мне, наконец, откуда вы узнали, что будут гости, и что их будет много — иначе зачем мы наготовили, как на свадьбу?

— А сорока на хвосте принесла.

У меня по спине пробежали мурашки. Неужели таки колдовство?

— Та самая, которая на дубе?

— Она.

— Эта сорока что, дрессированная? Вроде почтового голубя?

Знахарка рассмеялась:

— Нет, скорее, это я дрессированная.

Я непонимающе посмотрела на нее.

— Ну, с детства наученная знаки толковать.

— Что за знаки, Домна Федоровна? Какие-то особенные, тайные? Я их увидеть не могла?

— И ты видела, да только не знала, что это все значит. Вспомни, как утро началось. Миска с водой у тебя с головы сваливалась? Сваливалась. А у меня? То же самое. Пес на дороге катался, сорока над воротами стрекотала. Из рук ложки падали, кошка намывалась, а за завтраком на столе две лишние чашки оказались! Когда случайно ставишь одну лишнюю чашку, рюмку или тарелку, и то уже ясно: кто-то придет. Ну, а если две, значит, гостей будет много! Смотри, сколько знаков с утра нам с тобой было... приметы верные — гости важные едут, по делу неотложному.

— Домна Федоровна... Если честно, мне немного странно слышать от вас подобные вещи. Вы учите меня Казачьему Спасу и все время подчеркиваете, что это не волшебство и не мистика, а жизненная

система, построенная на физических законах природы... Все эти приметы, якобы говорящие о том, что будут гости, отдают банальными суевериями. Ну вот скажите, какая связь между сорокой на дубе и упавшими ложками? Между лишними чашками чаю и лающей собакой? Под какой физический закон это можно подвести?

— Видишь ли, доня, в чем штука... Если ты увидела действие закона, который существует, но о котором ты не подозреваешь, это вовсе не значит, что тебе просто показалось. Вот скажи, тебе не кажется суеверием примета — если сегодня солнце садится в тучи, завтра будет дождь? А если оно при этом красное и большое, то вместе с дождем можно ожидать и сильный ветер?

— Ну, это как раз не суеверие, а естественные природные признаки, говорящие о перепаде атмосферного давления, которое и ведет к изменению погоды.

— Вот и здесь то же самое. Точно так же как надвигающийся грозовой фронт извещает о себе какими-то изменениями в окружающей среде, так и любые жизненные события предваряются особыми приметами. Пространство жизни едино для всей Вселенной и всех существ, ее населяющих. Однако это пространство разделено на уровни, плоскости, или планы существования — называй, как хочешь. Человек — это тоже план бытия, и он, в свою очередь, подразделяется на несколько других: интеллектуально-духовный, эмоционально-психический (или душевный), и, разумеется, физический, видимый. То есть, дух, душа и тело. Есть более общие уровни, включающие в себя, например, ближайшее окружение человека — семью, дом, повседневные занятия. Там, за границей этого ближнего круга, начинается другой круг бытия. При этом в каждом плане, в каждом жизненном круге обязательно отражаются изменения, происходящие во всех остальных. Все мироздание — это единый организм, и в любой его частице записана информация обо всем на свете, точно так же, как в малюхонькой клеточке содержится самый сложный генетический код всего организма, со всеми его признаками, от цвета волос до наследственных заболеваний. Меняется информация в одной части мира — тут же изменяются и все остальные его части. Древние недаром сказали: что наверху, то и внизу. Так и здесь. Привычный нам с тобой мир дома, наших занятий, обычного течения жизни сегодня столько раз нарушался! Всякий раз, когда все вдруг начинает идти не так, валиться из рук, это повод остановиться и прислушаться к пространству: что там происходит? О каких переменах возвещают перебои в привычном жизненном ритме? Ты пойми, что сознание — это лишь небольшая часть внутренних мыслительных и духовных процессов, так сказать, вершина айсберга. Скрытая часть, подсознание, всегда заранее знает о надвигающихся событиях. Вот и в нашем случае, подсознание — твое и мое — знало, что гости торопятся. И всеми способами пыталось достучаться до сознания, чтобы предупредить: скоро ближний круг пространства изменится. Отсюда неловкость, случайно налитые лишние чашки... Пес тоже почувствовал приближение гостей и сказал нам с тобой об этом на доступном ему языке. Сорока же — птица не домашнего круга, она посланец, прибывший к нам из другого мира, мира дороги, который начинается сразу за воротами. Так что видишь, весь секрет в том, чтобы знать иные, бессловесные языки, на которых говорит наше подсознание, говорят люди и животные — жестами, поведением, говорят вещи и погодные явления. Когда выучишься этим языкам, тогда и начнешь верно прочитывать знаки... Тем более, такие явные, как знаки дороги.

— Эти знаки дороги чем-то отличаются от всех других?

— Конечно. Путь-дорога — это особое состояние жизни, основа бытия. У всего сущего есть свой путь, и на уровне бесконечного Космоса, и на уровне клетки, и на уровне мельчайшей из известных человечеству частиц — нейтрино. Даже смерть — это дорога, недаром об умершем говорят: отправился в

последний путь... Кстати, дорога смерти всегда посылает свои знаки тому, кто вскоре должен уйти из этой жизни. А также его близким.

Знахарка помолчала, и медленно, как бы неохотно, произнесла:

— Ты вот сама не знаешь, а перед тем как ко мне попасть, уже одной ногой на этой смертной дороге стояла.

Меня бросило в дрожь.

— И вы так спокойно об этом говорите? И только сейчас? Почему же вы не сказали мне это раньше?

— А потому что не надо тебе этого было знать раньше. Все узнается в свое время.

— Я не понимаю... вы поставили меня на ноги буквально за сутки. Разве умирающего возвращают к жизни так скоро? Почему вы считаете, что я должна была умереть?

— Пес перед тобой на дороге выл всю ночь. А ведь гроза была! Сколько я его в хату не загоняла, (в дождь собачка с нами спит, в доме), нипочем не шел! И дятел в окно стучал... Тебе-то самой никаких примет не было?

— Да вроде нет... Я себя как-то резко плохо почувствовала... Разве что галлюцинации за приметы считать...

— Так-так... И что ты видела?

— Курган я видела, а из него мертвые встают. Воины на конях... не то монголы, не то скифы...

— На конях?! Ой, доня... Ты точно в рубашке родилась... Не было такого случая, чтобы больному лошади снились, и он выздоравливал. Такой сон смерть предвещает скорую...

— Но вы ведь меня все-таки спасли! Значит, не все приметы сбываются!

— Я тебя, друг мой, отмолила... Тебя Петро привез, ты не дышала. На лавку положили, что труп. Я руку взяла, пульс слабый-слабый... Глаза закатились... Сразу стало понятно: какая-то сильная инфекция, организм прочищать надо, но при такой слабости ты бы все мои процедуры вряд ли вынесла. По хорошему, тебе дыхательный аппарат да под капельницы, но такого я не держу, давно людей приучила — в критических состояниях надо не ко мне, а по скорой в реанимацию. А тут как на грех дорогу размыло... Ну, думаю, видно, судьба ей у меня помереть. А потом как озарило — может, потому ко мне и попала, что только я помочь могу? Если так, надо скорее вытаскивать тебя со смертной дорожки, в жизнь возвращать! Перво-наперво я тебя раздела, одежду твою наизнанку вывернула, опять надела. В лампаде фитилек перетянула, с другого конца зажгла. Сама обувь с левой ноги на правую передела, платок углом вперед повязала. Держу тебя правой рукой за левую и молитвы по-особому читаю: все слова в обратном порядке. Долго читала, рука затекла. Глаза чуть прикрою, вижу: стоишь ты на широкой дороге в темном саване, белым пояском перепоясана. Дорога длинная, за горизонт тянется, в ночное небо уходит. Я тебя за плечи обнимаю, идти назад уговариваю, а ты вперед смотришь, на это небо далекое, на звезды сияющие, и будто манит тебя туда. Вот человек на дороге показался, весь в облаке света, к нам быстро-быстро приближается, словно по воздуху летит. Стал он с нами рядом и мне говорит: беру у тебя душу смертную, а взамен даю дочь духовную. Снял с тебя пояска белый, а вместо него красный повязал, тут же саван твой в обычное платье превратился. Очнулась я, гляжу — ты задышала, пульс забился. Ну, я скорей тебе желудок, кишки промывать, затем вином кровь чистила. Часов двенадцать возилась, пока температура спала. А там заснула ты, и встала уже здоровая.

— Вот так дела... А что означают слова того человека на дороге?

— А означают они, что знание свое я тебе должна передать. Ты тогда ведь умерла, доня, одна жизнь у тебя закончилась. А теперь у тебя другая жизнь, и прожить ты ее должна с Казачьим Спасом, затем тебе она и дарована.

— Получается, у меня и выбора другого нет? А если я знание ваше воспринять так и не смогу, или пойму неправильно?

— Казачий Спас, Дарья, неправильно понять нельзя. Это поток Духа, если ты в него один раз вошла, он тебя будет сам вести всю жизнь. Теперь ты ничего сделать не сможешь, если Казачий Спас не позволит.

— Что ж мне теперь, можно расслабиться, ничего не делать и не думать ни о чем, раз все мои дальнейшие действия уже предопределены?

Целительница усмехнулась:

— Попробуй. Только тебе самой-то хочется такую расслабленную да ленивую жизнь вести?

— Совсем не хочется! Наоборот, чем больше я узнаю, тем больше учиться тянет, все понять поскорее... Это как будто крылья растут!

— Вот видишь. Так что учись, впитывай, наблюдай, делай выводы, задавай вопросы. Только не торопись, помни: поспешишь — людей насмешишь.

[1]Глава 6

[1]Белый шум

На следующее утро к родничку я отправилась одна: едва рассвело, хозяйка с сыном начали расставлять столы и лавки в саду под абрикосами.

Вернувшись, только успела переодеться, как за двором звонко засигналила машина. Я глянула в окно: за воротами стоял военный грузовик с кузовом, затянутым камуфляжной тканью; из него один за другим прыгали на землю высокие, крепко сложенные мужчины в военной форме. Из кабины вышел статный красавец-подполковник лет сорока, нежно обнял вышедшую ему навстречу целительницу; они расцеловались и направились внутрь двора. Я быстро распахнула шкаф, отыскала там сарафанчик из вышитого шифона с открытыми плечами и эффектными завязочками на спине, снова переделалась, подкрасила губы, провела расческой по волосам... Домна Федоровна знала, что гостей будет много, но неужели ни один из приметных знаков не сказал ей, что наедет столько мужчин? Да еще и военных, от одного вида которых у меня с юности дух захватывает...

Вышла во двор, поздоровалась; знахарка, заметив мое преображение, одобрительно кивнула, представила меня гостям. Красавец подполковник оказался ее сыном Георгием, тем, что живет в Ростове. А приехавшие с ним военные — группа его бойцов, отряд спецназначения, всего одиннадцать человек разных возрастов и званий. Эту группу спецназа Георгий Алексеевич отдал в мое распоряжение, и, пока мать с сыном ходили в кузницу и на пасеку за остальными членами семейства, мы с бойцами накрывали на стол: я командовала, мужчины выполняли. Пришли хозяева, все расселись согласно статусу: отец, мать во главе, оба сына возле них, я, как гостя, рядом со старшим. Военные сидели соответственно званиям. Обед съели, и когда стали расставлять все для чаепития, Домна Федоровна, проходя мимо, тихо заметила:

— Цветешь!..

«Еще бы не цвести, — подумалось мне. — Столько мужчин и я одна!»

За чаем беседа полилась. Гости довольны, накормлены, теперь и о делах можно «поговорить». Хозяева, однако, молчат: неприлично спрашивать гостей о цели визита. Георгий Алексеевич момент поймал верно и четко, по-военному, объяснил, что заставило его приехать к матери вместе с подчиненными.

Вчера вечером в часть пришел приказ: отправить группу бойцов на усиление в Дагестан. В ущелье, через которое проходит дорога на Махачкалу, засели бандиты. Обстреливают машины, убивают людей. Днем еще ничего, а ночью там ездить — верная смерть. В ростовском спецназе бойцы опытные, с бандитами дело не раз имели, но работать им предстоит с местной милицией, в этом главная опасность и кроется. Милиционеры тамошние — люди с двойным дном: утром они с тобой рейд проводят, а ночью на тебя же бандитов наведут. Не все такие, конечно, но и одной паршивой овцы хватит, чтобы отряд положить. Вот и привез сын матери ребят своих, чтобы благословила на опасную дорожку, помогла от смерти напрасной уберечься.

Я удивилась: какой бы знающей ни была Домна Федоровна, разве в ее силах решать вопросы жизни и смерти? Выяснилось, однако, что станичные матери к ней своих новобранцев всегда привозят, и никто из них в армии не пропал, даже если в Чечне служил, все живыми-здоровыми возвращались.

Домна задумалась. Спросила сына, когда ехать им. Оказалось, через неделю.

— Дай ты им, Егорушка, перед дорогой отпуск каждому, дня на три. Пусть домой съездят. Все ли местные вы, ребята, или есть кто издалека?

Почти все оказались донцами, только двое из других регионов — один с Кубани, другой из Волгограда.

— Добре. Значит, времени вам хватит. Как приедете домой, пойдете на кладбище. Семь могил надо родственных обойти, бабушек, дедушек, дядьев, теток... любых кровных родственников, даже самых дальних. У каждого из них благословения спросите, попрощаетесь, да попросите их помощи, чтобы сохранили вас в дальней стороне. Еще с этих могил наберите земли немножко, щепотку в общей сложности. Я вам каждому воску дам кусочек, в этот кусок закатаете землю могильную, в мешочек холщовый зашьете и на груди вместе с медальоном солдатским наденете. Носить его надо, не снимая ни днем, ни ночью, пока обратно в Ростов не вернетесь. Сейчас я батюшке станичному позвоню, завтра на рассвете в церковь отправимся, он за вас молебен отслужит Михаилу-архистратигу. А еще я вам дам молитву к ангелу-хранителю, ее наизусть выучить надо и читать утром и вечером.

На вечерней заре все вновь собрались за столом. Алексей Петрович принес из своих закровов кусок душистого воска; Домна Федоровна энергично мяла его руками, вполголоса читая молитвы Христу, Богородице, Михаилу Архангелу, Георгию Победоносцу и Николаю Чудотворцу. Бойцы почтительно молчали; меня удивляло то, что молодые, здоровые, повидавшие виды мужчины, так серьезно относятся к вопросам веры и религии. Но, внимательно взглядевшись в лицо каждого из них, я поняла: они слишком часто видят смерть, и знают, если и есть сила, способная их защитить, то сила эта — не человеческая.

Домна Федоровна кончила читать, разделила кусок на двенадцать равных частей и раздала каждому. Затем продиктовала охранительную молитву:

[цитата]

Ангел мой, архангел мой, хранитель мой, сберегитель мой, сохрани мою душу, скрепи мое сердце. Враг Сатана, отступи от меня, раба Божия (имя). Я, раб Божий (имя), солнцем укурюсь, ясным месяцем замкнусь, никого не боюсь. Господи, спаси и сохрани на сегодняшний день Христовый (сегодняшнюю ночь Христову). Аминь.

[конец цитаты]

В половину пятого утра мы были уже на ногах. Я вышла проводить ребят за ворота; грузовичок погудел на прощанье и скрылся в степи. Домой с молебна вернулся только Георгий; оформив увольнительные бойцам, он позвонил в часть и договорился и о своем отпуске. Весь день хозяйке было не до меня. До полудня мать с сыном ходили на кладбище, навещали родные могилки, после обеда знахарка, как всегда, принимала посетителей.

Таким образом, утро у меня было совершенно свободным, я решила потратить это время с пользой и продумала вопросы, которые задам ворожее при первой же возможности. Эта возможность представилась вечером, когда сыновья с отцом отправились в станицу погостить у друзей, а Домна Федоровна, как всегда, уселась писать «истории болезней». Быстро покончив с записями (людей сегодня приходило немного, и все с какой-то ерундой), она первая спросила меня:

— Ну, Дашутка, рассказывай, что наблюдала, что соображала? Или от внимания мужского голова сомлела, не думалось ни о чем?

Я смутилась.

— Нет, не сомлела... Точнее, не совсем сомлела. Хотя, признаться честно, в такой компании чувствуешь себя очень особенно.

— Еще бы не особенно! Энергия мужская на женщину всегда хорошо влияет. Если, конечно, эта энергия не несет в себе злости и агрессии. А ребята у Егорки хорошие, светлые. И силы в них много. Вот ты и зарядилась, ишь как светишься — лампу зажигать не надо!

— Выходит, я их... подвампирила?

— Ух ты, какими словами бросаешься! Нет, милая, ты их не «вампирила». И вообще, забывай-ка это понятие. Люди друг друга вампирить не могут, если кто от кого заряжается или сил набирается, то опять же тут природа действует, вроде закона сообщающихся сосудов: где мало было, туда добавилось, где было много, оттуда излишки ушли. Тот, кто отдает, в накладе никогда не останется: энергии в природе много, отдал — тут же тебе воздастся. Так что нет вампиризма, а есть энергообмен. Вот и здесь: мальчики тебе свою, мужскую силу отдали, а ты им женскую, ласковую, благословляющую. Вон как на тебя смотрели! В горах будут тебя вспоминать по ночам и светло им от этого станет, как от молитвы.

— Тут я с вами не соглашусь, Домна Федоровна. Вампиры есть, я сама с ними сталкивалась! Бывают такие люди злобные и завистливые — поговоришь с ними, потом чувствуешь себя как лимон выжатый.

— Ты про другое говоришь совсем. Дурной глаз и черное слово не вампиризм вовсе, а атака энергетическая... впрочем, об этом после у нас с тобой разговор пойдет. А сейчас говори, какие за сегодня вопросы подготовила.

Я в очередной раз удивилась ее всеведению.

— А вопросы такие. Во первых, про могилы родственные, землю с них и воск. А во-вторых, что это за магия такая, что способна на ход судьбы влиять и от смерти на войне хранить?

— Сперва я тебе на второй вопрос отвечу. Видишь ли, Дашутка, что бы там ни говорили, а судьба человеческая — не программа компьютерная, что один раз в него заложена и до самой смерти не меняется. Есть, конечно, определенная направленность, предрасположенность, но все равно у каждого человека существует несколько возможных вариантов, как жизнь прожить и какой смертью в какой срок умереть. Так вот, в судьбе человеческой есть семь смертей напрасных. Они на жизненном пути, что ямы на дороге:

заметишь — обойдешь, не заметишь, оступишься, и поминай, как звали. А смерть на войне — напрасней некуда. Особенно на такой войне, где враг не лицом к лицу бьется, а в спину ударить норовит. Потому уберечься от такой смерти и можно, и нужно.

Целительница помолчала, и, глянув мне прямо в глаза, продолжила:

— И еще, доня, человек не живет сам по себе. Я тебе давеча говорила про то, что все во Вселенной взаимосвязано. Человек — часть Вселенной, словно клеточка в организме. Клеточка сама без организма существовать не сможет, если ее, конечно, искусственно не поддерживать в лабораторных условиях в питательной среде. Вот сейчас такая жизнь и пошла... лабораторная. Вопрос только, кто эту лабораторию устроил и какие эксперименты творит... Ну да оставим это на время. Если человек не сам по себе живет, то как же? Предки наши древние весь космос окружающий видели как дерево мировое, на котором люди, словно листики появляются и опадают. Малый космос, ближний круг человека — дерево родовое. Корни его — это предки, в мир иной ушедшие, ствол, ветки — люди взрослые, к деторождению способные, листики зеленые — дети малые. Дерево само, их всех объединяющее — родство кровное. Чтобы дерево жило и росло, что, прежде всего, делать надобно? О корнях заботиться, потому что дерево корнями питается, из земли силу тянет. Отруби ствол от корней — засохнет дерево. Потому, если хочешь, чтобы жизнь твоя была крепкой и долгой, надо о тех заботиться, кто прежде тебя жил. Могилки навещать, в церкви поминать, благословения испрашивать и за семейный стол приглашать (вот для чего на поминках ставят рюмку с водкой и хлебом накрывают; не все знают только, что это за каждым обедом делать нужно). Так что человек один — только часть огромного дерева. Вслушайся в само слово «человек», оно значит ведь «чело вечности», то есть ее лицо, видимая часть... А то, что скрыто, и есть род его, основа жизни. Потому и люди сейчас такие потерянные, все ищут чего-то, мечутся, словно почва у них из-под ног уходит. Разумеется, будет уходить — клетка без организма не живет! Даже в искусственно созданных условиях... Отсутствие нормального взаимодействия с другими клетками всегда дает перекося какой-то, болезнь, мутацию, сдвиг психический. Отчего, ты думаешь, вся среда информационная сейчас извращениями и садизмом переполнена? От того, что живут люди как та клетка в среде искусственной, не понимая, откуда взялись они и куда уйдут, в конце концов. А предки умершие — самая мощная сила на свете, она от всякой погани хранит. Ты только не воображай себе какую-то мистику, что кто-то с того света к тебе приходит и невидимой броней защищает. Суть не в том. Когда о корнях ты своих заботишься, в тебе генетическая информация просыпается, тысячелетиями копившаяся в роде твоём, инстинкт выживания, помноженный на тысячи жизненных опытов. Тебя словно что-то вести начинает, беду отвлекает, на правильную дорожку выводит. Ну, и конечно, личные твои качества улучшаются, жизнеспособность в сотни раз вырастает! А если речь идет о таких тренированных ребятах, как Егорушкины бойцы, так они вообще практически неуязвимыми становятся. Их ведь Георгий сам, лично тренировал, годами на *белый шум* натаскивал.

— На белый шум? А что это такое?

— Белый шум это особая техника в Казачьем Спасе, для развития той части подсознания, где хранится и обрабатывается информация, которая не осознается, но автоматически считывается с окружающей среды. Когда подсознание развито, говорят — интуиция работает.

— Научите?

— Показать могу, практиковать сама будешь. Хотя что я, Егорка тебя и научит, у него на то рука легкая. Вот завтра с ним в степь и сходите.

Назавтра мне пришлось встать раньше всех (это было не очень-то легко, учитывая, что весь дом просыпается вместе с солнцем). Но перед тем как уйти в поля с двумя весьма энерготонизирующими

мужчинами (тренировать меня на белый шум с нами отправился и Федор), я посчитала нужным привести себя в максимально привлекательный вид...

Туда добирались на конях. Я, никогда в жизни не ездившая верхом, в седле себя чувствовала очень неловко, даже хотела идти пешком, но Георгий настоял на том, чтобы я непременно ехала на лошади, как бы трудно и неудобно мне ни было. В результате, когда мы прибыли на место, я чувствовала себя совершенно разбитой. Но Георгий не позволил мне спешиться и передохнуть даже те пятнадцать минут, что братья занимались приготовлениями к тренировке. В радиусе примерно метров пятидесяти они соорудили хитроумную конструкцию, состоящую из колышек, лесок, связок пустых консервных банок, трубок, бубенцов и каких-то кузнечных инструментов. Я сидела на лошади ровно посередине этого странного сооружения. Когда они закончили, Георгий подошел ко мне, подал черную повязку и велел плотно завязать глаза. Лишь только я это сделала, как тут же потеряла равновесие и вцепилась в холку лошади, чтобы не упасть вниз. Послышался уверенный голос Георгия:

— Лошадь отпусти, ты ей больно сделаешь. Сядь прямо. Расслабься. Будешь падать — поймаю.

Звук его голоса успокоил меня, но расслабиться я не могла: тело застыло в напряжении, ноги, неудобно раздвинутые широким седлом, были словно чугунные.

— Расслабься, я сказал.

Он подошел ко мне, снял с меня кроссовки и носки и стал довольно-таки сильно бить ладонью по моим пяткам — сначала по одной, потом по второй. Места ударов горели; в целом ощущение было очень неприятное.

— Сосредоточься на ощущениях в пятках. Что чувствуешь?

— Печет, будто над огнем держу.

— Теперь представь, что этот огонь охватывает тебя всю, снизу доверху.

Я постаралась представить, и — удивительно! — жар действительно заполнил все тело. Напряжение в мышцах спало, страх высоты ушел.

— Теперь внимательно слушай все, что будет происходить вокруг. Просто слушай.

Я кивнула, и в тот же момент раздался умопомрачительный гвалт. Звон, стук, скрежет, свист, завывания неслись со всех сторон. Перед глазами моментально возникла картина конца света, я инстинктивно вскинула руки и заткнула уши. Шум тотчас же прекратился, и откуда-то издалека донеслись слова:

— Нет, не закрывай уши, а слушай! Слушай внимательно, не убегай!

Какофония повторилась. Мне было физически больно выслушивать весь этот гам, сердце билось в сумасшедшем ритме, голова раскалывалась на тысячи частей. Я держалась из последних сил, когда Георгий где-то совсем рядом плотно, сжато заговорил:

— Когда уши чуть обвыкнутся в шуме, постарайся вслушаться в каждый звук. Что звучит? Что может издавать такие звуки? На каком примерно расстоянии это находится? Какой звук нравится тебе больше всего? Какой вызывает наибольшее раздражение?

Раздражение вызывали все звуки подряд... Но все-таки я заставила себя вслушиваться в этот слуховой кошмар, попробовала вычленять звуки по отдельности — вой, стук, скрежет... Как только я занялась этим, шум как будто утих. Нет, не утих, он стал упорядоченным, классифицированным. Вон там стучит молот о наковальню, там заливаются бубенцы. А там что-то воет... Узнанные по отдельности звуки складывались в нечто вроде симфонии. Я пошла дальше и постаралась определить расстояние. Звон шел издалека, вой находился где-то посередине, лягг прямо позади меня, а стучало слева. В голове сложился

звуковой образ пространства, обозначенный точками, откуда исходили звуки. Шум как будто еще уменьшился, но голова по-прежнему болела и раскалывалась, словно ее поместили в гигантскую дробильню.

Сквозь боль и хаос звуков в сознание проникал знакомый голос:

— Теперь иди сквозь боль и напряжение. Не терпи, а преодолевай. Ты сильнее боли. Так. Сосредоточь внимание внутри головы. Внутренним взором постарайся увидеть мозг. Сзади, почти у стенки черепа, есть маленькая белая точка. Найди ее. Там живет тишина. Она звучит как белый шум. Слушай его. И только его.

Я представляла все согласно словам Георгия. Сначала я словно шла сквозь огонь, он обжигал мои мышцы, лицо, глаза... Потом я вдруг ясно увидела замкнутое темное пространство, пронизанное серыми, красными и оранжевыми клубками миллионов нитей. То и дело по ним проскальзывали синие искры. Я шла сквозь это пространство и, наконец, вдали показалась черная стена. Перед ней брезжил призрачный белый огонек. Я подошла ближе и вошла в него. Белый цвет усилился, стал плотным и охватил меня всю. Это была тишина, хотя тихо в ней не было. Она звучала нежной далекой музыкой, напоминающей песню моря в раковине. Она звучала, как звучит чистый лист, перед тем как рука с пером напишет на нем слово. И вот этот лист стал оживать. Я увидела степь во всех утренних красках, хитроумное сооружение, устроенное братьями, колышки, железки, бубенцы. Увидела, как колышутся травы и прядают ушами пасущиеся невдалеке лошади. Я видела окружающий мир в мельчайших деталях: трудившегося под землей крота, парящего над степью коршуна и его цель — рыжую мышку, грызущую какой-то корешок... Слева с ко мне подошел Федор, в его руке был цветок кипрея, он протянул его мне. Засмеявшись, я взяла цветок, и тут же из виду пропало построенное мужчинами сигнальное устройство.

— Развязывай глаза. Тренировка окончена

От этих слов на мир опять упала черная пелена. Я сняла повязку и, жмурясь от яркого солнца, спросила Георгия:

— Что это было?

— Белый шум. Обычно люди не слышат его так быстро, но ты же у нас экстерном обучаешься, — Георгий улыбнулся, — вот и пришлось пойти на кое-какие экстренные меры. Когда преодолеваешь напряжение и боль, открываются внутренние психические резервы. Для того тебя на лошадь и посадили...

— Класс! И что же, вы своих бойцов тоже так обучаете?

— Так. Только не такими быстрыми темпами. Для устойчивого результата надо тренироваться постепенно. Это у нас сегодня был показательный урок, чтобы ты поняла. Но в следующий раз так быстро белый шум не услышишь. Это нарабатывать надо изо дня в день.

— А я не оглохну, если изо дня в день слушать такой гвалт буду?

— Гвалт был одним из препятствий. Чтобы тренировать белый шум, нужно просто улавливать все окружающие звуки, ближние и дальние. Ну, и плюс концентрация.

— Хорошо. От этого развивается чуткий слух, я поняла. А при чем тут подсознание, интуиция, о которой говорила Домна Федоровна?

— А при том, что развитие слуха напрямую связано с интуицией и подсознанием. Это уже и ученые установили.

— А вашим бойцам это как помогает?

— Хорошо тренированный на белый шум боец в горах любой шорох услышит, но это мелочи. Главное — определить, правду человек говорит или брешет. Война у нас такая идет... тайная. Оттого столько народу в Чечне этой проклятой и полегло.

— Но тогда почему же эту технику не возьмут на вооружение во всей армии?

Невыразимо прекрасные, мудрые глаза подполковника глядели на меня внимательно и строго.

— Один из принципов выживания в Казачьем Спасе заключается в том, чтобы не задавать себе, и особенно — другим, вопросов, решение которых находится далеко за пределами твоих возможностей. Ты меня поняла?

[дневник]

Дашин дневник. 20 июня 2001.

«Белый шум»

Упражнение служит для развития слуха и интуитивных способностей. Выполнять его лучше всего в темной комнате, или же завязав глаза плотной тканью.

Сесть поудобнее, расслабиться, закрыть глаза. Постараться уловить слухом все звуки в окружающем пространстве. Сначала концентрироваться на звуках узкого круга — шум компьютера, жужжание холодильника, скрип половиц и дверей. Затем постепенно расширять круг звуковых впечатлений: гудение машин, людские голоса, сирены, вой ветра, визг тормозов. Как только в голове зафиксированы все окружающие звуки, направить мысленный взор внутрь мозга. Сконцентрировать сознание в районе задней стенки черепной коробки и постараться увидеть белую точку, звучащую словно шум моря в раковине. Попеременно переключать внимание с белого шума на внешние звуки и обратно. Особенно полезно выполнять это упражнение перед сном. Активизированное подсознание во сне даст ответ на вопрос, который заботит вас в данный момент больше всего.

[конец дневника]

[проповедь]

Равнина Света

Далеко простирается синь морская перед кораблем, отправляющимся в плавание. День проходит, и ночь проходит; снова день ушел, и ночь принеслась на крыльях безумного ветра, буря пала на океан. Воеет ветер, гром громыкает, молнии мечутся, волны встают выше мачты и кидают на палубу рыб, и камни со дна, и грозятся проглотить жертву морю — корабль. Но плывет судно сквозь вой и грохот и плеск — вперед, ибо нет иного способа достичь нужной гавани, как преодоление.

В мире звуков ты — тот же корабль. Увертюра пространства захлестывает тебя, и не слышишь ты ничего, кроме грозных раскатов Оркестра Вселенной. Так живем мы, и глохнем мы сердцем и сохнем душой, не в силах снести этот грохот; тонет корабль наш в пучине или ищет тихую пристань в надежде переждать жизнь — космический шторм. Но отдайся симфонии бури, прыгни в нее, как с вершины кидается сокол, чтоб, нырнув в глубину, воспарить над горами. Проживи каждой клеткой — каждый из звуков, и откроешь тогда красоту этой дивной гармонии голосов Мира. И когда скрипки, громы, колеса, шаги, песни и ребяческий смех разделятся в сознании твоём, а потом вновь сольются в гармонии сфер; и в этой гармонии ты услышишь негромкий стук в сердце твоём — то стучится Господь в дверь души. Ты откроешь ему, и увидишь равнину из света, белую, девственную, словно чистый пергамент. Присмотришь: на пергаменте скоро знаки начнут проступать. Это — зеркало Духа, то, что чувствуешь ты внутри себя, на мир внешний

взирая. Ступай на равнину, ступай осторожно — что хочешь ты начертать на светлом пергаменте жизни? Песню страсти или тихое слово любви? Или оставишь его чистым, чтобы дать его ближнему в час, когда он будет нуждаться в слухе твоём и сострадании твоём? Так, наверное, будет мудрее всего — сохранять чистоту и спокойствие на этой Равнине Света. И тогда, может быть, Сам Господь снизойдет на нее — в чистом сердце твоём отдохнуть от молений людских, и плача, и просьб, и требований: ведь единственный Он каждого слышит и откликается на всякое обращение человежье.

[конец проповеди]

[1]Глава 7

[1]Солнцеворот

Июнь шагнул в свою третью декаду. Празднично-весенние краски степи мало-помалу уступали охряным пыльным оттенкам сжигаемых солнцем трав. Ночи стали теплыми и ясными; в их свежем росистом воздухе очищались от пыли, оживали и наполнялись сочной силой растения и плоды. В открытое окно лился душистый ветер: ночью степь отдавала ему свои сладко-пряные ароматы, днем застывавшие в зное, словно песчинки в куске янтаря. Запах ветра не давал мне уснуть, и, поворочавшись пару часов в постели, я решила больше не мучаться, нащупала в темноте карманный фонарик, накинула халат и вышла на веранду. Ночь прожгла глаза абсолютной чернотой (на хуторе нет уличного освещения). Чернее были только силуэты деревьев и очертания резного навеса веранды, выделявшиеся на фоне ярких полных звезд. (Те были рассыпаны так густо и мелко, что, казалось, это и не звезды совсем, а осевшая на небе дорожная пыль, взбитая за день многочисленными земными путниками.) Я осторожно спустилась с веранды, села на ступеньку и стала смотреть на небо. Далекое созвездие совершало неспешный круг почета мимо Полярной звезды. Обе Медведицы, Кассиопея и Цефей, Возничий, Гончие Псы. Из видимых в это время года знаков Зодиака — Лев, Близнецы и Телец... а, вот и Рак отыскился в россыпи светящихся зерен. С тех пор как открыли (после казавшегося вечным ремонта) Планетарий, поход в это удивительное место стал для меня вторым хобби, любимым отдыхом души и ума. Так что теперь отыскать в ночном небе любое созвездие для меня не представляет никакого труда. Далеко на юге, почти у берега Земли, проплывает Кит. Левее охотник Орион гонится за Зайцем, пытающимся скрыться за горизонт. Вот Андромеда нежно смотрит на Персея, но их разделяет широкая Млечная река, видимая здесь, в степях Среднего Дона, лучше, чем в планетарии...

— Не спится, доня?

Я вздрогнула, зажгла фонарик и обернулась. Передо мной, укутанная в огромную темную шаль, стояла Домна Федоровна. Как она попала сюда? Дом, в котором я живу, служит своеобразной больницей: «палата» (в ней сейчас сплю я), рабочий кабинет ворожеи, лаборатория, в которой она готовит свои

снадобья. Сама же с семьей живет в другом доме, никак не соединенном с этим, разве что дома сообщаются при помощи тайного подземного хода?

— Не гадай, — вновь прочитала мои мысли знахарка. — Жарко нынче, вот я и сплю у тебя на веранде. А ты что полуночищаешь? Вроде в хате у тебя прохладно...

— Запах степи. Не заснуть никак. Вот сижу, звездами люблюсь. У нас в городе такого количества звезд нет. С десяток наберется в хорошую погоду... А уж Млечный путь вообще не виден никогда.

— Батыев шлях-то? Да. В давнюю пору для казаков наипервейший указатель был.

— Батыев шлях. Какое интересное и красивое название. А отчего так назвали, вы не знаете?

— Почему же не знаю. Назвали так, потому что орды Батыевы с Востока к Черному морю шли в аккурат по направлению Млечного Пути. Казаки, предки наши, тоже с ними ходили.

— Значит, казаки пришли на Дон с войсками Батыя?

— Нет. Предки наши на Дону сами появились.

— Как это сами? Вдруг, ниоткуда? Так не бывает, всякий народ имеет свое происхождение, все оставляют следы. Я-то знаю, я же археолог!

— Ну и что же ты знаешь про Дон, археолог?

— Да что касается древней истории, все почти знаю. Земля донская хранит многое. От стоянок древнего человека до ранней бронзы, от греческих колоний до скифов и боспорцев, называвших Дон Танаисом; а с Рождества Христова были тут сарматы, аланы, готы, затем случилось переселение евразийских народов, великая Булгария, каганаты, халифаты, бесчисленные кочевые племена, агрессивные и воинственные... потом пришли татаро-монголы...

— Вот тогда и поселились в Диком поле казаки.

— Так откуда они там появились, Домна Федоровна? Если это не были остатки батыевой орды, то кто они — беженцы со всей России, как это принято считать, или особый народ?

— По-ученому тебе не скажу, доня. У нас говорят: казаки от казаков ведутся. Во всяком случае, единственная наша родина — Дон-батюшка. Тут же и Казачий Спас родился.

— А как это произошло?

— Раньше-то здесь не было донской степи. Все, что Дон окружало, звалось Диким полем. А Дикое поле — оно Дикое и есть: чуть в сторонку от шляха — и вот тебя уже тащит в рабство турок, или кабардинец берет на аркан. Жаловаться некому, законы тут неписаны, а власти, кроме атаманской, не сыщешь за сотни верст. Вокруг только степь да кишашие зверьем негустые лески. Ну, первые казацьи ватаги, как и всякий прочий степной народ, разбойничали на большой дороге, по которой тянулись караваны восточные к Черноморью. Но разбоем жизнь не проживешь, тем более что народу, приходящего на Дон, становилось все больше и больше. Отстроились городки, кочевые станы превратились в казацьи станицы, окруженные хуторами и сторожевыми укреплениями. Дон, по берегам которого селились казаки, стал крайней границей страны: по эту сторону Русь-матушка, а по — другую ханства и улусы. Строились так, чтобы в один день добраться было можно от станицы до станицы. Днем по шляху патрули и кордоны, а ночью за станичный плетень шагу не ступи! Заречные соседи спуска не давали: то стадо отобьют у нерадивого пастуха, то умыкнут припозднившуюся на огороде казачку. Дикое поле! Ослабишь внимание, и беда тут как тут. А выживать как-то надо. Среди тревог и опасностей требовались казаку качества особые. Должен был он слышать каждый шорох, видеть мельчайшие детали, чувствовать неприметные изменения окружающего мира. Вот такая круглосуточная «тренировка» всех органов чувств и развивала способности из поколения в поколение. Закономерности подмечались, вырабатывались упражнения, техники, что

составили основу Казачьего Спаса. Многие из них ты знаешь уже. До чего-то казаки сами своим умом да опытом доходили, кое-что у соседей переняли.

— А что за соседи были у казаков?

— Народы степные. И турки, и татары, и черкесы... их за Доном много бродило-высматривало, где бы чем поживиться. От тех соседей обороняться надо было и днем и ночью.

— Как же казаки у них приемы перенимали, если все время обороняться приходилось?

— Приходилось. Но худой мир лучше доброй ссоры. Вот и торговали, и женились на ихних дочках, объединялись в союзы, общих врагов вместе изгоняли. Так знаний и понабрались.

— Женились, говорите? А что кровь смешается, и род казачий выродится, не боялись?

— Нет, доня. Это на Руси чужаков боялись. А казаки знали: кровь загустить только на пользу. Другой генотип — другая информация. Как в степи выжить, как с болезнью сладить... да и не только. Вот у вас в городе женщины — еще тридцать не стукнет, а уже начинается: кремики-масочки, салоны красоты, гимнастика всякая, чтобы живот не обвис да попа не поширела.

— Ну, и что же в этом плохого? Каждая женщина хочет быть и молодой, и привлекательной.

— Да плохого-то, конечно, ничего. А вот у нас на Дону в прежнее время женщина до самой старости и молодой была, и желанной. С донскими казачками в стати да красоте никто равняться не мог. Последних детей знаешь во сколько заводили? Бабы за пятьдесят, а казаки и в семьдесят пять дитя зачать могли. Что такое крем да косметика, бабки-прабабки наши вообще не знали. А были ли у них проблемы какие с кожей? Я тебе говорю — не было. Не веришь, дам полистать альбомы семейные. Прабабка Оксинья — чьи тетрадки читала ты, бабки Васена, Фекла, Александра — на снимках им за восемьдесят, а личики, что скорлупка яичная, чистые, свежие, ни морщинки. А хоть бы одна когда губы красила или ресницы!

— Это, наверное, ваша родовая наследственность. Не все же такими были. Раньше женщины как раз таки рано старели, в сорок лет женщина уже старухой считалась.

— Ты сейчас не про Дон говоришь. Россия, там да: веками жили — лямку тянули. А здесь своя была земля, Казачий Присуд, присуженная Богом, значит, от налогов да податей свободная (какие ж налоги с Дикого поля? Что захватить-защитить смог, то и твое). Вот и занимались люди, помимо земли своей, еще и собой, чтобы род дальнейший был и многочисленным, и здоровым, и красивым. Для того и кровь мешали. Ну, а от недугов, от напастей, от старения Казачий Спас оберегал. Спас, он ведь не только на войне пригоден.

— И как же Казачий Спас помогает сохранить молодость и красоту?

— Спас здоровье сохранить помогает. Красота и молодость это уже следствие. Коли организм здоров и вынослив, то и стареть ему незачем. А выносливость казакам требовалась особая. Попробуй-ка по зиме в камышах, в ледяной воде в засаде посидеть! А Дон переплыть туда-обратно в бурю ноябрьскую! Тут закалка такая нужна, чтобы силы свои по мере надобности высвободить, более нужного не тратить, и про запас оставить. А чтоб ресурсы внутренние так распределить, знания нужны были серьезные — и о мире окружающем, и об организме человеческом.

— Медицинские знания?

— Не только. Ты вот сидишь, звездами любишься. Знаешь, сколько там их? Только в нашей галактике четыреста миллиардов звезд, дак это лишь те, что ученые к теперешнему моменту открыть успели. А сколько процессов во Вселенной происходит! Только дурак думать может, что в космосе жизни нет. Как же нет ее, если каждый миг звезды взрываются, миры новые рождаются и умирают.

— Я что-то не пойму, Домна Федоровна, вы сейчас то про Казачий Спас, то про эволюцию вселенной... Связи не вижу.

— А связь, доня, самая прямая. Что вверху, то и внизу, я тебе уже объясняла. Сколько во вселенной процессов, столько и внутри человека. Сколько энергии в космосе, столько же ее и в организме нашем. Это тратим мы за всю жизнь свою едва ли сотую часть того, что внутри нас кроется. Ежесекундно умирают миллионы клеток, вместо них рождаются новые, и внутри каждой клеточки происходят сотни реакций! Клеточный метаболизм интенсивен настолько, что клетку можно сравнивать — в своих масштабах, конечно, — со звездой, в которой происходит генерация множества веществ и огромного количества энергии. В подробности я вдаваться не буду, слишком это сложно все. Наука официальная только в середине прошлого века открыла потенциал клеточный, а предки наши давно о нем знали, и более того, пользовались этим бесконечным кладезем энергии, сил и здоровья. Оттого и были крепкими да выносливыми до самой смерти.

— Домна Федоровна. А ведь я так старости боюсь... Подхожу утром к зеркалу, и сразу замечаю — морщинки, складочки... Как бы мне этот потенциал внутренний открыть?

— Ну что ж, момент для того удачный. Сегодня двадцать первое, завтра двадцать второе, летний солнцеворот. Самое энергетически насыщенное время! Сутки эти — от полуночи до полуночи двадцать второго числа — лучше вообще спать не ложиться. Если в это время в организм энергии накачать, на год хватит. Так что завтра днем отдохни, поспи, как следует — практик у нас с тобой много будет. Как завтра солнце сядет, и начнем.

[1] Глава 8

[1] Молодильный Спас

Я как раз переодевалась в спортивный костюм, когда в комнату вошла Домна Федоровна. В руках у нее был небольшой глиняный горшочек с дутыми боками.

— Погоди одеваться. На-ка вот, намажься с ног до головы. А то мошкара заест.

В горшочке оказалась жидкая мазь, сильно пахнувшая мятой и еще какой-то невероятно душистой смесью. После ее высыхания на коже осталась гладкая, словно восковая, пленка.

Мы прошли через степь в направлении леса, мимо знакомого уже родничка (там набрали воды в захваченную с собой канистру). Перед тем как войти в лесок, знахарка сорвала с ближайшего кустика листик и положила в карман. То же самое, по ее указанию, сделала и я — «чтобы леший не путал». Пройдя с километр по петляющей из стороны в сторону тропинке, мы оказались на большой круглой поляне, в центре которой стоял внушительных размеров шалаш, крытый камышом. Изнутри он был устлан густым слоем соломы; по стенам алюминиевая посуда — котелки, кружки, поварешки. Видимо, шалаш служил пристанищем для охотников. В углу под полиэтиленовой пленкой лежали дрова; часть их мы вынесли из шалаша и занялись устройством костра: начинало темнеть. У огня, за беседой, мы и провели оставшиеся до полуночи часы.

— ... на Дон, доча, приходили не только беглецы да разбойники со всех сторон. Селились тут, в скитах лесных, монастырские старцы, уходившие из богатых российских монастырей. Подвиг особый искали. А где ж еще подвиг найти, как не в Диком поле? Принесли они с собой много знаний тайных — и духовных, и естественно-природных. Те знания быстро к казакам перешли: отцы святые науку свою от мира не прятали. Про мироустройство всеобщее, про душу человеческую, про слово вестее... От них и название пошло, Казачий Спас — оттого, что казаки не просто так свои умения тренировали, а призывая Спасителя

нашего, Иисуса Христа. И про энергию жизненную старцы много знали, откуда приходит она, куда девается, как и когда накапливается в веществах и организмах. Раз в год, под Иванов день, все живое в силу входит. Особенно травы лесные да полевые. Трава, в это время сорванная, не только от хворей помогает, но и от сглаза, от порчи бережет — столько силы в ней. А есть такие травки, которые к лечению непригодны, да и вообще в остальное время пользы от них нет. Но в солнцеворот летний начинаются в них процессы особые: выделяются вещества-алкалоиды, которые, в организм человеческий попадая, срабатывают вроде ключика — энергию, в клетке замкнутую, наружу выпускают. Потому много про эти растения ходит сказок и легенд. Вот как полночь ляжет, мы с тобой пойдем такую траву копать. Если свежий отвар из нее выпить, а потом упражнениями энергетическими заняться, то сил в тебе в десятки раз больше откроется.

Ровно в полночь в небо над самой поляной выкатилась огромная, в рыжем сиянии, луна. Мы взяли фонарики и направились в лес. Комары жужжали где-то рядом, но на кожу не садились: душистая мазь и впрямь отпугивала назойливых насекомых. Наконец мы остановились в густых зарослях высоких кустарников, состоящих из хрупких стеблей, покрытых пятнистыми резными листьями. Папоротник. Знахарка выбрала из всех кустов самый большой, шепнула мне:

— Посвети вниз, сюда, у корня.

Я направила луч туда, куда указала мне ворожея. Она опустила на колени, извлекла из кармана небольшой сверток, достала из него четыре блестящих кусочка, положила их на землю с четырех сторон от куста. Станным, нездешним голосом сказала:

— Небо отец, земля мать, ты, трава, позволь тебя рвать!

С этими словами она бережно стала разрывать землю вокруг папоротника. Аккуратно поддела корень, отряхнула его от земли и завернула в кусочек белой материи.

— Теперь ты себе куст копай.

— Какой, Домна Федоровна?

— Какой больше понравится.

Я огляделась вокруг и выбрала первый попавшийся кустик. Знахарка сунула мне в руку куски металла, указала точки, на которые следовало их положить. Произнеся те же самые слова, я начала выкапывать корень, и тут же по рукам пробежали десятки обжигающих точек. Меня бросило в пот.

— Не пугайся, это муравьи. Повезло тебе: они обычно селятся под самым сильным растением.

Вернувшись к шалашу, мы сразу принялись за дело. Пока я вновь разжигала потухший костер, ворожея отделила стебли от корней, последние хорошенько промыла и мелко нарезала — свои отдельно от моих. Измельченные корешки издавали дурманящий запах... Домна Федоровна поломала стебли, уложила их на дно двух котелков, залила водой и повесила над костром. Когда вода закипела, знахарка бросила туда корешки. В полном молчании я наблюдала за ее священнодействиями. Наконец отвар был готов. Она сняла его с огня, перекрестила оба котелка и, когда кипяток чуть поостыл, протянула один из котелков мне:

— Пей по глоточку с каждым вдохом.

Вкус у заваренного папоротника оказался вязущим и горьковатым. Допив до середины, я вдруг услышала отдаленный звон, исходящий как бы изнутри меня.

— Домна Федоровна, у меня кажется, начались слуховые галлюцинации!

Я не узнала собственный голос. Слова, сказанные совсем негромко, разнеслись по лесу многократным эхом.

— Пей, не бойся, все нормально, — таким же эхом отозвалась целительница.

Я допила отвар до конца. Звон накатывал отовсюду радужными волнами; в цвета радуги окрасилось светлеющее небо. Удивляло то, что я находилась в совершенно ясном сознании, не было чувства опьянения или дурмана. Только окружающее пространство создавало какой-то всеобъемлющий резонанс, словно кто-то пел в пустом соборе.

— Теперь ты должна полностью раздеться, — приказала мне целительница.

— Как, совсем догола?

— Совсем.

— Домна Федоровна... Честно говоря, я стесняюсь...

— А что такое? Я ведь не мужчина.

— Да не в том дело. Просто... мне ведь тридцать уже. Фигура не та.

— Женщина, доня, своего тела стесняться не должна ни в каком возрасте. Все в природе совершенно, в том числе и тело человеческое. А если есть хвори какие, изъяны — это только внутренние твои проблемы, психические. Когда душа очистится, и тело исцелится.

Легким, естественным движением знахарка скинула с себя одежду. Ее смуглое тело в обрамлении черных распущенных волос было зрелым, подтянутым и прекрасным. Она легла прямо на траву, вытянула руки и быстро покатила к краю поляны; затем обратно. Так она перекачивалась довольно долго, пока солнце не показалось из-за вершин деревьев. Знахарка поднялась. В спутанных волосах пестрели стебельки и травинки.

— Давай теперь ты. Быстрее, пока роса не высохла!

Я разделась, боязливо опустила на мокрую траву, осторожно покатила в сторону. Тело придавило к земле свинцовой тяжестью, я моментально промокла. Трава колола, царапалась и резала кожу, мне было очень больно и жалко себя. Внутренне я негодовала, но продолжала кататься по траве с одного конца поляны до другого. Внезапно боль утихла, на смену ей пришел зудящий жар; тело как будто приобрело невесомость и катилось само.

— Ну стой, хватит уже, — пронеслось надо мной

Я остановилась и встала. Сзади, в области крестца, пульсировал мощный огненный шар. Меня словно отрывало от земли.

— Оботрись, — Домна Федоровна подала мне кусок холстины.

Я коснулась грубой тканью плеча; распухшая кожа тут же отозвалась невыносимой болью.

— Жалеешь себя. Не так надо!

Знахарка вырвала холст из рук и стала сильно растирать меня с ног до головы. Боль обожгла и тут же пропала; тело наполнилось приятным теплом. Пару часов мы отдыхали в шалаше после ночных приключений и утренних процедур. Меня беспокоило непонятное действие папоротника, и знахарка терпеливо разъясняла, что причин для тревоги нет никаких:

— Папоротник, Дарья, не относится ни к каким наркотическим веществам. Если бы это было так, разве ты почувствовала бы боль? Наркотик ощущения телесные притупляет, а тебе было больно, и когда ты по траве каталась, и когда я тебе кожу растирала. Так что растение это безобидное и даже не считается лекарственным. Есть, правда, в нем кое-какие асептические свойства, за счет аскорбиновой кислоты, содержащейся в листьях и стеблях. Для того папоротник иногда в закрутку кладут, да ягоду перекалывают, если далеко везут. Сила в нем появляется только раз в год, и только в корнях. У нас на этом корешке вино настаивают и пить дают тому, кто после болезни ослаб.

— А зачем с четырех сторон серебром обкладывать? И что это за приговор такой «Небо отец, земля мать, ты, трава, позволь тебя рвать»?

— Серебром затем, что папоротник — растение мужское. Серебро же — металл женский, мужскую силу растения уравнивает, и класть его возле куста надо не просто так, а по сторонам света. Коли без серебра папоротник выкопать, могут всякие реакции начаться ненужные, гормоны мужские вырабатываться, а оно нам, женщинам, ни к чему. Вместо серебра можно меди взять, тоже женский металл. Ну, а приговор — как же без него. Ты ведь живое существо жизни лишаешь, надо позволения спросить у земли-матушки. Эти слова вообще всегда говори, когда траву, цветок или гриб, фрукту-ягоду какую рвешь. Тогда оно тебе всю пользу свою отдаст, а цветы, кстати, дольше стоять будут.

— А теперь про экзекуцию эту объясните, у меня после катания по лугу вся кожа горит...

— Эх ты! «Экзекуция"! То, чем ты утром занималась, включает в себя три мощнейшие практики. Первая — роса купальская. Она энергией земли заряжена, а ты помнишь — сейчас у земли энергии больше всего. Вторая — соки травяные, с росой смешанные. Третья практика — само катание. С его помощью ты всю поверхность кожи как следует массируешь, включаешь точки энергетические, активизируешь процессы биохимические. Ты себе не представляешь, Дарья, какую пользу такое катание приносит. Кожа человеческая ведь не только оболочка защитная. Это дворец здоровья, причем многоэтажный дворец. В коже есть клетки различные, и пигменты всякие, ткань соединительная, мышцы гладкие, сальные и потовые железы, сосуды кровеносные, узлы лимфатические. Кожа дышит, кожа очищает, кожа тепло регулирует, в обмене веществ участвует, лишнюю воду и шлаки из организма выводит, а также ферменты и гормоны различные вырабатывает. Она в организме как резервная подстанция, внутренним органам работу облегчающая: легким дышать помогает, сердцу — кровь качать, селезенке и печени — кровь творить... Так что, когда вот так на всю поверхность кожи воздействуешь, ты все свои органы внутренние стимулируешь. И сама кожа вместе с мышцами подкожными подтягивается, гладкой да упругой становится. Такое катание, с некоторыми другими процедурами, я молодым мамочкам назначаю, у кого грудь после кормления обвисла. Кататься ведь можно не только по траве, в домашних условиях это тоже делается довольно просто. Главное — чистый пол и пространство свободное, чтобы вытянуться во весь рост можно было и покататься туда-сюда. А если циновочку постелить поглубже, то эффект еще сильнее получится. После этого упражнения любые процедуры косметические или физиотерапевтические в десятки раз больше пользы приносят. А еще кожа одну роль выполняет важную — новым клеткам рождаться помогает и информацию в них закладывает. Ты вот сказала, стареть боишься. Но страх этот перед старостью да немощью у каждого человека есть, женщина, мужчина — неважно. Вот что такое старость, на физиологическом уровне, как ты думаешь?

— Это износ организма, тело от времени, от работы, от жизни самой устает...

— Многие так думают, а такое мнение в корне неправильно! Пораскинь умишком-то — каждая клеточка в организме живет только три месяца! Через три месяца ее заменяет новая, а умершая клетка из организма выбрасывается. Спустя год в человеке состав клеточный полностью обновляется, стало быть, каждый год у нас новое тело. Ну, а может ли тело за год износиться? Нет, конечно!

— Тогда почему же люди стареют?

— Потому что от умирающей клетки информация к вновь рождающейся передается. Что до этого человек делал, какой образ жизни вел, чем болел и так далее. Вот и получается, что новые клеточки уже старыми рождаются. А чтобы этого не происходило, надо организм свой постоянно развивать и тренировать, потенциал клеточный высвобождать. Тогда клетки новорожденные будут содержать в себе еще

больше силы, чем предыдущие. А кожа здесь — первый показатель. Недаром старение с нее начинается. Так что кожа твоя — это святая святых. Надо ее беречь, о ней заботиться и в тонусе держать. Целая система есть в Казачьем Спасе, как на кожу воздействовать при помощи очень простых способов, и мы с тобой к этому еще вернемся. Сейчас же о другом признаке старения поговорим. Какие, кроме морщинок, первые «звоночки» о приближении старости? Боли в костях, хрупкость суставная. Наукой считается, что это процесс неизбежный — мол, кальций с годами из костей вымывается, суставная жидкость разрушается. С чем-то я соглашусь: да, по мере взросления состав химический внутри человека меняется, более агрессивным становится, на кости действует не лучшим образом. Но в этом виновны два фактора. Первый (мы только что говорили о нем) — информация в обновленных клетках. Если клетка несет в себе информацию о болезни, то, конечно, она разрушать будет не только костную ткань, но и все органы внутренние. Второй фактор — подвижность, активность физическая, которая с годами становится меньше. Речь не идет о больших нагрузках: мы знаем, что артриты-артрозы, ревматизмы-радикулиты всяческие физически активных людей — спортсменов или просто тех, кто по роду деятельности движением занят, — поражают в первую очередь. Чтоб суставы были здоровыми, особая для них активность нужна, шадящая, мягкая. В Спасе Казачьем есть практика одна, специально для костей и суставов предназначенная. Кроме упражнений физических, в нее входят дыхательные и энергетические техники. Времени она занимает мало: полный цикл этих упражнений от силы в пятнадцать минут укладывается. А польза от них громадная: во-первых, суставы разрабатываются и мягко растягиваются, во-вторых, *дыхалка* развивается, в третьих, энергетика стабилизируется и по инь-ян каналам как следует течь начинает. Вот сейчас отдохнула ты, пойдем, я тебе эту практику суставно-дыхательную покажу.

Мы вышли из шалаша (мягкую соломенную лежанку я покидала с большой неохотой). Минут двадцать пришлось энергично притаптывать босыми ногами траву; получилось ровное место размером примерно три на три метра. Мы встали напротив друг друга; обе оделись во что-то вроде короткой туники, ловко сооруженной умелыми руками ворожеи из кусков тонкого полотна. Домна Федоровна медленно показывала мне упражнения, по ходу объясняя, как надо правильно вдыхать и выдыхать вместе с наклонами, поворотами, движениями рук, ног и головы. Всего упражнений было семь, каждое из них я повторила раз по пятьдесят — чтобы тело запомнило порядок движений. К концу занятия у меня кружилась голова, височные жилки разбухли и трепетали как бабочки на стекле.

— Ничего, ничего, не бойся. Сейчас в норму придешь, — успокаивала меня Домна Федоровна. — Это с непривычки такая реакция. Кровь кислородом насытилась и энергии перебор. Ну дак это ж ты в запас берешь, резервы пополняешь. В обычное время каждое упражнение надо делать по десятку раз, больше не требуется. Тут не количеством эффект достигается, а постоянством. Хотя и за один раз много чего происходит. Вот от мигрени, например, ни одно лекарство толком не помогает. А такая гимнастика — запросто. Теперь обедать пошли. Мужички мои специально для тебя особенный обед приготовили.

«Особенный» обед составляло блюдо из свиных ножек, разваренных до такого состояния, что мясо с легкостью отделялось от костей. К нему прилагался крутой бульон и очень острый соус, приготовленный из чеснока, уксуса и жгучего перца. Все это было невероятно вкусно и очень сытно (чтобы наестся до отвала, мне хватило трети одной ножки с небольшим количеством бульона).

— Настоящий кавказский хаш! — похвалился Алексей Петрович. — Один из секретов горского долголетия, между прочим.

— Да? И в чем же заключается этот секрет? — скорее из вежливости, чем из интереса спросила я. (Наелась так, что ни о чем думать вообще не хотелось.)

— Секрет таится в уникальном составе свиных ножек. Это хрящевая ткань, а по научному — хондроитин с глюкозамином, те самые вещества, что входят в состав дорогостоящих средств от артрозов и артритов. Еще они есть в куриных косточках — там, где кости соединяются хрящевыми «набалдашниками». Эти продукты необходимы и обязательны каждому человеку. Если кушать хаш хотя бы раз в неделю, никогда никаких проблем с суставами не будет.

После обеда у Домны Федоровны, как всегда, были пациенты, а я уселась за дневник. Столько информации в один день (а ведь он еще не закончился — вечером предстоят новые практики)! Так что пока, не теряя времени, надо записать все чему научилась, а особенно — комплекс дыхательно-энергетических упражнений для суставов.

[2] Энергетическая гимнастика для оздоровления суставов.

Выполняется стоя босиком на ровной поверхности. Важно: вдох идет через нос, а выдох — через рот. Дышать животом, а не грудью!

[3] Упражнение первое «Сок земли»

Исходное положение: стать прямо, ноги на ширине плеч.

Наклониться вперед, вместе с наклоном вдохнуть через нос. Выдыхая, плавно присесть на корточки, руки, сжатые в кулаки, положить на колени. На вдохе подняться, ладони разжать и прижать к груди в районе подмышек. На выдохе медленно повернуться вправо, вытягивая руки по направлению поворота корпуса, тянуть руки как можно дальше, чтобы получился «перекрут» позвоночника. С новым вдохом вернуться в исходное состояние, руки, обращенные ладонью наружу, прижать ко лбу. На выдохе поворачиваться влево, вновь вытягивая руки в направлении поворота. На вдохе вернуться в первоначальное положение. После выдоха-паузы — новый цикл упражнения. Повторять 10 раз, меняя направления поворотов: каждый первый раз сначала поворачиваться направо, потом налево, каждый второй раз — сначала налево, потом направо.

[3] Упражнение второе «Озеро силы»

Исходное положение: встать прямо, ноги на ширине плеч, руки опущены.

На выдохе резко наклониться вперед. Понемногу вдыхая, развести руками по кругу в стороны, как бы зачерпывая обеими ладонями воды из озера. На том же вдохе медленно подниматься, одновременно поднимая вверх руки, ладони должны быть обращены вверх и сложены так, будто в них находится по горсти воды. Вдох необходимо рассчитать так, чтобы в брюшной полости оставалось место для воздуха, пока руки не дотянутся до максимально возможной точки. На выдохе, опуская руки, совершать движение наподобие того, что совершают мусульмане, символизируя омовение. Омывая лицо, руки к концу упражнения должны быть согнуты в локтях, ладони сложены в кулаки и находятся по обе стороны груди в районе подмышек.

[3] Упражнение третье. «Дыхание моря»

Исходное положение: стать прямо, ноги расставить чуть шире плеч.

На вдохе медленно скользить правой ногой вперед и чуть вправо. Носок правой ноги «смотрит» вперед, левая стопа при этом слегка поворачивается в сторону от тела. Руки вытягивать вперед на уровне солнечного сплетения. Ладони расставлены в стороны и «смотрят» вперед, как бы отгоняя от себя волну. Все делать медленно, с усилием, словно преодолевая сопротивление воды. На выдохе, так же скользя ногой, возвратиться в исходное положение. Ладони повернуть, пальцы расставить, тянуть руки обратно к месту

солнечного сплетения, как бы захватывая невидимую волну. При повторении упражнения поменять ноги. Следить за тем, чтобы угол наклона спины соответствовал наклону ноги, остающейся на месте, чтобы нога и спина составляли единую линию. За счет этого напрягаются и укрепляются спинные мышцы, формируется «мышечный корсет».

[3] Упражнение четвертое «Степная радуга»

Исходное положение: ноги широко расставлены, стопы параллельны друг другу. Левую руку со сжатой в кулак ладонью упереть в бок.

На вдохе правой рукой с поднятой вверх ладонью «описывать радугу» вокруг тела через верх справа налево. Корпус при этом наклоняется в направлении движения руки. Следуя за рукой, максимально наклониться влево. Резко выдыхая, присесть, выгнув спину так, чтобы зад был чуть отставлен. Рука с поднятой вверх ладонью, описав почти полный круг, остается на уровне солнечного сплетения. При повторении поменять руки и направления наклона. Следить за тем, чтобы во время упражнения корпус, голова, руки и ноги находились в одной плоскости.

[3] Упражнение пятое «Путь солнца»

Исходное положение: левая нога — опорная, правая нога заведена за левую, опирается на внешнее ребро стопы. Левая рука опущена вниз и чуть отведена в сторону, правая рука — над головой, согнута в локте. Ладони обеих рук обращены вперед.

На вдохе правую ногу вывести из-за левой, шагнуть вправо; точка опоры переносится на правую ногу, левую ногу завести за правую — «отзеркалить» исходное положение. Руки в это время описывают в воздухе круг, имитируя движение солнца вокруг земли. На выдохе руки отвести в правую сторону. Повторить упражнение, поменяв направление движений.

[3] Упражнение шестое «Полет ястреба»

Исходное положение: левую ногу выставить вперед, носок поднять вверх, опираться на пятку. Правую ногу согнуть в колене, развернуть бедро на 90 градусов, стопа параллельна бедру.

Максимально наклониться к левой ноге, коснуться пятки кончиками пальцев правой руки. Медленно вдыхая, описывать круговое движение вверх правой рукой, следя при этом глазами за движением ладони. На выдохе опустить ладонь к носку левой ноги. При повторении упражнения сменить ногу и руку. Упражнение тренирует мышечный корсет, развивает вестибулярный аппарат и подтягивает косые мышцы.

[3] Упражнение седьмое. «Чаша любви»

Исходное положение: ноги широко расставить так, чтобы стопы были параллельны друг другу, присесть. Спина прямая. Руки находятся на уровне солнечного сплетения, ладони сложены так, будто держат большую драгоценную чашу с целебным напитком.

Медленно вдыхая, осторожно протягивать «чашу» вперед и вверх, поднять ее выше головы и на выдохе как бы опрокинуть чашу себе на голову. Руки опустить в исходное положение, совершая движение омовения.

[1] Глава 9

[1] Купальский вечер

Едва спала жара, мы вновь ушли из дома. На этот раз наш путь лежал через станицу к реке. Пройдя по берегу около километра, мы оказались у небольшой, свободной от камышей, заводи с белым песочком и прозрачной, почти синей, водой.

— Здесь много ключей, — пояснила знахарка. — Так что резко в воду не заходи: холоднющая, может ноги свести.

Я разделась, попробовала воду ногами. Как ни странно, она была в самом деле прохладной, несмотря на то, что воздух прогрелся почти до сорока градусов. Не послушав предупреждения Домны Федоровны, я разбежалась и плюхнулась в воду, быстро-быстро работая руками и ногами, чтобы не замерзнуть в первый момент. Меня время от времени обжигали ледяные потоки ключей, это очень возбуждало и веселило.

Знахарка подплыла ко мне:

— Я на тот берег. А ты здесь покупайся, за мной не надо.

Чтобы переплыть широченный Маныч туда и обратно, ворожее понадобилось чуть больше двадцати минут. Плавала она легко и стремительно, как касатка.

Мы выбрались на берег и уселись на мягкий песок в тени раскидистого дуба.

— Дед мой говорил: основа жизни — вода, тепло и *дыхалка*. — продолжала свои наставления ворожея.

— Второй раз слышу это слово, «дыхалка», а что обозначает оно?

— Так у нас называют совокупность органов, что в процессе дыхания участвуют. Нос, рот, легкие, а прежде всего — диафрагма подреберная. Я вот тебя давеча ругала, что дышишь неправильно, грудью вдыхаешь. И многие так, в особенности женщины. От дыхания неправильного и начинаются проблемы всякие: мигрени, быстрая утомляемость, синдромы женские периодические. А дышать надо животом, диафрагмой то есть. Дыхание глубокое должно быть и полное.

— А я вот читала, глубокое дыхание вредно для организма. Вроде бы это активизирует в крови окислительные процессы, и рак развивается.

Знахарка всплеснула руками, в сердцах стукнула по земле:

— Вот один дурак со степенью напишет глупость, а все остальные и повторяют, не думавши. Процессы окислительные и так в организме происходят, не будь их, мы бы жить не смогли! Эта байка такая же ложная, как и про вред холестерина в пище.

— А что холестерин, разве от него вреда нет? Зачем же тогда на продуктах содержание холестерина пишут специально для тех, кто за диетой следит. А вся Европа так вообще живет — продукты без холестерина потребляет, бляшек сосудистых боится...

— А ну как вся Европа завтра начнет помет собачий кушать, ты тоже повторять станешь? Впрочем, их продукты и так недалеко от этого ушли... Дыхание глубокое организму необходимо для того, во-первых, чтобы легкие полностью, от верхнего края до нижнего, воздухом наполнялись. Только при этих условиях каждая клеточка в теле свою порцию кислорода получит. А во-вторых, диафрагма должна с каждым вдохом работать как следует, потому что диафрагма у нас — второе сердце, от нее правильное кровообращение зависит. Дышать правильно детишек надо с детства приучать. При дыхании диафрагмальном кровь не застаивается, проблем не бывает с венами и сосудами, круги да мешки под глазами не образуются. Только диафрагмой дышать — не просто воздух в живот накачивать, я тебе утром это тоже говорила. Встань-ка, прислонись спиной к дереву.

Я повиновалась.

— Сложи руки на животе, левую вниз, правую вверх. Вот так... Вдыхай медленно животом.

Я вдохнула. Живот раздулся бесформенным мешком от паховой области до груди. Выдохнула — и мешок опал.

— Теперь коротко, резко вдохни вглубь живота, как бы вытолкни вздохом руки.

Я проделала это. Руки дернулись вперед, под ними ощущалась плотная мышечная ткань.

— Чувствуешь разницу? Первый раз ты абы куда вдыхала, живот раздулся, а воздуху захватила мало. Во второй раз вдох получился полным, диафрагма заработала, дыхалка появилась. С первого раза ты дышать правильно не научишься, надо все время следить за вдохом, а в свободную минутку так вот у стенок дышать. Чтобы дыхалка крепкой была, нужно пресс качать, а еще — петь.

— Петь?!

— Ну да, петь. Ты вот песни наши донские слышала?

— Слышала, да. Очень красивые песни ваши...

— Так вот песни наши это тоже часть Спаса Казачьего. Оттого они такие звонкие и длинные, вперед по степи летящие, что дыхалка у казаков правильно работает. Раньше знаешь, как казаки дыхалку разрабатывали? Становились в степи и кричали во все легкие... далеко разносилось! Я еще помню, с отцом в поля на лошадях едем, он встанет, и как гайкнет! А где-то вдаль стая галок в небо поднимется, звуковой волной напуганная.

Знахарка поднялась.

— Давай-ка теперь вместе на ту сторону сплаваем. Ты за дыхалкой следи и вдыхай так, как только что дышала.

Туда и обратно мы сплавали за час. Я пыталась дышать диафрагмой, вода мягко сопротивлялась, я следила за правильностью дыхания и даже не заметила, как мы достигли сначала того берега, потом этого. Выйдя из воды, почувствовала, как горят от напряжения брюшные мышцы, но усталости не было ни малейшей: манычская вода, смешанная с чистыми ключами, удивительно бодрит и освежает.

— Мне жаль вас, городских, вы воду видите редко.

Слова знахарки мне показались странными и неуместными.

— Ну, уж не так и редко, Домна Федоровна. В городе водопровод есть, ванна, душ.

— Есть-то есть, да пользуетесь вы ими не по уму. К тому же, водопровод это одно, а природная вода — совсем другое. Вот ничего не надо знать человеку — ни про ритмы природные, ни про энергетику внутреннюю, ни даже про дыхание правильное, — только возможность иметь купаться в речке, озере или море каждый день все теплое время года. Тогда хворей вообще никаких не будет, старость отступит... И дыхание само по себе наладится, и тело в ритме с природой жить начнет. Но это мечтательство, конечно. Даже здесь живем, и то в кои-то веки на речку выбираемся. А вода — это ведь настоящее чудо, просто все к нему так привыкли, что не замечают. Я тебе скажу, для высвобождения энергии внутренней вода — первое дело. Купания, обливания — холодные и горячие, ванночки, баня парная... если знать, как этим делом пользоваться, можно здоровье поправить, сил набраться, молодость продлить. Сейчас еще заплыв, и домой, а вечером, вместо ужина, я тебе еще одну практику покажу, как при помощи воды энергоресурсы свои открывать, вот и хватит на сегодня. Ты, я чувую, и так нынче силы набралась — на десятерых хватит.

Перед самым закатом мы с Домной Федоровной вышли в сад. Она велела мне раздеться догола, сама смочила в холодной колодезной воде широкий кусок полотна, отжала его и запеленала меня наподобие мумии. Затем обернула вокруг меня несколько слоев грубой холстины, а сверху накинула длинный овчинный тулуп. Все это время она приговаривала:

— Господи, благослови, спереди крест, сзади крест, по праву сторону крест, над головой сам Иисус Христос.

Легко, будто столбик, ворожея повалила меня на траву и в таком виде я лежала с час, не имея возможности пошевелиться, ведь руки были спеленаты. Сначала мне было холодно и противно, затем я потихоньку согрелась. Тело стало пульсировать и нагреваться, полотно высохло, и тут я начала гореть. Жар вырывался из меня волнами, но все равно как бы оставался во мне — многослойность моего «наряда» не давала ему вырваться наружу. Энергия исходила из меня — я это чувствовала, и во мне же копилась — где-то в районе крестца. Знахарка пришла за мной, когда село солнце. К этому времени энергия, собравшаяся в нижней части тела, стала настолько плотной и жгучей, что казалось, будто во мне закипает кровь. Я всерьез обеспокоилась, не вреден ли такой «перегрев». Ощущения не прекратились и после того, как Домна Федоровна размотала меня. Она спросила меня о самочувствии; выслушав ответ, успокоила:

— Не бойся, жар скоро схлынет. Это в тебе открылись центры витальной энергии. У тебя много ее, так что ночь не поспишь. Ну да ничего, это не беда. Жизнь длинная, успеешь еще выспаться.

[дневник]

Дашин дневник. Ночь с 22 на 23 июня.

Весь дом уснул, а мне опять не спится. Внутри меня словно горит, пульсирует и перекачивается огромный огненный шар. Тело наполнено кипучей энергией, кажется, я могла бы сейчас без конца мчаться по степи, или плыть, или танцевать, или делать какую-нибудь тяжелую работу. Может, после суток бодрствования, я и уснула бы, но последняя практика, кажется, в буквальном смысле открыла мне второе дыхание. Прошедшее утро началось со своеобразного энергетического массажа всей поверхности кожи — катания по росной траве. В домашних условиях это делается так: постелить на пол широкую грубую циновку, раздеться. Лечь на циновку, вытянув руки вверх и перекачиваться из стороны в сторону не менее ста раз. После упражнения, приняв душ, очень хорошо втирать в тело кремы и бальзамы.

Развитие «дыхалки». Встать, прислонясь спиной к стене, выпрямиться. Положить руки на пупок (левая внизу). Энергично вдохнуть носом в живот, так, чтобы почувствовать сопротивление рук. Выдыхать медленно ртом на свистящем звуке («с-с-с» или «ш-ш-ш»). Повторять не менее 50 раз. В остальное время следить, чтобы дыхание осуществлялось животом, а не грудью.

«Отмыкание энергии». При выполнении этого ритуала лучше всего, если кто-то будет помогать. Смочить в холодной воде простыню, хорошо отжать, обернуть вокруг всего тела, сверху обернуть сухим полотном и шерстяным одеялом. Оборачивая, приговаривать: «Господи, благослови, спереди крест, сзади крест, по праву сторону крест, над головой сам Иисус Христос». Лежать в таком виде час. Не рекомендуется делать на ночь.

[конец дневника]

[проповедь]

Сосуд божества

Создал Господь Адама и сказал: «Се творенье Мое, и, как я совершенен, Творенье мое совершенно. Но природу божественную свою человек осознает не сразу: чтобы Мне стать подобным, он должен тело свое изучить и любовью наполнить».

Создатель дал нам тело — манускрипт божественный, в коем вписано множество тайн бытия. Тайна первая — воплощение. Господь, воплотясь из Духа в Материю, соединил с собой мир тварный, им же созданный. Все живое, живя, славит Господа жизнью своей и дыханием.

И ты, человек, славись Создателя своего, даже если сам не ведаешь о том. Жизнь духа твоего, жизнь души твоей немыслима без тела твоего. Ты рожден, ты радуешься солнечному лучу и улыбке матери своей, и радость светлая нового бытия ощущается всеми клетками тела твоего. И любовь материнская к тебе — молоко из груди ее, нектар божественный: в нем перемешана пища для тела твоего с пищей духовной — любовью, теплом, светом и щедростью Господней. Ты растешь, растет тело твое, а с ним вместе — душа и ум твой. Детский ум твой пытлив, а душа любопытна — и тело дает тебе силы к познанию Мира. Юный ум твой мечтателен — тело дает тебе крылья и радость полета. В молодости душа твоя тянется к родственной душе, и тело дает насладиться единством с душою любимой. Зрелое тело твое — чудотворец: рождает оно новую жизнь, новый Мир, новый Космос. Старое тело твое — отдых души и величие ума: мудрость дает и спокойствие, и любовь к созерцанию мира Божьего, мира Материи, где живет сам Господь.

Тело наше — сосуд Божества, в коем горит, не сгорая, Душа — Бога дочь, и сестра, и Невеста. Люби свое тело, наполни его светом радости, лаской ухода, дай работу ему, чтобы гибким было оно, чтобы клетка любая любима была и значима! Вот тогда, ощущая и чувствуя, что оно — не вместилище греха, но обитель Бога, тело твое с благодарностью откликнется на самое малое попечение о нем и даст тебе силы для полета, свершений, любви! И откатится старость, и растворятся болезни и самая Смерть отойдет от Вертепа, где новый Христос родился в материи тела!

[конец проповеди]

[1] Глава 10

[1] Тайна «проклятого» кургана

Мой отчет по злосчастному кургану, отправленный в Институт электронной почтой, был признан перспективным, и в конце июня я уехала в Питер. В неделю (рекордные сроки!) мне было поручено сформировать экспедиционную группу из шести студентов археологического и исторического факультетов, и вновь вернуться на Дон, уже в качестве руководителя полевых исследований.

Поезд прибыл в Ростов в пять утра. Автостанция находилась в двух шагах от вокзала, однако ждать автобуса нам пришлось бы еще часа четыре. Пересчитывая на перроне, словно дошколят, студентов, я услышала знакомый голос:

— Дарья! Ну что ж ты не сообщила номер вагона!

Сияя загорелым лицом, ко мне подошел Федор. Я растрогалась до слез: мы знакомы с семейством Калитвиных чуть больше месяца, а меня уже встречают, как родную... Подхватив рюкзаки, мы отправились на стоянку и, словно шпроты в банке, набились в нарядную, сиреневого цвета, «Газель».

Сердечный прием, который оказала нам знахарка, сытный домашний завтрак, общая гостеприимная и уважительная атмосфера сделали свое дело: мой рейтинг среди студентов мгновенно взлетел до небес. Ни о каких палатках в степи на месте раскопок, Калитвины и слушать не захотели. Меня и двух девчонок поселили в дом-лечебницу, а парням отдали просторную времянку на пасеке у Алексея Петровича. Радости

молодежи не было конца: они, напуганные рассказами бывалых товарищей о трудностях полевого быта, уже готовились к жаре, грязи и недостатку воды. А тут есть все условия, да еще и свежий мед в придачу!

Пока студенты мылись и отдыхали с дороги, мы с Домной Федоровной сидели в ее кабинете и долго-долго говорили, будто не виделись, по меньшей мере, год. Вдруг ее лицо сделалось серьезным:

— Я тебе, Дарья, кое-что сказать хочу. Завтра вы на курган отправитесь, а место это непростое. У нас тут много про него рассказов ходит, в основном небылицы всякие, да только не все в них вымысел, кое-что и вправду было.

— И что же не так с этим курганом? Я ведь его осмотрела: захоронение как захоронение, древнее и не совсем разоренное. Собственно, в этом я и нахожу единственную странность — обычно черные следопыты все подчистую выкапывают... А тут едва разрыли, и бросили, как будто из спугнуло что-то.

— Я тебе скажу, что их спугнуло. Года два назад приезжали сюда четверо на джипах. Техника у них была — не чета вашей: и металлоискатели, и мини-бурилки, и даже взрывчатка.

— Вот почему там воронка... Но, Домна Федоровна, погодите. Как же это может быть, ведь несанкционированные раскопки под статью подпадают, неужели те деятели в открытую рыли и взрывали?

— Нет, днем они из себя туристов изображали, лагерь тут разбили, на Маныче. А ночью — в степь, на курган. Машины кругом поставят, прожектора зажгут, и копать. А пацаны-то у нас, сама знаешь, какие любопытные, приметили, проследили. Через день вся станица уже знала, чем эти «туристы» тут занимаются. Да только недолго пришлось им курган разорять.

— Милиция добралась?

— Нет, доня, эти с милицией договорились бы.

— Тогда в чем же дело?

— А в том, что через три дня ровно как они курган разрывать начали, умер человек у них. А сутки спустя еще один, в районной больнице.

— Да ну! И отчего же умерли они?

— Картина такая же, как была у тебя — тошнота, температура, галлюцинации. Может, и вытащили бы их, да не вовремя спохватились. Они ведь травкой баловались, и когда тех двоих мутить начало, решили, что от передозировки. А как один откинулся, второго сразу в больницу, только было уже поздно. Ну, они с такими делами быстренько свернулись, и больше на том кургане никто до тебя не появлялся.

— Вы говорили, у меня кишечная палочка была. У тех двоих тоже?

— Те двое целый букет подцепили: и палочку, и стафилококк, и столбняк. А может, и другое что, которое ни анализы, ни вскрытие показать не могут.

— И что же это? Неужто, на самом деле проклятие?

Домна помолчала.

— Все может быть. Как ты думаешь, почему коренное население курганы не трогает?

— Ну, не знаю, некогда им, может быть?

— Это вам, городским, бывает некогда. А здешним для всего время найдется, была бы нужда. Дело не в том. От дедов еще наших про этот курган поверье одно ходит. Тому семьсот с лишним лет проходили тут войска Батыевы из Орды на Запад. Были они в Польше, в Венгрии, разорили там города большие, разграбили храмы католические, вывезли утварь золотую, оклады книжные, драгоценными камнями разукрашенные. С этой добычей возвращался Батый через Дикое поле. Дело к зиме шло, войско от похода усталое, а тут степняки, как коршуны выются, на чужую добычу зарятся. Тяжко стало ордынцам всю дорогу оборонять награбленное. И тогда Батый велел глубокие ямы выкопать, а в них зажечь костры огромные.

Достали монголы золотые изделия, камни вынули, золото в слитки переплавили. Раздал Батый каждому его долю, а свою часть добычи схоронил в семь курганов донских. Чтоб чужая рука клада не коснулась, принес он кровавую жертву и заклил золото страшным заклятием. Поверх каждого схрона два воина убитых вместе с лошадьми закопал. А еще бают — заклятие он наложил такое, что золото курганное только на кровь его отзовется, дастся в руки лишь потомкам Батыевым. Все ж посторонние, кто жальник рыть будет и клады искать, скорой смертью умрут

— И вы в это верите?

— Верить, донюшка, или не верить, это дело личное. А вот могилу разорять, мертвых тревожить — грех это, не по-божески.

— Ну, в таком случае, вся археология это сплошной грех. Только, Домна Федоровна, вы же медик, и сама знаете: если бы трупы не вскрывали, откуда узнали бы, как человек устроен? Ведь вскрытие производить, значит, мертвого еще как тревожить! Наука вещь жестокая и в чем-то беспринципная. Мне кажется, когда речь идет о познании, разговоры о морали не совсем уместны. В конце концов, живым-то мы, археологи, вреда не приносим, а медицина, например, приносит, и еще как — чего только опыты на свинках, кроликах и прочей живности стоят...

— Вроде бы правильно мыслишь, Дарья, да не совсем. Мир познавать — дело благое, только в том ты ошибаешься, что ученому о морали помнить не след. Нравственный закон, Божьи заповеди всегда надлежит соблюдать. Те гробокопатели ведь не только мирской закон нарушили, они наперекор устройства Божьего пошли. Вот и поплатились.

— Допустим, так. Но ведь сколько археологов живут и здравствуют, несмотря на то, что не один десяток могил в своей жизни разорили.

— А сколько умерло их, ты считала?

Ответить мне было нечего: Домна Федоровна говорила правду. От неизвестных болезней, которыми заражались во время раскопок, погибала примерно четверть исследователей. Тайный страх живет в душе каждого из тех, кто занимается этим делом, отсюда в среде археологов столько суеверий.

— Домна Федоровна, а как же нам предохраниться от заклятья?

— Вот затем я с тобой побеседовать и хотела. Во-первых, пить на раскопках надо не воду, а отвар, что я буду готовить вам каждый день. Во-вторых, никто не должен оставаться в степи после заката. В-третьих, каждый мне сейчас даст одежду, в которой собирается работать. И еще, завтра в степь вместе пойдем, разрешения у мертвых спрашивать. Духи знать должны, что вы пришли к ним не за личной выгодой.

Я собрала у ребят «спецодежду»: штаны, футболки и майки, и отдала их знахарке. Она сложила их большой стопкой на столе перед иконами, зажгла по четырем углам стола свечи, наклонилась над одеждой, закрыла глаза и неслышно, одними губами, стала шептать. Что-то происходило в пространстве: свечи трещали, словно дрова в печи и очень быстро сгорали. На место сожженной свечи я должна была ставить новую. За все время, пока Домна Федоровна шептала, сгорели двенадцать свечей, каждая длиной в ладонь. Меж тем весь ритуал продолжался не более получаса. Знахарка перестала шептать, отошла от стола и в изнеможении села на лавку.

— Что с вами, Домна Федоровна? Вид у вас такой, будто вы вагоны разгружали...

— Дюжа тяжело мне, доня. Курган не всех вас к себе подпустит. Ты с ребятами иди смело, а вот девчатам твоим к жальнику и приближаться нельзя.

— Это почему же?

— Жальник из трех могил состоит. Первая, старше всех — то, что ищете вы. Вторая, над ней — человек богатый лежит, с ним две его жены и слуга похоронены. Много украшений на них, лица синей и красной краской разрисованы. Эти украшения взять вам тоже можно. А поверх богача скрыто золото проклятое. Вы не найдете его. Золото охраняют два воина, лежат они друг на друге крест-накрест, а по сторонам кони положены, на части разрезанные. Из-за этих-то воинов и нельзя девушкам вашим туда спускаться. И вообще, лучше рядом не ходить.

— Я не понимаю...

— Воины те ордынские совсем молодыми умерли. И были они холостые к тому же — видать, до похода жениться не успели. У монголов ведь как: муж умирает, жена за ним в могилу идет. Духам их до сих пор нет покоя, ищут они себе жен. У тебя муж есть, а девчата не замужем... Не пускай их на курган, а то быть беде. Сила там большая, вряд ли я с ней совладаю.

— Домна Федоровна, как же я запретить им могу? У них же сейчас учебная практика!

— Ты, доня, только решить должна — пускаешь их туда или нет. А там уж Спас тебе поможет все как надо устроить.

Остаток дня я провела в раздумьях. Как объяснить девочкам, почему им нельзя идти к кургану? Юные, только окончившие первый курс, почти что дети... Я наблюдала, как они с радостным волнением смотрели в сторону дороги, вдыхали горькие степные запахи, осторожно трогали начинающие чернеть виноградные гроздья, боролись с искушением сорвать в хозяйском саду незрелый, розовый с одного боку персик. Удивление, предвкушение, ожидание чуда, а для двоих это чудо может обернуться гибелью. Взять на себя ответственность и объявить услышанное от знахарки суеверием, мракобесием... а ну как окажется правдой, что тогда? Или властью руководителя разрушить чудо, превратив поездку в сплошное разочарование? Честно говоря, я не знала, на что решиться.

Сразу после ужина я отправила группу спать, а сама вышла в сад. Усевшись под вишней прямо на землю, расслабилась и стала слушать белый шум. Сосредоточиться было трудно, мысли осаждали голову, тело после полутора суток в поезде слегка покачивало. До боли в висках я вслушивалась в окружающие звуки, их было мало, совсем не за что ухватиться. Цикады, шелест ветра в ночных листьях... все. Два звуковых ощущения, две точки пространства, они дробились и множились, распадаясь на мельчайшие частицы. Я нырнула вглубь сознания и пошла сквозь эти частицы внутрь темного, задымленного коридора с высоким куполом. Где-то вдали маячил белый светлячок, я летела за ним, и вот, наконец, он превратился в кокон белого света. Я вошла внутрь. Внезапно ночь развернулась передо мной бескрайней степью и бесконечным небом; в нем высоко и пронзительно пели звезды. Я сузила фокус сознания, приблизила землю и увидела Калитвинский хутор. В доме хозяев свет уже погасили, но знахарка еще не спит, творит молитву на сон грядущий. Темно и в пасечной времянке, время от времени там раздаются взрывы хохота: парням никак не угомониться. В доме-лечебнице горит окно; лежа на кроватях, девчонки вполголоса делятся какими-то своими секретами. Я взглядела в их лица и — молниеносным броском унеслась в степь, где черным глазом полузаросшей воронки уставился в небо древний курган. Я зависла над глазом; воронка стала оживать, расширяться, расти вглубь; курган открылся, и на меня посмотрело нечто... Я резко открыла глаза и тут же больно треснулась головой о ствол вишни — меня отбросило назад с такой силой, будто отпустили натянутую до предела тетиву. Спать пришлось на боку — на затылке налилась шишка. Впрочем, боль не волновала меня, главное — решение было принято.

[1] Путь Спаса

В семь утра мы должны были отправиться к кургану. Чтобы успеть позавтракать и собраться, я завела будильник на пять тридцать. Однако встать пришлось гораздо раньше: около четырех меня разбудила целительница. По ее виду я поняла: что-то случилось. Накинув халат, я выскочила на крытую часть веранды, где спали девчонки. Яркий свет ударил по глазам, и в ту же секунду мне открылась ужасная картина. Обе девицы валялись на постелях без сознания, лица их распухли и были покрыты багровыми пятнами. В первый момент мне показалось, что они мертвы; от этой мысли меня прошиб холодный пот, сердце ухнуло в бездну. Потом я заметила, что они все-таки дышат, хотя и с большим трудом.

— Что с ними? — спросила я целительницу. Во рту пересохло, язык еле ворочался, словно ватный.

— Амброзия цветет. Типичная реакция северян, — объяснила она. — Не волнуйся. Скорая едет. Я уже вколола им хлористый кальций, так что отека легких быть не должно.

Спокойный голос знахарки привел меня в чувство.

— И что мне теперь делать?

— Что тебе надо, то и делай. В больницу с ними Федор съездит. А ты работай и ни о чем плохом не думай. С девчатами твоими все хорошо будет.

«Скорая» приехала довольно быстро. Обеих девушек, уже пришедших в сознание, уложили на носилки, кое-как разместили в салоне допотопного «Узика». Возле них на деревянной скамеечке примостился Федор; машина развернулась, и, подняв песчаную поземку, унеслась в степь. До всеобщего подъема оставалось полчаса (парней я решила не будить раньше времени).

Домна Федоровна согрела чай. За столом я спросила ее, есть ли связь между принятым мной решением и тем, что девчонки теперь уже точно не смогут заниматься раскопками.

— Между тем, что происходит внутри тебя и тем, что случается снаружи, всегда есть связь. Даже если тебе кажется, что ее нет. Я ж тебе говорила, Спас все устроит.

— Домна Федоровна, после того, как вы мне рассказали, что знание ваше ко мне должно перейти, я все время думаю, что мне с ним делать? Вот вы — лечите. А мне Спас для чего нужен?

— Казачий Спас, доня, у каждого свой. Для тебя Спас это Путь.

— Путь в смысле, некая миссия, жизненное предназначение?

— Ну уж сразу и миссия, — знахарка улынулась тепло и иронично. — Путь это Путь, вот и все.

— Но что это такое — Путь? Дело, которому я должна посвятить жизнь? Исследовать его? Что я с ним делать буду? А если не буду делать, то что?

— А что можно делать с дорогой? С обычной дорогой, неважно, асфальтированной или проселочной? — начиная сердиться, спросила, в свою очередь, ворожея. И сама же ответила:

— Ездить, ходить, путешествовать, направляться из пункта А в пункт Б, наконец. Ну, если хочешь, можно, конечно, и «исследовать», но зачем тебе исследовать состав асфальта, кривизну изгиба или угол наклона дороги? Зачем тебе это, если все уже до тебя исследовано и проложено? Просто есть путь, и у тебя только одна задача — решить, пойдешь ли ты по нему, или нет.

— А если не пойду, тогда что?

— Тогда ты пойдешь по другому пути, но будет ли тот, другой путь твоим, вот в чем вопрос.

— Как же мне узнать, какой путь — мой?

— Да очень просто. Когда ты на своем Пути, жизнь твоя течет мудро и упорядоченно. Все случается само собой и так, как тебе надо: все, что ни делается, все к лучшему.

— То есть, девчонки ни с того ни с сего стали страдать аллергией именно потому что им нельзя было идти к кургану, и я решила, что они не пойдут? Мне не пришлось ничего делать, разговаривать, убеждать, приказывать... Все случилось как будто извне... Я, кажется, поняла! Путь — это выбор, да? Когда выбираешь правильно, все остальное он делает за тебя?

В ответ знахарка только приподняла кончики рта.

Пожелтевший курган встретил нас розоватым рассветным сиянием. Воронка была почти скрыта в зарослях амброзии. Парням я велела разбирать рюкзаки чуть поодаль и ждать, пока я не позову. Мы с ворожеей пошли к подножью кургана. Она опустилась на колени, наклонилась вперед и вцепилась ладонями в сухую землю. Кажется, она что-то шептала, но ни звука не было слышно. Видеть ее лицо я не могла: оно было спрятано под бахромой платка. Так продолжалось довольно долго, пока солнце не уперлось мне между лопаток. Спину охватило горячее тепло, я тут же взмокла. «Днем будет пекло еще то», подумала я.

Тут знахарка оторвала руки от земли, поднялась и повернулась ко мне. С ее смуглого лица ушел румянец, его сменил какой-то болезненный землистый цвет. Я испугалась:

— Домна Федоровна, с вами все в порядке?

Она не ответила, только махнула рукой ребятам, чтобы подходили.

Три оставшиеся июльские недели пронеслись как один день. Солнце, казалось, в этом году било все возможные рекорды. Погода стояла сухая и нестерпимо жаркая; каждый день столбик термометра поднимался выше 50 °С. Днем мы прятались в прохладных хатах или ходили купаться на реку, на то самое место, где мы с Домной Федоровной переплывали Маныч. (Во всех остальных местах река почти кипела, и лишь здесь теплую, словно каша, воду, ниточками свежести разбавляли прохладные ключи.) Копать мы могли только утром, с рассвета до полудня, и пару часов вечером, пока солнце не коснулось краем горизонта.

Предвидение знахарки оправдалось: могильник и в самом деле оказался трехслойным. Мы успели добраться только до сложенных крест-накрест мужских костей с фрагментами боевого облачения (их мы, по понятным причинам, трогать не стали). Взрыв, произведенный черными следопытами, добрался до самого раннего захоронения, перемешал слои, и более древние артефакты мы находили порой на самом верху. По четырем сторонам света, как и было сказано, лежали конские кости; примечательно, что черепами были отмечены Восток и Запад. Это говорило о том, что монголы основными направлениями движения считали именно их, а не Север и Юг, как принято у нас, европейцев.

Раскопки велись без приключений и тревог. Студенты были вполне довольны экспедицией. За исключением, конечно же, девчонок, которым пришлось жить в станице, почти все время находясь в полусонном состоянии. (Чтобы купировать приступы аллергии, они принимали в огромных дозах антигистамины). Впрочем, занятие нашлось и для них: я поручила девочкам вести документацию. Таким образом, свободного времени у меня было довольно много. Пережидая дневную жару, мы уединялись с целительницей в летней кухне или в ее кабинете; обучение продолжалось. Из-за раскопок у меня не было возможности выполнять утренние и вечерние техники — «родничок», «пульс пространства» и «белый шум». Поэтому я старалась восполнить практические пробелы теоретическими знаниями. Я закидывала знахарку вопросами, более всего меня интересовало, что же такое Путь. Целительница отвечала с показной строгостью, но я быстро поняла: на самом деле она не сердится на меня за эти вопросы.

— Ты, Дашутка, одно усвой: умом не все на свете понять можно. Путь надо почувствовать, а понимание придет само. Истинное понимание Пути бессловесно. Путь — дорога любви и добра. Ты просто следуешь Ему, и все.

— Вот чтобы почувствовать, я вас и спрашиваю.

— Это потому что ты привыкла всю жизнь мозгами шевелить. И это хорошо, это правильно: ум человеку для того и даден, чтобы все вокруг исследовать, лучшие условия для жизни искать. Но есть моменты, когда ум свой остановить надо, не применять привычную логику там, где действуют иные законы.

— Законы Пути — иные?

— В Пути нет законов. Он сам и жизнь, и закон. Это поток, войдя в который, ты уже можешь более ничем не утруждаться. Все будет происходить само собой. Ты ведь увидела это давеча, когда у девчат хворь приключилась! Что ж тебе еще надо?

— Да, но ведь я могла выбрать и другой вариант! Например, решить, что девочки примут участие в раскопках. Что тогда?

— Тогда ты совершила бы величайшую глупость, за которую пришлось бы расплачиваться всем.

— Но ведь у меня был выбор! А как же Путь, который должен сам устраивать все как надо?

— Выбор есть всегда. Просто, когда ты на Пути, ты все равно будешь принимать правильные решения.

— А если нет?

— Если нет, то последствия будут такими, что ты поймешь раз и навсегда: Путь не прощает ошибок.

— Ничего себе, дорога любви и света... Он у вас получается слишком жесток, этот Путь, если не прощает ошибок. И вообще, я нахожу его действие довольно-таки однобоким: да, я проблему решила, но девчата оказались в больнице, и вообще из-за этой аллергия поездка для них испорчена.

— Путь сам по себе ни жесток, ни жалостлив. Просто, когда человек ступает на него, его внутренняя природа очищается, и любая гнусность, любое неверное решение возвращается тут же. Оно и так возвращается, только иногда спустя годы, потому люди и не связывают свои нынешние проблемы с прежними ошибками. Ведь подлость, жадность, жестокость, глупость и прочие пороки человеческие происходят от ошибочного понимания мира. Что же до девчат, то их жалеть не стоит. По-твоему, было бы лучше, если бы они пошли таки на курган, а потом умерли? А что захворали, так это как раз показывает: археология — не их путь. Мир гармоничен и благ, в нем множество Путей, среди которых каждый человек при желании может найти свой.

— У меня Путь — Казачий Спас?

— Вот именно. Только не ты его нашла, а он тебя выбрал. Но это, поверь мне, доня, без разницы, каким образом ты обрела его. Кому-то для поисков требуются годы, кто-то с рождения идет по нему. А кто-то живет всю жизнь без Пути.

— И таких людей называют беспутными?

— Ну, беспутными чаще называют людей, которые не желают жить по общепринятым нормам. Но это вовсе не значит, что они не следуют Пути. Большинство тех, кто нормы соблюдают, и есть беспутные люди. Жизнь их пуста и бесполезна, даже если они занимают высокие должности и выполняют важную для общества работу. Часто это сильные и весьма неглупые люди, и все же, не готовые к истинному Пути, в жизни они находятся всего лишь на распутье.

— А как может человек, не имея Пути, добиваться в жизни каких-то благ, достигать своих целей? Я не имею в виду богатство, оно ведь почти всегда нажито несправедливо...

— Путь совсем не означает того, что, следуя ему ты непременно достигнешь цели, а не следуя, не достигнешь. Если твоя цель нужна тебе, Путь приведет тебя к ней безо всяких усилий, и только в то время,

когда ты действительно сможешь ею воспользоваться. Человек вне Пути тоже вполне может достигать любых целей, только потратит он на это во много раз больше сил и времени. Вот представь себе какое-то место на реке — станицу там, или городок, а по обе стороны от него рыбачьи пристани на некотором отдалении. От каждой пристани до городка расстояние одинаковое, и если от них отплывет по лодке, какая быстрее городка достигнет?

— Прямо задача из школьного учебника. При равных силах гребцов или одинаковой мощности моторов... не знаю, наверное, в одно время они и приплывут в городок.

— А вот и нет! Быстрее прибудет тот, кто плывет по течению!

— Да, об этом я не подумала...

— Течение — это и есть Путь. Когда ты на Пути, все твои цели находятся по течению. И уж будь уверена: ни одна из них мимо тебя не пройдет.

— А как человек может найти свой Путь?

— По-разному. В первую голову надо иметь стремление найти свой Путь. Но даже и у тех, у кого есть это стремление, на поиски порой уходят годы.

Целительница задумалась.

— Беда в том, что у большинства людей нет стремления к Пути.

— А от чего зависит это стремление?

— От того, какой человек. Путь у каждого свой, и стремятся к Пути люди по разным причинам. У кого-то оно идет от ума, как у тебя. Кого-то душой тянет. А у кого-то сил жизненных в избытке, а направить некуда. Но главное, я повторяю, это стремление к Пути. Если нет стремления, умный станет циничным и холодным, душевный — глупым и беспомощным, сильный — жестоким и злым.

— Допустим, у человека есть стремление. Что ему надо делать, чтобы определить, в чем его Путь?

— Надо быть внимательным к себе и к пространству. Замечать знамения неба, видеть знаки земли. И верно их толковать.

Мысль о Пути не давала мне покоя ни днем, ни ночью. Однажды я увидела его во сне. В сумерках я шла по земле, охваченная огромным световым столбом, уходящим высоко в небо. Я шла босиком, земля впереди меня была покрыта глубоким слоем топкой грязи, будто сельский тракт по весне. Где-то впереди меня показалась запряженная лошастью телега, ее колеса увязли в грязи почти полностью; двое людей пытались вытащить телегу, подкладывали под колеса спицы, стелили какое-то сено... «Сейчас и я увязну» — думалось мне, но я продолжала идти не чувствуя никакого сопротивления. Вот телега поравнялась со мной и осталась далеко позади, а я шла на закат, догоняя заходившее солнце. Мне стало любопытно, отчего я не тону в грязи, посмотрела под ноги и подивилась: грязь под моими ногами высыхала, твердела и покрывалась травой...

Я рассказала о своем сне ворожее. Она выслушала меня очень внимательно и даже заставила повторить рассказ, время от времени задавая уточняющие вопросы: были ли люди, толкающие телегу, женщинами или мужчинами, молодая ли была трава, выраставшая у меня под ногами, в какое время года все происходило. Мне эти детали были совершенно не важны, главное, казалось мне — я видела Путь! Но знахарка остудила мой пыл, сказав, что образ Пути совсем не является определяющим, а вот пространство, в котором происходило движение, подробности места и времени говорят о многом.

— То, что ты шла на закат, по пути солнца, это хороший знак. Конечно, было бы лучше, если бы было утро и солнце находилось у тебя за спиной, или стоял день и солнце двигалось бы вместе с тобой. Ну

что ж, в конце концов, ты его почти догнала. А распутица весенняя — предзнаменование не слишком благоприятное.

— Почему, Домна Федоровна? Но ведь грязь-то прорастала травой, значит, все хорошо должно быть?

— Весна — начало года, а солнце на твоём Пути уже катится к закату. Трава у тебя вырастет, но успеешь ли ты к цветению деревьев, к созреванию плодов?

— Что значат ваши слова?

— Каждый, кто идет по Пути, рано или поздно приходит к состоянию Благодати.

Заметив мое непонимание, знахарка пояснила:

— В восточных традициях это называют просветлением. Благодать нисходит к тому, кто достиг равноденствия духа.

— Что такое равноденствие духа?

— Это состояние абсолютной гармонии, точка зрелости ума и души. Человек, постигший Благодать, представляет собой целостную систему, в которой все стороны жизни находятся в равновесии. Он становится частью потока жизни, и ни болезни, ни старение, ни даже смерть его более не страшат.

— И мне не суждено постичь эту Благодать?

Ворожея глубоко вздохнула.

— Я не могу ответить тебе на этот вопрос, я ведь не Господь Бог. Сон твой был знамением, в этом нет сомнений, но любое знамение все равно оставляет человеку выбор.

— Какой же выбор есть у меня, если я уже на Пути, стало быть, выбор сделан?

— И на Пути есть масса выборов. Может быть, когда ты станешь более мудрой и осознаешь свои ошибки, ты все-таки догонишь Солнце, и весна сменится летом, а лето — осенью?

— А в чем мои ошибки?

— Да это не ошибки даже, я не дюжа верно выразилась. Ты непременно все хочешь понять головой, а этот способ постижения Пути самый, что ли, незрелый... Есть вещи, которые нельзя облечь в слова, но уж если ты твердо решила все записать, разложить по полочкам и придумать логичное объяснение, то приготовься к долговому Пути... по весенней распутице.

— Значит, мне надо перестать думать?

— Нет! Это было бы самой жестокой ошибкой. Тебе просто надо принять тот факт, что *думалка* твоя очень ограничена в своих возможностях. Ты не можешь пока постигать Путь иначе как через голову: центры души и витальной энергии у тебя еще очень слабо развиты. Значит, надо обратиться к резервам подсознания — вот где безразмерная кладовая, вот где совершенная лаборатория по обработке и хранению информации!

— Техника *белого шума* помогает открыть эти резервы?

— Помогает. Но все-таки белый шум скорее пробуждает интуицию, ясновидение. Чтобы вскрыть самые глубокие пласты подсознания, существуют другие техники. Они довольно опасны для людей с низким уровнем интеллектуального развития; впрочем, и умники не застрахованы от сумасшествия. Ведь подсознание — это темная кладовая, в которую никто никогда не заглядывал. И открывая в нее дверь, надо быть готовым к тому, что первым делом оттуда полетит пыль, поползут тараканы, повалит всякая нечисть. И повалит она куда? — в сознание. А нужны ли твоему сознанию такие «гости»? Вот почему столько народу трогается умом на всякого рода психологических и медитативных курсах. Мне приходилось лечить таких. Но это неблагодарное занятие. Потерянную голову на место уже не воротишь.

Она смолкла и посмотрела на меня долгим внимательным взглядом. Мне стало не по себе.

— Домна Федоровна, а можно ли, забираясь вглубь подсознания, оградиться от сумасшествия?

Она как будто не слышала вопроса.

— Старцы святые, опытом всей жизни подвижнической и самим Путем умудренные, не рисковали открывать подсознание. Искушения боялись дьявольского. Внутри нас ведь не только Царствие небесное, бесов и нечисти там тоже полно. Внутри нас вообще все есть. И Путь тоже находится внутри.

Ворожея опустила глаза и вдруг плотно, певуче произнесла:

[цитата]

Рай в небесах — утверждают ханжи.

Я ж, в себя заглянув, убедился во лжи:

Ад и рай — не круги во дворце мироздания.

Ад и рай — это две половинки души.

[конец цитаты]

Услышав от казачьей целительницы строки Омара Хайяма, я в очередной раз поразились тому, как неожиданно порой в таком родном, таком понятном и близком мировоззрении казаков всплывают следы иноземных культур.

Она же, помолчав еще немного, словно очнулась от сна:

— Оградиться от сумасшествия можно с помощью молитвенного щита. Только не каждому этот щит позволяет войти в потайные закрома человеческого разума. Коли слаб человек, слово Божье его не пустит.

Лето достигло пика. Жара зашкалила за 55, у двоих парней поднялось давление, пошла носом кровь. Домна Федоровна очень быстро привела их в чувство, но велела мне сделать перерыв в раскопках. Я и сама об этом думала: уж на что я хорошо переношу высокие температуры, но и мне было не по себе. Я в очередной раз порадовалась, что мы живем на хуторе: в таких погодных условиях нам в палатках пришлось бы туго. Впрочем, в бытность мою студенткой, волжские экспедиции были куда как тяжелее...

Решив вчера отдохнуть пару дней, я обрадовалась еще и тому, что будет время заняться практиками. Однако весь день Домна Федоровна и намеком не обмолвилась о каком-либо занятии. И я уже подумала, что в этот приезд мне не удастся узнать ни одной новой техники... Но как только солнце зашло за горизонт и наконец-то повеяло свежестью, Домна Федоровна велела мне приготовить полотенце и чистую одежду. Взяв все это, мы пошли куда-то через баз и оказались на самом краю хутора, у деревянной криницы. Целительница велела мне раздеться, достала из колодца воды, легко подняла ведро и вылила воду мне на голову. Так она сделала двенадцать раз подряд, после чего я вытерлась и переделась в чистое. Мы вернулись домой, она усадила меня за стол перед иконами, засветила лампаду, зажгла толстую свечу и приказала мне, глядя на пламя, читать Иисусову молитву. Повторять ее надо было с каждым вдохом, и, вдыхая, мысленно представлять себе, что свет от пламени погружается внутрь меня вместе с дыханием. Место, на котором я должна была концентрироваться, находилось посередине лба; туда и следовало направлять «огненный вдох». Держать в сознании все эти действия одновременно было очень трудно, но знахарка помогла мне, читая молитву вместе со мной и устанавливая правильный ритм дыхания. Все это длилось целую вечность, наконец, огонек свечи стал разрастаться и превратился в одно бесконечное сияние, которое охватило все мое тело. Мне стало нестерпимо горячо, я начала задыхаться и тонуть в этом

беспощадном вселенском пламени. Вдруг я почувствовала, как чьи-то сильные и прохладные руки подхватили меня и понесли сквозь сияние с огромной скоростью. Мне казалось, что я взмываю в высь, но характерные ощущения, которые бывают обычно, когда качели, достигнув самой высокой точки, начинают падать вниз, подсказали мне, что я лечу с большой высоты куда-то очень далеко и глубоко. И точно: сияние стало гаснуть, все вокруг окутала тьма, только руки, держащие меня, светились белым огнем. Вдруг внизу начало светлеть, и я поняла: близко дно. Падение чуть замедлилось, и я оказалась на детской площадке где-то в одном из Питерских садов. Я была ребенком, совсем маленькой, может быть, мне было года четыре? Рядом была мама, молодая, в лаковых туфлях на толстом круглом каблуке. Хохоча, я прыгала по клеткам, расчерченным на песчаной дорожке, в направлении полукруга, в котором было что-то написано, но я не могла понять, что. Я знала, там — огонь, и тот, кто попадет ногой в него, выбывает из игры. Ниоткуда выкатился мяч, и, прокатившись через полукруг, стер непонятные буквы. Девочка в розовой кофте подбежала, прутиком восстановила полукруг и вновь начертила слово. До меня донеслись мамины слова: «Видишь, Настеньке шесть лет, а она уже буквы знает и умеет писать. Тебе тоже скоро шесть, а ты даже читать не выучилась». Я нахмурилась и твердо решила — в ближайшее же время! — научиться читать... тут картинка растаяла, сильные руки вновь подхватили меня и понесли — уже вверх. Вынырнув из тьмы колодца, я очутилась в сиянии, которое свернулось в точку и превратилось в огонек свечи.

Домна Федоровна стала расспрашивать меня, что было со мной, что я видела, но мне не хотелось ни о чем говорить. Кусочек детства, блаженное переживание покоя и безмятежного счастья было слишком личным, слишком интимным, чтобы делиться им с кем-то другим, даже если этот другой — моя духовная наставница. Впрочем, целительница не стала настаивать. «Расскажешь в другой раз» — сказала она.

[дневник]

Дашин дневник, 23 июля.

Жара и перерыв в работе позволили заняться практиками. Впервые за весь период обучения Домна Федоровна показала мне не оздоровительную, а скорее «мистическую» практику. Она используется для погружения в подсознание в поисках ответа на волнующие вопросы. Раздеться, 12 раз облить холодной водой. Одеться в чистую одежду. На стол поставить церковную свечу, сесть прямо и концентрироваться на пламени свечи. При этом повторять Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Ровно дышать животом, и, вдыхая, представлять, как воздух проходит через пламя и направляется в точку между бровей.

[конец дневника]

«Другой раз» наступил накануне отъезда. Ночь перед поездом я не спала: мне хотелось наговориться с ворожеей впрок, и она, отступив от привычного правила — засыпать до полуночи, не легла вместе со мной. Тогда я и рассказала ей про свое удивительное видение детства.

— Молитва Иисусова, — молитва чудотворная, — выслушав меня, промолвила вещунья. — Отцы святые говорили: кто Иисусову молитву творит, тот в раю себе место готовит. Бережет она от лиха всяка, вот потому и надо ее читать, когда в подсознание за ответом идешь. А видение твое означает, что еще в детстве тебе такой путь познания уготовили — через мысль, через голову. С той поры и стремишься ты все по книжкам узнавать, и саму жизнь с книжками сверять, а чего в них нету — самой записать и растолковать. А знание, доня, оно всяким путем прийти может — и через голову, и через тело. А быстрее всякого

приходит знание через душу. Оно самое полное. Потому о душе надлежит помнить всегда. Тело рушится — душа остается.

Ворожея вздохнула и как-то ласково-жалостливо произнесла:

— Так что если кто-то в беду попадет, кто бы он ни был тебе — друг или враг, если можешь выручить — непременно помочь надо. Ты не тело спасаешь, а душу допрежь всего. Помни об этом.

[проповедь]

Ведение Пути

Жизнь любая — дорога к Свету и к новой Жизни. Плох ли ты, или хорош, глуп или гениален — все придем мы к единому месту, где ждет переправа в иное бытие. Древние говорили: помни о смерти, о той переправе, что ждет тебя в конце жизни. Постарайся прямо сейчас проникнуть внутренним взором туда и на жизненный путь оглянись. Что предстанет тебе — дорога прямая, по бокам от которой — равнины и горы, моря и ручьи, все земные красоты, в которых ты семя свое посадил и взрастил пышный сад творений твоих? Или глухая тропа сквозь болота и топи и землю неплодную, где не сделал попытки ты приукрасить ее и жизнь вдохнуть в мертвый камень? Оглянись и задумайся — есть ли в жизни твоей веденье Пути? Спросишь — что этот Путь, и зачем нужен он человеку? Ответ на поверхности: это можешь почувствовать ты в деле любом — пока ты неопытен, и не знаешь, как решать задачу, ты торкаешься, словно слепой щенок, во все стороны. Но стоит нащупать нить и понять механизм, как все идет словно по маслу, и вот уже дело твое не тяготит тебя, а дарит наслаждение и множество новых открытий.

Как найти свой Путь? Нужен ли он тебе и нужен ли ты Пути? Того, кто идет по Пути, ты узнаешь сразу: взгляд его устремлен вперед, озарен светом Истины, он вдохновлен Божьим промыслом, и жить не скучно ему: ведь дорога открыта и делание есть на этой дороге, и все, что сбыться должно, сбывается вовремя. Посмотри на этого Путника: в жизни его, может быть, много лишений, и роскошь, богатство, веселье минуют его. Нам порою становится жалко людей таких: ведь у них только Путь, а у нас — все богатство материи и наслаждений телесных. Но себя пожалей: ты знаешь праздники только в конце тяжелых трудов, а имеющий Путь вечный праздник носит в сердце своем.

Как найти этот Путь? Найди Бога в себе — и откроется Слово, Божественный Луч приведет тебя к стезе свершений твоих. Нет томленья по Богу в душе и пустоту ощущаешь? Нет томления по Богу — томись по этому томлению, и отклик услышишь, и жизнь озарится веденьем Пути.

[конец проповеди]

[1] Глава 12

[1] Лихо

Покидая донской хутор в первых числах августа, я прощалась с Домной Калитвиной надолго. Отпуск закончился, полевые исследования тоже. Впереди меня ждал весьма насыщенный год —

студенты, лекции, научная работа, и все это не предполагало никаких поездок, тем более так далеко. Однако уже в начале сентября меня остро потянуло на Дон, и причина была не только в том, что за два летних месяца я успела всей душой привязаться к казачьей знахарке и ее дружному семейству. После возвращения в Питер на меня свалились неожиданные и очень большие неприятности: моя семейная жизнь дала крен.

С мужем мы прожили семь лет, и прожили очень дружно. Наши отношения строились с самого начала, скорее, по принципу «учитель-ученица». Он был старше меня на пять лет, но мудрее — на десятилетия. Именно он заставил меня окончить аспирантуру и всерьез заняться наукой. Будучи сам ученым (правда, в другой области — он физик-химик), мой муж огромное значение придавал интеллектуальному развитию и справедливо полагал, что материальные блага преходящи, а свет знания остается с человеком навсегда. Мои летние поездки нисколько не мешали семейной жизни: как правило, в этот период он тоже уезжал на многочисленные научные конференции и круглые столы, которые частенько проводились за границей, в ведущих исследовательских институтах и университетах Европы. Этим летом, правда, все его поездки пришлось на май-июнь, таким образом, целый месяц в шале он провел дома, без меня. И успел за этот месяц так измениться, что я, увидев его на перроне когда он встречал меня, тут же решила, что случилось нечто ужасное. Он выглядел усталым и разбитым, и, казалось, совсем не был рад моему возвращению. Приехав домой, я обнаружила на кухне батарею пустых бутылок и гору грязной посуды. Это вызвало у меня настоящий шок: мой муж в жизни не брал в рот ни капли спиртного, был чистюлей и аккуратистом, которого невероятно раздражал один вид невымытой чашки или лежащей не на своем месте вещи. От моих недоуменных вопросов он вяло отмахнулся — мол, приезжали вчера друзья-однокурсники, один из Москвы, другой из Чикаго. Однако на правду это было не похоже: грязь на посуде явно не вчерашняя, да и такое количество спиртного трое мужчин за полсутки выпить не могли. Не добившись правды, я в расстроенных чувствах, стала все мыть и убирать, думая о том, каковы же истинные причины происходящего.

Но это было только начало. Мой умница-муж, у которого вся жизнь была распланирована на годы вперед и расписана буквально по минутам, стал пропускать работу (под предлогом, что работает дома или в библиотечном архиве), уходить куда-то из дому по вечерам и возвращаться далеко за полночь в буквально-таки нечеловеческом состоянии. Он пил каждый день, у него появились какие-то странные знакомые, которые приходили к нам, сидели с ним на кухне порой до утра, поглощали в огромных количествах коньяк, виски и дорогую водку. Я так понимала, что на это уходят грантовые деньги, выданные под научный проект, которым руководил мой муж, и это повергало меня в ужас. Разумеется, я много раз пыталась выяснить, в чем же дело, но на мои вопросы муж реагировал очень агрессивно, и каждый такой разговор заканчивался скандалом.

Словом, спустя месяц я была вымотана полностью. Единственной отдушиной для меня была работа. Каждый день я искала предлог, чтобы остаться в Институте допоздна, и прилагала все усилия, чтобы забить свое учебное расписание до предела. Но, как назло, в первом семестре лекций у меня получалось немного, как будто кто-то нарочно оставлял меня наедине с моими проблемами.

Я все чаще вспоминала знахарку, ее слова о Пути и о том, что у человека, идущего по нему, все в жизни выходит само собой. «Как же так? — недоумевала я. — Ведь именно сейчас у меня в жизни все должно складываться как нельзя лучше!» С Дона я уезжала окрыленной, а сейчас у меня было ощущение, что мне не только подрезали крылья, но и вообще лишили возможности передвигаться. Начались проблемы

и со здоровьем. От слез и постоянного недосыпания у меня воспалились глаза и все время болела голова. Нервы расшатались до предела. Всю жизнь зная своего мужа как человека уравновешенного, рассудительного и весьма трезвого в суждениях и поступках, и наблюдая случившуюся с ним теперь перемену, я теряла контроль над собой и часто срывалась на истерики и скандалы. Умом я понимала, что веду себя неразумно, но поделаться с собой ничего не могла. Наконец, я взяла себя в руки и решила призвать на помощь Казачий Спас.

И вот, в один из сентябрьских вечеров, когда мой муж в очередной раз ушел неизвестно куда (пожалуй, в первый раз за все это время я была даже рада его уходу), я разделась, забралась в ванну и двенадцать раз облилась холодной водой. Затем, переодевшись во все чистое, поставила на стол маленькую иконку с образом Спасителя, зажгла свечу и стала читать Иисусову молитву — так, как учила меня Домна Федоровна. Я очень старалась сосредоточиться на молитве, огне и правильном ритме дыхания, но погрузиться в подсознание так же глубоко, как это было на хуторе в присутствии наставницы, мне все же не удалось. Тем не менее, мне стало немного легче, и в тот вечер я уснула без слез и отчаяния.

Через пару дней меня вызвали к проректору. Он сообщил, что на мое имя пришло приглашение из Ростовского Исторического Музея на научно-практическую конференцию, посвященную истории кладоискательства на Дону. Я была поражена: никогда в жизни я не имела никаких дел с этим музеем, откуда же они знают обо мне и о том, что я занимаюсь раскопками в Ростовской области? (Тем более, что донскими курганами я начала интересоваться очень недавно, и этим летом у меня была, по сути, первая поездка на Дон.) Все, однако, выяснилось довольно быстро. Сразу по приезде в Петербург я написала небольшой очерк о поверьях, связанных с моим курганом, и разместила его на одном из археологических Интернет-ресурсов. В Ростове заинтересовались этой статьей как раз в связи с тем, что в конце сентября планировалось проведение конференции.

Проректор изучил расписание и решил что студенты совсем не пострадают, если мои занятия на недельку прервутся.

Итак, мне снова предстояла поездка на Дон! В мыслях я все время благодарила Путь, за то что в тяжелый момент моей жизни он все так здорово устроил. Единственное, что расстраивало меня, так это кратковременность путешествия. Я прекрасно понимала: вряд ли мне удастся пообщаться с Домной Федоровной более или менее продолжительное время, но сама возможность увидеть свою духовную наставницу вселяла в меня надежду.

По прибытии в Ростов меня ждал еще один приятный сюрприз. Мне сразу же предложили задержаться там и поработать с архивами, которые, по мнению моих донских коллег, были бы весьма полезны в моих научных изысканиях. Со своим руководством я согласовала вопрос на удивление быстро: было решено, что во время моего отсутствия лекции будет читать одна из аспиранток, которой как раз требовалась педагогическая практика. Получив, таким образом, временной карт-бланш, я в первый же свой выходной день купила билет на автобус и отправилась на хутор к целительнице.

Домна Федоровна, как и положено, встретила меня готовым обедом и сердечными объятиями. Я же, увидев мою добрую хозяйку, не могла сдержать слез; впрочем, последние полтора месяца глаза у меня постоянно были на мокром месте.

— Ну-ну, будя тебе, доня, — обнимая меня, промолвила целительница. — Все уже хорошо, не плачь.

Она сытно накормила меня (от волнения кусок не лез в горло, но знахарка заставила меня съесть полный обед) и налила большой пузатый фужер густого домашнего вина с каким-то церковным ароматом.

Ворожея сказала, что это вино сделано из *ладанного* винограда. Сорт редкий и растет только на Дону; еще одно наследие святых старцев-скитников.

От еды и выпивки меня разморило, я расслабилась и успокоилась. В этот день у Домны Федоровны посетителей не было, муж с сыном уехали в Пятигорск продавать мед и кованные изделия; словом, мы были одни и ничто не мешало нашим разговорам. Мы сидели в садовой беседке за непокрытым столом; на серебряную от времени деревянную столешницу слетали сухие былинки с уже начинающих желтеть виноградных плетей, обвивавших беседку снизу доверху. Крупные черные гроздья с блестящими, словно маслины, ягодами, висели на расстоянии вытянутой руки, и я могла ими лакомиться прямо с ветки. Домна Федоровна внимательно и заинтересованно слушала, как я говорю о моих злоключениях. (Вообще, у нее был истинный талант слушателя: рассказывая ей что угодно, человек чувствовал — ни одно слово не ускользнет от внимания целительницы. Это вдохновляло рассказчика и помогало собраться, сделать повествование последовательным и подробным.) Когда я закончила, она глубоко вздохнула и своим неповторимым, низким и плотным голосом произнесла:

— Доня, доня, ты совершила самую распространенную женскую ошибку — оставила мужа одного надолго.

— Но ведь он и сам ездил! Я, например, весь май без него прожила.

— Это другое дело. Женщина мужчине ждать должна, это ее долг и предназначение. А мужик — иное. У нас говорят: баба да курица в ста шагах от двора — ничейная.

— Что это значит?

— Это значит, что, уезжая из дома и оставляя в нем мужа, женщина становится как пташка на воле, куда хочет — полетит, и кто угодно ее поймать может.

— Да Господь с вами, Домна Федоровна! Вы же знаете, что я уезжала не развлекаться, а по делам! Какая же из меня пташка?

— Я-то знала, а вот муж твой не знал.

— И он знал.

— Это он умом знал. А подсознанка его все время твердила, что ты ему в этот момент не принадлежишь. Ну, и переклинило.

— Неужели он не мог потерпеть всего лишь месяц?

— Значит, не мог. Есть люди, которые в одиночку и дня выдержать не могут. Шибко любит он тебя, видать.

Она на минуту задумалась. Потом медленно, с расстановкой, промолвила:

— Хотя я думаю, что здесь и другая причина должна быть. Говоришь, не пил он до этого?

— Ни капли! Даже на Новый год, даже шампанского! Он считал, что интеллектуальная работа и алкоголь — несовместимы.

— Да, дела, *кубыть*, серьезная. У тебя карточка его с собой есть?

— Конечно! Я всегда ее ношу в кошельке...

— Давай сюда ее быстро! Сейчас поглядим, что там у него не так.

Я принесла фотографию. Ворожея положила ее на стол, коснулась кончиками пальцев и прикрыла глаза. Минут через семь она глаза открыла, посмотрела на меня. Ее иконное лицо стало скорбным:

— Обрадовать мне тебя, доня, нечем. *Сделано ему, и сделано крепко. Пока сказать не могу, какой анчибел его так удостоил, потом постараюсь выяснить. Сейчас только одно ясно: с этим лихом мне в одиночку не сдюжить.*

От ее слов у меня ручьем хлынули слезы:

— Домна Федоровна, миленькая... Если уж вам это не под силу, то я и не знаю, куда мне идти... Я себе жизни без мужа не представляю, я эту потерю не перенесу...

— Ну-ну, вскагакалась... Вот же ж бабьё городское: чуть какая марь — и в слезы. Всю жизнь, доня, сладко не проешь, мягко не проспишь, чисто не проходишь! Мало ли что в судьбе бывает, а ты не поддавайся: казак в бою спину не кажет! Так что не кисни.

— Вы ведь сами говорите, что вам не справиться. Как же быть-то?

— Будем дожидаться Алексея с Федором. А пока тобой займемся: вид у тебя — краше в гроб кладут.

[1] Глава 13

[1] Бабий Спас

Всю ночь я спала как убитая, без тревог и сновидений, а утром сама проснулась до света. Я прекрасно выспалась и почувствовала себя великолепно: спасибо чудо-отвару, что знахарка дала мне выпить на ночь. Сегодня нам обеим предстояла поездка в Ростов. Во-первых, надо было сходить в три церкви и совершить то, что, по словам Домны Федоровны, защищает от колдовства и обстояния бесовского «паче ружья и шашки». А во-вторых, знахарка пожелала навестить сына и повидать внуков; для них она припасла гостинец — испеченный с вечера круглян (очень вкусный пирог с начинкой из сухофруктов и меда).

Распрощавшись с Георгием и его семьей, мы зашли в гостиницу и забрали из номера мои вещи: Домна Федоровна настояла на том, чтобы я поселилась у нее. Правда, ездить в Ростов каждый день из хутора было немножко хлопотно: дорога туда-обратно занимала в общей сложности три часа. Но это для меня было делом привычным: ведь и в Питере, живя в одном из спальных районов, я ежедневно тратила времени на дорогу никак не меньше.

В хутор мы вернулись к ужину. За едой знахарка давала мне пить холодный узвар из сушеных фруктов, трав и меда. От него меня снова потянуло в сон, но Домна Федоровна спать мне не дала. Она вывела меня в сад, усадила по-японски прямо на землю и велела слушать «токи земли». Для этого надо было сосредоточиться на точке в районе крестца. Чтобы мне было легче почувствовать энергию и войти в нужное состояние, ворожея несколько раз провела ладонью над этим местом. От ее действий вся область ниже пояса словно загорелась, энергия закрутилась вправо и собралась плотным огненным шаром в нижнем отделе позвоночника, прямо напротив матки. Я закрыла глаза и направила внимание в этот шар. Он показался мне красным, мягким и пушистым, как клубок огненного мохера. Шар пульсировал в ритме сердца; вниз от него шла тонкая ниточка энергии. Присмотревшись получше, я увидела, что это не ниточка, а настоящий огненный родничок, и утекает он куда-то глубоко в землю. Земля в моем видении была необычная: не черная и вообще — не темная, а очень светлая и сияющая, как белая часть пламени. Ее всю пронизывали такие же огненные роднички, они то вспыхивали, то чуть тускнели — одни медленно и плавно, другие быстро и отрывисто. Все вспышки были связаны единым пульсом; и эта симфония земных энергий показалась мне удивительно гармоничной и прекрасной. Родники огня переплетались друг с другом и складывались в причудливый узор. Лианы, розетки, ромбы — красочная вязь всех оттенков коричневого,

красного, желтого и белого напоминала дивный трехмерный *килим**, и отыскать на нем ниточку своего родничка мне было не под силу. Наблюдая эту удивительную картину, я вдруг ощутила всепроникающую силу земли, теплую и плодородную энергию, исходящую из этой необъятной субстанции, бесконечно доброй и уютной, словно материнское лоно. Я увидела и свой родник — он разросся, стал плотным и насыщенным. Поток энергии, обогащенный силой земли, наполнял мое тело и душу. Я чувствовала, как прорастает во мне эта новая сила, как она расправляет и поднимает меня. Я открыла глаза. Передо мной стояла знахарка. Ее глаза излучали свет, и природа этого света была та же — земная, плодотворная, материнская. Я улыбнулась и закрыла глаза, а когда через минуту вновь открыла их, целительницы уже передо мной не было, только последние лучики заката пробивались сквозь резной лиственный узор. Я поднялась и пошла к дому.

[ПРИМЕЧАНИЕ] **Килим* — богато орнаментированный персидский ковер ручной работы.

Знахарку за приготовлением какого-то снадобья. Она стояла у печи и длинной деревянной ручкой помешивала густой отвар, кипящий в большом медном казане. Время от времени она брала коричневые стручки из лежащей углу грубы горки сухих растений, ломала их и кидала в кипяток. Было видно, что целительница стоит тут довольно давно, но этого не могло быть — ведь не более пяти минут назад я видела ее в саду своими глазами!

— Домна Федоровна, а вы давно тут стоите, траву варите?

Она подняла голову.

— С полчаса кубыть. Как баню растопила, так и занялась.

— Как же это быть может? Я вас только что видела!

— Где?

— В саду, вы стояли передо мной и смотрели на меня. Я решила, что уже пора подниматься, а когда открыла глаза, вас не было...

На лице ворожеи отразилось изумление. Она попросила меня рассказать обо всем, что я чувствовала, ощущала и видела. Я в подробностях описала пережитое. Она чуть помолчала, а затем проникновенно, как бы выделяя каждое слово, произнесла:

— Дадунюшка родная... Ты не меня видела, а сама Земля-мать тебе в моем обличии поблазилась. Это тебе знамение было.

— Что же значит это знамение?

— А значит оно что открылась в тебе сила жизненная. Стало быть, принял тебя Спас.

— Разве это не произошло раньше?

— Раньше он тебя только выбрал, а потом испытывал. Горя твоя с мужем тебе ведь в испытание дана.

— И что же, я уже прошла это испытание?

Она не ответила, только сняла с огня казан и вышла во двор. В полном недоумении я двинулась за ней.

На хутор упали долгие осенние сумерки. Было свежо, но совсем не холодно: земля, согретая за день мягким сентябрьским солнышком, отдавала пространству свое тепло. На дворе я помогла знахарке, процеживая через металлическое сито, перелить варево в широкий таз. С ним мы направились в баню. Там, отхлестав меня почти до бесчувствия можжевелевым веником, целительница велела мне встать в таз с

отваром. Я повиновалась. Она начала поливать меня темной душистой жидкостью, начиная с макушки головы, по плечам, спине, груди, животу и ногам. При этом она в полшепота что-то приговаривала. Слова повторялись бесконечное количество раз, и вот, наконец, я стала понимать их, а затем и запомнила:

[цитата]

Плакун, плакун! Плакал ты много, а выплакал мало. Не катись твои слезы по чистому полю, не несись твой вой по синему морю, будь ты страшен бесам и полубесам, старым колдуницам днепровским! А не дадут тебе покорища, утопи их в слезах, да утекут от твоего позорища, слей ты их в щели глубокие, замкни их в ямы преисподние! Во имя Отца и Сына, и Святого Духа, словам сим ключ, а бесам тлен, а кесу роеру тмен.

[конец цитаты]

Эти последние слова я никак не могла понять и, когда целительница закончила поливать и наговаривать, я спросила ее, что означает этот тарабарский язык. Она ответила, что слова эти значат дословно «телу здороветь и крепнуть», а происхождения они тоже азиатского. Я подивилась: множество иноязычных слов в повседневной речи казаков стало для меня привычным, но впервые я услышала их в тексте заговора, да еще и в самом конце, где обычно произносится «Аминь». Видимо, помимо дословного значения существовало в них и иное, тайное, которое ворожея не пожелала открыть мне.

В бане мы пробыли до самой ночи. Знахарка меня парила, хлестала и массировала руками, затем опять заставляла становиться в таз и вновь приговаривала, поливая отваром. Все это повторялось семь раз; в перерывах между процедурами мы, обнаженные, выходили во двор. Там целительница поила меня *другаком**, причем заставляла каждый раз выпивать не меньше, чем пол-литра. Винцо было слабым, но в таких количествах я пить боялась: все-таки завтра понедельник, надо ехать в Ростов на работу... Однако знахарка настаивала на своем, и мне приходилось выпивать все, что она наливала в большой деревянный ковш.

[Примечание] **Другак — слабое сухое вино, полученное после промывки виноградных выжимок водою.*

— Пей, пей, — говорила она, — мне с тебя надо всю отраву вывести, руду прочистить.

Опустошив очередной ковш, я спросила ее:

— Какую отраву, Домна Федоровна? Я же ничем не травилась!

— Во время грозы молоко, и то киснет, — загадочно ответила ворожея и вновь увела меня в баню.

За выходные знахарка в самом прямом смысле возродила меня к жизни. И это не осталось незамеченным: коллеги-ростовчане в один голос заявили, что выгляжу я прекрасно, не иначе как оба выходных провела в ростовских салонах красоты. Я и сама видела, что и вправду похорошела: кожа натянулась и зарумянилась, глаза блестят, черные круги под ними исчезли. «Это, — сказала Домна Федоровна как-то за завтраком, — потому что из тебя отравы выходить начала».

Вечеру она напоила меня узваром, затем посадила на порожки и стала окуривать какими-то сухими ветками, кажется, полынью. Потом села рядом со мной, взяла мои ладони в свои руки и начала очень энергично растирать и мять мои пальцы. Очень скоро мне сильно захотелось в туалет. Когда я вернулась, Домна Федоровна продолжила массаж, но, не прошло и пяти минут, как мне вновь потребовалось отойти.

«Ничего, ничего, — посмеивалась целительница. — Все хорошо, все так и надобить. Это с тебя отравы выходит».

Вконец заинтригованная этой таинственной «отравой», я заставила ее объяснить мне, что она имеет в виду. Оказалось, что под «отравой» целительница понимает вовсе не зашлакованность организма (как сначала подумала я). Отравы, по ее словам, это «протухшие» клетки, но не отмершие, а живые, только не способные выполнять свои функции в организме. Гнев, скорбь, слезы, стресс — все это как бы преобразует клетки, и в них накапливается информация об усталости и бессилии. Если человек изо дня в день испытывает отрицательные эмоции, количество таких клеток начинает расти с невероятной скоростью и они в буквальном смысле отравляют организм. Беда в том, что без специального очищения такие клетки не восстанавливаются, а, умирая, передают «отраву» вновь рождающимся клеткам. Таким образом, через некоторое время человек становится полностью отравлен. Как следствие, он начинает быстро уставать, часто простужаться, реагировать на смену погоды, и, в конце концов, становится жертвой какого-нибудь хронического заболевания. На мой вопрос, как же можно уберечься от этой «отравы» — ведь в городе стресс неизбежен — целительница ответила, что для того есть в Казачьем Спасе множество практик. Которыми мы с ней и будем заниматься вплоть до моего отъезда.

Работа в Музее занимала в среднем три-четыре часа в день, а так как на Юге принято начинать дела с самого раннего утра, то к полудню я уже освобождалась полностью. Обычно у меня оставалось где-то чуть больше часа до автобуса; чтобы убить время, я гуляла по центру столицы Юга, и с каждым днем все больше убеждалась в справедливости этого названия. Соразмерные и статные здания, возведенные с истинно казачьей основательностью, простая и четкая планировка проспектов, позволяющая прекрасно ориентироваться в городе даже приезжему человеку. Меня вдохновляли сверкающие витрины всевозможных «бутиков», в которых, в отличие от наших питерских, всегда были покупатели; внутрь я, разумеется, не заходила (командировочных денег на ростовские «бутики» мне хватило бы вряд ли), но с удовольствием смотрелась в прозрачные стекла и отмечала, что выгляжу я — даже на фоне южных красавиц — очень и очень неплохо. А красавиц в Ростове и в самом деле было много. Щедрое солнце, благодатная природа, смесь кровей давали если не первой, то уж точно каждой второй ростовчанке ту самую врожденную, неподдельную красоту, которую не могут ни стереть, ни скрыть ни годы, ни декоративная косметика. Эту свою южную красу местные барышни умело подчеркивали нарядной одеждой, в которой было очень мало любимых северянами темных тонов, зато преобладали краски яркие, звонкие, цветущие. Исключением были, пожалуй, лишь уроженки Кавказа (и то не все, а только взрослые женщины). Они одевались в черное, но это черное было сшито из «дорогих» тканей — бархата и атласа, богато отделано большим количеством блестящих деталей, и увешано множеством золотых украшений. Своим темпераментом и размахом Ростов покорила меня, и я думала, что если бы у меня была возможность прожить вторую жизнь, я прожила бы ее именно здесь.

В хутор я возвращалась к трем часам дня. Целительница обычно бывала занята (это самое приемное время); я обедала одна, затем гуляла по саду, иногда уходила в степь, к родничку-аксаю (ак-су по-азиатски означает «белая вода»). Осеннее солнышко грело бережно и ласково. В розово-белом небе кружили сапсаны, присматривая себе на обед полевку пожирнее, и время от времени стремительно падали вниз, однако, вопреки законам тяготения, не разбивались вдребезги о землю, а тут же взмывали вверх, унося в цепких лапах пушистый комочек.

Вечерами знахарка занималась мной. Она утверждала, что самое важное для меня сейчас — научиться противостоять «отраве», а это возможно только путем правильного реагирования на всякого рода неприятные ситуации.

— Не давай бесу гнева места в сердце твоём, — говорила наставница. — Ничто на свете не должно выводить тебя из равновесного состояния. Ежели человек спокоен, никакая напасть ему нипочем... В жизни как ведь бывает: стряется беда, человек сразу разнюнится, расклеится, да и совсем утонет в горестях да болячках. А какой человек горевать не спешит, у того неприятности заканчиваются быстро, а бывает, еще и пользу принесут.

— Говорить-то легко... Я понимаю — проблемы с работой, или с учебой, или еще что-нибудь, что поправить можно. А если с близким человеком плохо? По-моему, тут не расстраиваться невозможно... Сердце-то не железное!

— Расстраиваться нельзя ни в каком случае. Особенно, если с близким беда.

— А что же делать-то?

— Не по ляжкам себя хлопать, а сесть, подумать, и разложить все по полочкам. Когда несчастье случилось? Что перед этим было? Как оно закончиться может? И главное — что сделать надо, чтобы все к счастливому концу выправить.

— Ну так я тысячу раз передумала! И все равно не поняла, что мне делать...

— Тысячу раз ты не думала, а переживала! Гоняла скорбь по кровушке, отраву в себе увеличивала. А думать надо холодной головой, как будто не с твоим близким это случилось, а совсем с чужим человеком. Тогда и увидишь, что решений в любом случае много может быть, твоя задача — найти единственно правильное. Но иной раз времени для размышлений ой как мало бывает, быстро надо кумекать.

Знахарка чуть помолчала, потом добавила:

— Кто Спасом долго живет, у того думалка мгновенно срабатывает, — она поглядела на меня ласково и грустно. — Но тебе доня, думалку свою если и удастся развить до такого уровня, то лишь на склоне лет, буде Господь сподобит тебя дожить до седых волос.

Главное, повторяла Домна Федоровна, научиться быстро выводить «отраву» из крови. Для этого существуют несколько очень простых техник, которые можно применить в любой ситуации. Чтобы ощущения легче запоминались, ворожея устраивала практики на свежем воздухе, часто без одежды. Особое значение знахарка уделяла дыханию и водным процедурам. Вот и сегодня, дав мне слегка отдохнуть после ужина, целительница позвала меня в садовую беседку и приказала раздеться. Я повиновалась, и она уложила меня на широкую лавку. Мне было не слишком удобно лежать голой на улице (хотя меня, конечно же, никто не мог видеть). От твердой холодной поверхности и касаний свежего ветерка по телу побежали мурашки. Домна Федоровна положила мне ладонь на пупок и велела накрыть ее своими руками, правую поверх левой.

— Теперь представь доня, что внутри тебя пустой бурдюк находится, или мех винокуранный. Сейчас надувать его будешь.

По ее указанию я медленно и глубоко вдохнула, представляя себе, как бурдюк заполняется воздухом. Волнообразное движение, начавшееся в области живота, поднималось вверх, к грудной клетке. От ладони знахарки исходило живое умиротворяющее тепло, и с каждым вдохом оно разливалось по всему телу. Слушая наставницу, я задерживала дыхание, мысленно проговаривала Иисусову молитву, и медленно начала выдыхать. С выдохом ощущалось, как опускаются живот и грудь. Я сделала 120 вдохов, и, когда поднялась с лавки, тело мое как будто потеряло вес. Усталость испарилась, улетучилась, как будто я не

просидела целый день в архиве, а потом не тряслась полтора часа в переполненном автобусе! Простота и чудодейственность этого нехитрого упражнения привели меня в полнейший восторг, о чем я и сообщила моей учительнице. Домна Федоровна улыбнулась:

— Это мы, люди, все усложнять привыкли. А для природы и Слова Божьего чудо — невеликий труд. Дыши так утром и вечером, и усталость уйдет, а про стрессы да депрессии забудешь как за паньковы штаны.

Прошло несколько дней.

— Все почитай бабские хвори от одной причины исходят, — как-то вечером сказала она, глядя на меня ласково и лукаво.

— От какой, Домна Федоровна?

Ответ хлестнул по ушам. Слово, вне всякого сомнения, было грубым, но очень точным и емким. Увы, я не могла с ней не согласиться: недостаток мужского внимания сказывался на женской психике не лучшим образом.

— Ну что же делать, Домна Федоровна, — ответила я. — Работа, хлопоты, проблемы, и у меня, и у него. Поездки наши, опять же. Да и дома когда живем, видим друг дружку только вечерами. Придем усталые, времени хватает только поесть, и на боковую. А тут еще напасть эта свалилась, какая уж там любовь...

— Ну нынче-то понятно, а допрежь этого как было?

— Да никак. Все некогда, все мельком. Да и не очень-то тянет.

— А чего ж не тянет? Ты в самом соку сейчас! Первая мысль должна быть, как на мужчину глядишь. Тем более — на мужа.

— Первая, говорите... — я смутилась. — А у меня вообще таких мыслей не бывает почти.

— А что ж так? — она посмотрела на меня с любопытством.

— Да не знаю... Наверное, других интересов хватает.

— Нельзя, *болетка* моя, за счет интересов здоровье гробить телесное и душевное. Любовь с мужчиной должна быть всегда желанной, всегда чаемой. А иначе сыпаться начнешь до времени.

После этого разговора прошло пару дней. Была как раз суббота, и на рассвете мы отправились к родничку. Прделав обычный ритуал водохождения (причем я была без одежды), мы не пошли обратно. Я поняла: меня ждет что-то еще. И действительно, Домна Федоровна велела мне сесть на пятки лицом спиной к родничку, лицом на Юг, и закрыть глаза, сосредоточив внимание в области копчика. Сама же присела зади и тихо, проникновенно сотворила «женские» молитвы:

[цитата]

Богородице дево, радуйся! Благодатная Марие, Господь с тобою! Благословенна ты в женах, и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших.

Достойно есть яко воистину блажити тя, Богородицу. Присноблаженную и Пренепорочную, и Матерь Бога нашего. Честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим, без исления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу тя величаем.

[конец цитаты]

Перед тем, как начать ритуал, ворожея произнесла:

— Господу Богу помолюся, святой Троицы поклонюся.

Тут я вздрогнула, почувствовав, как к крестцу прикоснулось что-то твердое, мокрое и холодное. Целительница стала растирать меня этим предметом (кажется, это был камень). Она водила им по низу спины в направлении часовой стрелки, время от времени энергично похлопывала по этому месту рукой, смоченной в ледяном ручье. Прodelывая все это, она непрерывно шептала слова заговора. Как и прежде, сначала я не могла разобрать слов, потом начинала понимать, и наконец, запомнила:

[цитата]

Небо-отец, земля-мать, Святая царица, светлая водица, дайте силу рабе Божьей Дарье — не для хитрости, не для мудрости, ни для богатства, ни для приятства, а чтобы крепко хотелось, легко сходилось, справно схватывалось. Слово моему замок, а водице ключ. Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

[конец цитаты]

Низ туловища охватывал сильный жар. В паху чувствовалась мощная, ритмичная пульсация, как будто там бил громадный колокол. Образ этого колокола тут же возник у меня перед глазами: темный овал, сужающийся высоко в бесконечность, а в нем бился огромный язык. От ударов сотрясались небо и земля; зрелище было величественным и ужасающим, однако мысли при виде его рождались совсем непристойные. Горячий призывный звон колокола разрывал меня изнутри, казалось, что во мне горит ядерный реактор, вот-вот он взорвется, и я вместе с ним. Это было и мучительно и приятно одновременно; наконец, реактор разгорелся до предела, энергия хлынула наружу... я потеряла равновесие и рухнула на землю. Тут же видение исчезло, все ощущения прекратились.

Открыв глаза, я попыталась подняться, но мне это не удалось: в глазах все плыло и кружилось. Целительница сидела рядом со мной и гладила меня по голове.

— Все, все, все уже кончилось, — приговаривала она. — Не спеши, сейчас *почунеешь*.

Скоро мне и в самом деле стало легче. Земля перестала вертеться, голова встала на место. Я поднялась.

— Что это было? — только это я и смогла выговорить.

— Бабий Спас, — ответила ворожея, и, видя мое недоумение, добавила. — Особая сила, женская.

— Первый раз слышу о таком, — я уже начала приходить в себя.

— А и не могла ты о нем слышать. Бабий Спас — знание тайное. Им только ведунницы пользуются, чтобы сила ведовская прибавилась.

— Но я же не ведунница, — одеваясь, возразила я.

— А тебе это надо было, чтоб сила твоя женская пробудилась. А то она у тебя вся в мозги утекла.

[дневник]

Дашин дневник, 1 октября.

Домна Федоровна все время говорит, что особая женская восприимчивость к стрессам — от половой неудовлетворенности. Секс открывает женскую силу, которая как ничто другое поддерживает

иммунитет и ограждает от «бабства» и кликушества (под этими словами знахарка подразумевает присущую женщинам нервозность и истеричность). После практики на роднике она показала мне еще несколько техник-процедур. От любовного безразличия, сказала она, хорошо помогают холодные компрессы на область крестца. Надо намочить тряпочку в холодной воде, приложить ее к нужному месту, закрыть полиэтиленом и завязать шерстяным платком. Оставить минут на двадцать, затем снять. В это время лучше сидеть на пятках, читая молитву Богородице или тот заговор, что она шептала у ручья. Также хорошо помогает водно-щеточный массаж голеностопного сустава: налить в тазик горячей воды, опустить туда ногу и растирать жесткой щеткой (на которую перед тем надо посыпать немного наговоренной соли) голеностоп. Эти процедуры надо выполнять три раза в неделю на вечерней или утренней заре.

[конец дневника]

[1] Глава 14

Отводя беду

Спустя две недели после моего приезда в хутор вернулись Алексей Петрович и Федор. Дом сразу же наполнился ощущением праздника. И хозяйка, и ее муж с сыном не могли скрыть своей радости. Поцелуям и объятиям не было конца; частичка их досталась и мне: Алексей Петрович сердечно, по-отечески обнял меня и трижды расцеловал. Федор же долго и изумленно рассматривал меня, словно увидел в первый раз, наконец, церемонно поклонился, и, сказав «Здравствуйте, Дарья Сергеевна», приложился к моей руке. Мужчины выглядели довольными: торговля удалась, за мед и ковку выручили солидную сумму — теперь семья может зимовать спокойно, хватит и на себя, и на хозяйство. «Газель» была забита гостинцами — для всей родни, соседей и друзей. Матери привезли лисью шубку (в Пятигорске продают недорогие и очень качественные меховые изделия), а мне, к моему огромному изумлению, преподнесли кокетливую шапочку из чернобурки, с хвостиком позади. Я начала отнекиваться: подарок-то недешевый, да к тому же вряд ли предназначался для меня... Но знахарка строго посмотрела в мою сторону и нахмурила брови: отказываться от даров на Дону — значит, смертельно обидеть хозяев.

За праздничным столом, накрытым в саду под абрикосами, собралось человек двадцать гостей (и то, мне сказали, это мало, только близкие друзья). Федор сидел напротив и неотрывно смотрел на меня, чем вызвал нешуточное смущение с моей стороны. Все-таки, я — взрослая тридцатилетняя женщина, а ему только двадцать три... Да и перед хозяйкой было не очень удобно. Но Домна Федоровна, от глаз которой не ускользнуло повышенное внимание сына к госте, восприняла это с юмором, и только поздно вечером, когда гости разошлись она, вытирая посуду после мытья, озорно проговорила:

— Ну, Дарья, теперь видишь, как Бабий Спас действует? Федюня-то глаз с тебя не спускал, так и зыркал, так и зыркал!

Чем, конечно же, вогнала меня в краску.

На следующее утро я проснулась сама. В окошко бил яркий свет, часы на стене показывали девять. Я была крайне удивлена, что меня никто не разбудил. Потом решила, что Домне Федоровне сегодня не до процедур и ритуалов — как-никак, приехали мужчины, в первую очередь надо заботиться о них. Но я

оказалась не права: знахарка меня не разбудила нарочно. Пока я спала, они в кругу семьи успели обсудить мою проблему. После того, как я позавтракала — одна, потому что хозяева встали гораздо раньше меня, мы собрались вчетвером в кухне-гостиной. Алексей Петрович заговорил первым:

— У твоего мужа светлая голова. Но он слишком доверчив. Скажи, кто из его знакомых мог знать, что ему выделили грант под предложенный им проект?

— Да многие знать могли... Это не секрет. Но дело в том, что это не его личные деньги, он заработает на проекте совсем немного, это просто средства для разработки научной проблемы...

— А многие претендовали на этот грант?

— Конечно. Проектов много, грантов мало.

— Среди его близких друзей или коллег были претенденты?

— Да, были. Но... как вам сказать. У них там довольно узкий круг, и проблематика у каждого схожая. Если бы грант получил какой-то другой проект, муж бы все равно в нем участвовал. Они все работают вместе, независимо от того, кто выигрывает. Так что вряд ли кто-то мог позавидовать. И потом... — я смешалась.

— Ну, говори, Дарья, не бойся, — подтолкнула меня Домна Федоровна.

— Понимаете, они ученые... — я с трудом подбирала слова, — физики-химики, материалисты. Никому из них в голову не придет...

— Порчу наводить? — продолжила за меня знахарка.

— Ну да... Я думаю, они вообще не слышали про подобные вещи.

Мои слова вызвали у всех троих дружные улыбки. Я непонимающе взглянула на каждого по очереди. Домна Федоровна взяла меня за руку и сказала так, как говорят ребенку:

— Дадунюшка милая, самый упертый материалист в душе сильно верующий. Чем больше человек настаивает на этой матерьяльности, тем сильнее он верует. Просто иногда сам себе не признается. А изурочить или испортить может кто угодно — и материалист-ученый, и святоша набожный.

Алексей Петрович перестал улыбаться и вкратце объяснил, что моему мужу было «сделано» на вечеринке по поводу получения гранта. Один из присутствующих там гостей заставил мужа выпить бокал шампанского, на котором и «сидел» урок.

— Толково «сделано», по правилам, — сказал Алексей Петрович. — Выбрали лих час и слова сказали заветные. Сильные слова. Иначе как бы твой муж, не пьющий ни при каких обстоятельствах, выпил это шампанское?

Затем хозяин дома рассказал, что следствием порчи должен стать алкоголизм, прогулы, растрата грантовых денег, и — суд, в результате которого мой муж лишится и проекта, и работы...

От всего услышанного мне стало не по себе.

— Этому можно как-то противостоять? — спросила я осипшим внезапно голосом.

— Противостоять любому лиху можно. Но мы — здесь, а муж твой — там. Так что сама урок снимать будешь.

— Каким образом?

— Таким же, как супруг твой его получил.

К полудню мы втроем с Алексеем Петровичем и Федором отправились в степь. Ехали на двух конях: Алексей Петрович на пегой кобылке впереди, мы с Федором на гнедом жеребце сзади. К луке отцовского седла Федор привязал небольшую канистру, в которой тяжело плескалась какая-то жидкость и пустое ведро. Нашим «багажом» были две старинные шашки, три кинжала в кожаных ножнах, шашлычные шампуры, ножи и вилки. За спиной у каждого из мужчин висело по охотничьему ружью.

Мы ехали довольно долго и заехали далеко в степь. Спешились у небольшого кургана (или просто бугра?); я тут же стала разминать ноги, затекшие от неудобного положения и тряской езды. Мужчины сняли «багаж», стреножили коней и... растянулись на пригорке, будто намереваясь поспать. Я, недоумевая, присела рядом и хотела спросить, в чем, собственно, дело, и даже уже открыла рот, но, взглянув на Алексея Петровича, увидела, что глаза его не закрыты, а внимательно смотрят на солнце. Я посмотрела на Федора: его взгляд был устремлен туда же. Машинально я тоже глянула на солнце и — зажмурилась от резкого света. Так они лежали, а я сидела минут около сорока. Затем они поднялись, Алексей Петрович загадочно бросил «Пора!». Мужчины засуетились.

Ведро они поставили в центре бугра, чуть окопав землей — для устойчивости. В него налили из канистры белого игристого вина (вот что за жидкость плескалась там!).

— Полынное, — пояснил Федор.

Шашки, кинжалы, ножи и шампуры разложили вокруг ведра с хмельным напитком; их было двенадцать штук, вся эта конструкция больше всего напоминала причудливый циферблат. Солнце достигло зенита и отразилось в вине. Мужчины стали за кругом из холодного оружия друг напротив друга, и, двигаясь против солнца, начали по очереди что-то громко и резко выкрикивать на непонятном мне языке. Когда один кричал, другой наклонялся, выхватывал шашку, кинжал, нож или шампур и окунал его в ведро. Это непонятное действие продолжалось пока отражение солнца не покинуло пределы ведра; от места, где стояли мужчины, исходила плотная, агрессивная энергия, мне казалось, что я вижу ее жесткие лучи, пронизывающие все вокруг.

Ритуал закончился. Алексей Петрович перелил вино обратно в канистру:

— Это тебе для мужа, — сказал он. — И для его коллег.

И хитро подмигнул.

Когда я покидала Калитвинский хутор, Домна Федоровна сказала мне на прощанье:

— Сделаешь все, как Леша тебя научил, а после — не удивляйся. Радость, она как и беда, одна не приходит. Добра будет много у тебя, главное, голову не теряй и Спасу следуй. Сама будешь в Спасе — и родным твоим хорошо заживется.

Федор провожал меня один. Алексей Петрович тоже хотел поехать на вокзал: три большие сумки, нагруженные медом, вареньем, соленьями и салом да плюс канистра вина — ноша не для одного, но Домна Федоровна взглядом остановила его. (Чем опять привела меня в смущение.) Погрузив вещи в вагон, мы вышли на перрон — поезд «Кисловодск-Санкт-Петербург» стоит в Ростове полчаса. Я чувствовала себя

неловко; мы молчали, говорить было не о чем. Объявили отправление, я стала прощаться, и тут Федор извлек откуда-то из глубин куртки изумительной красоты темно-бордовую розу и протянул мне:

— «Черная магия». Поздний сорт. После нее у нас на Дону розы уже не цветут.

И тут же поправился:

— До следующей весны, конечно!

Как и велел мне Алексей Петрович, я, по возвращении домой, предложила мужу устроить небольшой праздник и пригласить к нам в гости всех его коллег. Кстати нашелся и повод — годовщина нашей свадьбы... Гостей я угощала донскими гостинцами, и, разумеется, тем самым полынным вином. Я очень рассчитывала на то, что предпринятые Алексеем Петровичем и Федором «контрмеры» помогут мне выручить мужа из беды. Но, признаться, я не ожидала, что все сделанное ими окажет такое быстрое и сильное действие. События развивались молниеносно. После вечеринки, едва гости разошлись, моего мужа начало рвать и лихорадить. Пот катил с него градом, температура всю ночь была под сорок, а под утро все резко закончилось, и он заснул сном младенца, как будто и не было ничего. На следующий день я не могла нарадоваться: он выглядел как прежде — здоровым и сильным, с лица ушли отеки и желтизна, глаза прояснились, в них снова засветилась мысль. И еще, он сказал мне, что вчера выпил последний в своей жизни стакан вина.

В тот же день вечером позвонил его близкий друг, коллега по институту и со-руководитель проекта. Я сняла трубку, узнала кто звонит, и уже хотела позвать мужа, но человек на том конце провода сказал, что хочет поговорить со мной. Я удивилась, но стала слушать. Друг моего мужа долго и путано что-то объяснял мне, а затем попросил простить его и не держать зла. Ответа на вопрос — за что простить? — я не дождалась. Через несколько дней муж сообщил мне, что друг, который мне звонил, уволился из института. Таким образом, единственным руководителем грантового проекта остался мой муж, и на его плечи взвалилась двойная работа и двойная ответственность. Это показалось нам не слишком хорошей новостью, но немного погодя выяснилось, что, коль скоро мой муж вынужден работать вдвое больше, ему положена и двойная оплата! А это значило, что представилась возможность отработать потраченные не по назначению средства. Это было весьма кстати: оправившись от его «урока», мы тут же составили список знакомых, у кого можно взять займы...

Но и это был не последний сюрприз. Работая вдвое больше, мой муж вплотную приблизился к важному (и, главное, нужному!) открытию. И тут же получил несколько очень выгодных предложений от крупнейших мировых институтов. Вот так Путь Спаса чудесным образом преобразил не только мою жизнь, но и жизнь моих близких.

[проповедь]

Спасение любовью

Всякий знает отчаянье падения и тьмы беспроглядной, когда не брезжит не единый огонек надежды. Но не всякий понимает: там, где дно, близок свет, близок как никогда, ведь сумерки ночи темнее всего перед самой зарей! Ты спустился на дно бед и горестей? Голову вверх подыми: там увидишь звезду, это — Надежда твоя. Многих отчаянье давит, и гибнут они, как под колесами гибнут лягушки. Но смерть их

— в отчаянье их, в безверии их. Тот, в ком жажда жизни недостаточно сильна, достоин участи этой. Вперед иди и борись, и карабкайся, бейся — и тогда смерть отступит, и встретишь ты ветер попутный, что к пристани нужной твой парус пригонит. А если случится беда не с тобою, а с ближним твоим? В этом случае ветер — любовь, лишь она паруса наполняет и силы дает поднять душу живую со дна — любой ценою, даже ценою души или жизни своей. «Никто не имеет большей любви, кто душу свою положит за друга своего» — Христос говорил. Во имя спасения ближнего отречься от себя самого, и в скверну втоптать, утопиться в болоте отчаянья, слез и греха... Это страшно бывает, даже смерть не страшит порою так, как страшит унижение и возможность остаться навсегда на дне жизни. Но вспомни Адама: чем Ева была для него? Плоть от плоти его, кость от кости его. И узнал себя в ней первомужчина, а первоженщина в нем угадала себя. Значит, ближний твой — часть тебя самого, и, спасая его, ты для себя тропинку к спасенью торишь. В этом — сущность любви, и святость любого человеческого существа. Кто святее, священнее всех? Сам Господь. Ибо ты, человек, лишь способен любить половину свою и спасти ее в горестный час, а Господь любит мир весь без остатка и нисходит на дно каждый миг, чтоб любая презренная тварь ощутила величие мира и свет, и полет. Жизнь — в любви, смысл — в любви, потому говори, как молитву: «Люблю!», повторяй это слово, и любовью спасешься, и мир, осиянный любовью твоей, спасен будет.

[конец проповеди]

[1] Вместо эпилога

Прошло чуть больше полугода, и мы с Домной Федоровной встретились вновь. Целительница приехала в Петербург поклониться местным святыням (раз в год она обязательно совершает паломничество в какой-нибудь из российских монастырей). И, разумеется, остановилась у нас. Несмотря на то, что в нашей квартире всего одна комната, ни я, ни мой муж не могли позволить моей донской хозяйке воспользоваться услугами паломнической гостиницы. Во-первых, это было бы крайне невежливо по отношению к знахарке, столь сердечно принимавшей меня у себя на хуторе. А во-вторых, со времени ее звонка, когда она сообщила, что едет в Петербург, я считала дни до того момента, когда я снова смогу увидеть свою духовную наставницу и сгорала от желания поговорить с ней.

Несмотря на то, что конец апреля в Институте — самое сумасшедшее время (период защиты дипломов и зачетных недель перед весенней сессией), я выпросила выходной день. Дождавшись, когда муж уйдет на работу, мы с Домной Федоровной уселись на кухне, и, согревая время от времени чай, наговорились всласть. За окном серели тучи, капал мелкий дождичек, а у меня в доме царил настоящая весна. Донская сирень темно-лилового и белого цветов наполнила нашу маленькую квартирку дивным ароматом и сиянием южного солнца. Эту чудную сирень, закутанную в газеты и поставленную в ведро с водой передал мне в качестве гостинца Федор. Вместе с гостинцем целительница привезла радостную весть: Федор, гостя у сестры в Краснодаре, встретил хорошую девушку и собирается осенью жениться. А сейчас строит свой дом на свободном участке рядом с кузницей. Кстати, он надеется, что я приеду к ним на свадьбу...

Я была искренне рада такому повороту событий и, разумеется, ответила, что приложу все силы, чтобы вырваться на Дон осенью. Домна Федоровна рассмеялась: «то не твоя забота, доня — Спас все устроит самым лучшим образом, а силы побереги для другого».

Вспомнив обширные калитвинские уголья, я вздохнула и вслух подумала: какое это, должно быть, счастье — иметь свою землю и возможность вот так вот запросто строить свой дом... А у нас только тесная «однушка», в которой и ремонт-то сделать руки не доходят, да и как его сделаешь: все заполонили собой книги и рукописи, самим скоро жить негде будет. Домна Федоровна на это ответила, что главное — быть на Пути, и тогда все, что нужно, придет само собой. При этом она заметила, что прежде чем думать о более просторном жилье, надо обустроить имеющееся.

— А у тебя, доня, — промолвила она строго, — не то дом, не то сарай. Несправно это, неправильно. Кто свой угол в беспорядке содержит, тому в хоромах не жить.

Я удивилась: как же мне еще обустроить жилье, ведь все — на первый взгляд — разложено по полочкам и в квартире у нас пусть тесно, но все-таки убрано. Какой же тут беспорядок? Целительница объяснила: каждой вещи положено свое место. А у меня в доме и вещи, и места смешаны, пространство сдвинуто, сломано и совсем не способствует ни нормальной работе, ни благополучной семейной жизни. Я тут же спросила ее, что она имеет в виду, но вместо ответа знахарка прошла в комнату, по-хозяйски оглядела ее и... начала снимать книги с полок.

До вечера мы занимались перестановкой. Результат превзошел все ожидания: пространство комнаты освободилось и задышало, находиться в нем было теперь приятно и комфортно. Я не могла нарадоваться: «просто какой-то казачий феншуй!» — с восторгом и смехом заявила я знахарке. Домна Федоровна тоже рассмеялась и сказала мне, что на этот раз я как никогда близка к истине: оказывается, в Казачьем Спасе существует специальная система ведения дома, а называют ее «Справный дом». Система мудрая и простая, а главное — подходящая для русского человека: ведь возникла она, как и Казачий Спас, в нашем отечестве.

— А что же Федор, — спросила я, — тоже будет обустраивать свое жилье согласно Казачьему Спасу?

Домна Федоровна утвердительно кивнула головой и добавила, что ему-то придется пройти все этапы построения Справного Дома, ведь начал он с самого начала. И он уж постарается сделать все по правилам, потому что дом — это основа семейного благополучия.

От этих слов внутри меня словно зажегся маленький огонек. «Как было бы здорово понаблюдать за обустройством этого самого Справного Дома, а может, и поучаствовать в нем?» — помечталось мне, но тут же с грустью подумалось, что предстоящая летом поездка на Дон будет полностью посвящена раскопкам, и в этот раз свободного времени у меня не будет совсем: экспедиция предполагалась серьезная.

От этих грустных размышлений меня оторвал голос знахарки:

— Сегодня не тает, а завтра — кто Божье знает? — улыбаясь, промолвила она. — Одному Спасу ведомо, когда что сотворить и кому что назначить. Кому — раскопки, а кому — Справный дом.